

И. И. КАРПЕЦ

ПРЕСТУПЛЕНИЯ
МЕЖДУНАРОДНОГО
ХАРАКТЕРА

Москва
«ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1979

66.4

К26

К $\frac{11005-009}{012(01)-79}$ **71-79.** 1207000000

Издательство «Юридическая литература», 1979

Автор этой книги — профессор И. И. Карпец, известный советский ученый, много работающий в области уголовного права и криминологии. Его монографии «Индивидуализация наказания», «Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы», «Проблема преступности», «Современные проблемы уголовного права и криминологии» и другие получили признание в нашей стране и за рубежом. Для творческой манеры И. И. Карпеца характерно стремление находить новые аспекты проблем. Выдвигаемые им теоретические положения всегда основаны на практике, тесно связаны с деятельностью практических органов, ведущих борьбу с преступностью. И это не случайно, ибо И. И. Карпец — это тоже особенность его как ученого — сочетает научную работу с практической деятельностью.

Представляемая читателю книга открывает новую сторону научных интересов автора. Она похожа на его прежние работы и в то же время существенно различается от них. Она органически связана с прежними работами потому, что речь идет о преступности, борьбе с ней. Но вместе с тем рамки рассматриваемых вопросов значительно расширены. Автор анализирует малоисследованные проблемы международного уголовного права, международных преступлений, преступлений международного характера. Перед нами возникает комплекс новых теоретических и практических проблем, лежащих в сфере ряда наук — международного права, уголовного права, теории государства и права, криминологии, социологии.

Предлагаемая книга носит острый политический характер, ибо затрагивает вопросы, имеющие существенное значение для дела борьбы за мир и международного сотрудничества.

Думается, что путь автора к работе такого рода не случаен: И. И. Карпец много лет является вице-президентом Международной Ассоциации юристов-демократов, членом Советского Комитета защиты мира, участ-

ником многих международных форумов, посвященных обсуждению как непосредственно вопросов борьбы с преступностью, так и актуальных проблем борьбы за мир и международное сотрудничество, против агрессии, за права человека.

Отталкиваясь от принципиальных положений о международном праве как праве эпохи мирного сосуществования государств с различным общественным строем, от положений, сформулированных партией, Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР товарищем Л. И. Брежневым, о разрядке международной напряженности как единственно разумном пути в международных отношениях, автор переходит к обоснованию необходимости усиления роли права и, в частности, международного уголовного права, с помощью которого народы мира могут вести борьбу против особо опасных преступных посягательств на их права и интересы. В работе показана непоследовательность многих буржуазных ученых, которые в угоду монополистическому капиталу срывают практическое решение актуальных вопросов; подчеркивается недопустимость ставить под сомнение сформулированные принципы международного уголовного права, получившие отражение в Уставе Международного Военного Трибунала в Нюрнберге и его приговоре, полностью воспринятые приговором Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока, официально признанные и поддержанные ООН в качестве руководящих норм международного права.

Представляется плодотворной предлагаемая автором классификация различных преступных посягательств в сфере международных отношений на преступления международные (против мира и человечества) и преступления международного характера. При этом он справедливо считает (так же как А. Н. Трайнин, Г. И. Тункин и другие советские авторы), что нельзя «криминализовать» международное право, что должна получить право на существование новая отрасль правовой науки — международное уголовное право.

Рассматривая различные виды преступлений международного характера, автор вполне аргументированно говорит об их подвижности, о том, что многие из них в современный период становятся в ряд международных преступлений. Это особенно относится к терроризму, на-

емничеству, торговле людьми и ряду других преступлений.

И. И. Карпец убедительно показывает, как демократические принципы социалистического права оказывают влияние на формирование новых принципов ответственности за преступления международного характера, практику применения действующих норм складывающегося международного уголовного права. В связи с этим интересен раздел, где автор рассматривает теоретические вопросы уголовно-правовой теории и возможности использования институтов социалистического права в борьбе с преступлениями международного характера.

Раскрывая классовую сущность «международной» преступности, подчеркивая, что в своих истоках она есть феномен общества эксплуатации и угнетения, автор высказывает интересные соображения о проблемах международной законности. Показывая конкретные нарушения законности, совершаемые реакционными кругами, он в то же время подчеркивает, что в настоящих условиях, когда вырос авторитет Советского Союза, социалистических государств, стран, освободившихся от иностранной зависимости, нарушать международную законность определенным кругам становится все труднее. Поэтому укрепление международной законности вполне реальная задача, решение которой послужит прежде всего делу укрепления мира и сотрудничества между государствами и народами.

Серьезного внимания заслуживает политический и правовой анализ терроризма, данный столь обстоятельно в нашей литературе впервые. Проблема борьбы с международным терроризмом сейчас весьма актуальна, ибо активизация терроризма связана прежде всего с наступлением сил реакции на демократические и прогрессивные движения, с одной стороны, и стремлением империалистических кругов дискредитировать национально-освободительное движение народов — с другой.

В работе проанализированы отдельные виды преступлений международного характера, показано, в каких случаях и как они затрагивают либо могут затрагивать интересы нашего государства. Много нового найдет читатель в разделах о таких преступлениях, как распространение наркотиков и торговля ими, посягательства на окружающую человека среду, на национально-культурное наследие народов.

Выводы и предложения автора при их политической остроте и полемической направленности против правовой реакции в целом конструктивны и гуманистичны. Привлекает внимание его уважительное отношение к ученым, исследовавшим те или иные вопросы, близкие к рассматриваемым в книге, даже в тех случаях, когда он полемизирует с ними.

Не все в книге равноценно, не все вопросы рассмотрены одинаково подробно, есть дискуссионные положения (о некоторых говорит и сам автор). Однако очевидно, что перед нами оригинальная и новая то проблематика, постановке вопросов и их решению работа. В современный период нет и не может быть людей, равнодушных к делу сохранения мира на земле, к борьбе с силами реакции, мешающими разрядке международной напряженности и мирному сосуществованию государств с различным общественным строем. Нет и не должно быть людей, равнодушных к борьбе с наиболее тяжкими посягательствами на нормальное международное общение и права людей — преступлениями международного характера. Нет и не может быть равнодушных к усилению роли права как одного из важнейших инструментов сохранения мира на земле и защиты прав человека.

*Председатель Верховного Суда СССР,
Почетный доктор права Гумбольдтовского
Университета в Берлине
и Карлова Университета в Праге
Л. СМИРНОВ*

ВВЕДЕНИЕ

Проблемы, рассматриваемые в настоящей книге, актуальны с точки зрения тенденций развития правовой науки в современный период.

Многообразие общественных отношений, их совершенствование немыслимы без правового регулирования. Это не значит, однако, что все общественные отношения, следует втиснуть в прокрустово ложе правовых норм.

Более того, попытка сделать это привела бы к омертвлению социальной жизни. Юридический фетишизм и переоценка правовых норм пользы не приносят.

Но в то же время недопустима и недооценка права. Нигилистическое отношение к праву, к законности наносит вред нормальному функционированию общества, развитию и совершенствованию общественных отношений. Роль права и законности возрастает в жизни общества не «количественно», образно говоря, а «качественно»: право регулирует важнейшие общественные отношения.

В последние годы в связи с подготовкой новой Конституции, всенародным обсуждением ее проекта и принятием ее советская правовая наука характеризуется дальнейшим развитием как общих концепций теории права, так и конкретных отраслей права.

Более тесными становятся связи права с другими науками, в частности с наукой управления, естественными науками, в праве начинают находить место математические методы и т. д.

Жизнь выдвигает перед правовой наукой все новые проблемы. В частности, в задачу права входит не только регулирование различных групп общественных отношений внутри нашего общества, но и утверждение гуманистических правовых принципов на международной арене в условиях мирного сосуществования государств с различным социально-политическим строем и разрядки международной напряженности. Таково веление вре-

мени, вызванное к жизни интересами всех народов мира¹.

Конституция Советского Союза 1977 года характерна, в частности, тем, что в нее включена новая глава: «Внешняя политика». Это не случайно. Роль и значение внешнеполитической деятельности Советского государства, его влияние на судьбы мира возрастают.

В Конституции подчеркивается, что Советское государство последовательно проводит ленинскую политику мира, выступает за упрочение безопасности народов и широкое международное сотрудничество. Отношения СССР с другими государствами строятся на основе соблюдения принципов взаимного отказа от применения силы или угрозы силой; суверенного равенства; нерушимости границ; территориальной целостности государств; мирного урегулирования споров; невмешательства во внутренние дела; уважения прав человека и основных свобод, равноправия и права народов распоряжаться своей судьбой; сотрудничества между государствами; добросовестного выполнения обязательств, вытекающих из общепризнанных принципов и норм международного права, заключенных СССР международных договоров.

В соответствии с положениями Конституции советская концепция науки международного права, разделяемая социалистическими государствами и всеми прогрессивными силами, которым дороги мир и безопасность народов, направлена прежде всего на то, чтобы обеспечить мир и мирное сосуществование народов на земле, в зародыше пресекать любые попытки агрессивных кругов помешать процессу разрядки международной напряженности, бороться за то, чтобы все возникающие между государствами конфликты разрешались мирным путем, на основе переговоров, способствовать исключению применения силы в отношениях между государствами, агрессивных войн и порабощения народов. «Уничтожить войны, утвердить вечный мир на земле — историческая миссия коммунизма», — говорится в Программе КПСС.

Жизнь показала, что бороться за мир можно и нужно всем миролюбивым государствам, в том числе с помощью права, его общепризнанных норм и принципов, с помощью объединения всех общественных сил, способных оказывать прогрессивное воздействие на государства и правительства.

Велика в связи с этим роль правовой науки, особенно Советской страны и других социалистических стран, вырабатывающей на основе анализа отношений, складывающихся в современном мире, такие принципы и нормы, которые способствуют укреплению отношений дружбы и сотрудничества между государствами и народами, ставят правовые барьеры силам агрессии и реакции².

Право всегда было, есть и должно оставаться инструментом мира. При этом опыт совместного решения государствами многих правовых проблем показывает их эффективность и большую пользу для дела мира.

Не являются исключением и уголовно-правовые нормы для борьбы с преступлениями, наносящими ущерб укреплению сотрудничества между государствами в условиях мирного сосуществования государств с различным общественным строем.

История свидетельствует, что те, «то совершают международные преступления, преступления против мира и человечества, должны нести уголовную ответственность. Важнейшим прецедентом в этом плане явились судебные процессы над нацистскими военными преступниками в Нюрнберге и японскими милитаристами в Токио.

Многие ученые говорили о необходимости создания новой отрасли правовой науки — международного уголовного права. Но особенно актуальной эта проблема стала в ходе войны против нацизма, войны преступной в самих своих истоках³.

В послевоенный период, характерный прежде всего расширением сотрудничества между государствами практически во всех областях жизни, несмотря «а неравномерность этого процесса и стремление определенных кругов искусственно затормозить его, были выдвинуты новые идеи, определились новые тенденции, получившие, в частности, свое выражение в заключении ряда соглашений и конвенций по вопросам борьбы с преступлениями международного характера, не относящимися к категории тех, которые рассматривали Нюрнбергский и Токийский трибуналы⁴. Таковы, например, рабство и работорговля, угоны самолетов и другие преступления, характерные для нынешнего периода. Будучи порождением эксплуататорских общественных отношений, они затрагивают интересы Советского государства и других социалистических стран, а также стран, отно-

сящихся к категории неприсоединившихся или освободившихся от колониальной зависимости.

Поскольку жизнь выдвигает новые проблемы, автор видел свою задачу в том, чтобы, исходя из разработанных вопросов о международных преступлениях, рассмотреть другую группу преступлений — преступления международного характера.

Некоторые из таких деяний не признаны официально всеми государствами в качестве преступных. Однако их опасность для международного общения очевидна, необходимо ставить вопрос о борьбе с такими деяниями в интересах миролюбивых народов.

Обращаясь к этой группе преступлений, автор исходил из недостаточной разработанности проблем, из того, что многие из этих преступлений в современных условиях приобретают большую опасность и заслуживают тщательного анализа и оценки (здесь в первую очередь речь должна идти о составе терроризма).

Сотрудничество между государствами в области борьбы с преступностью вытекает из Устава ООН, где говорится об осуществлении международного сотрудничества в разрешении проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера (п. 3 ст. 1). В резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 19 декабря 1968 г. содержится рекомендация разрабатывать политику «для борьбы... с преступностью в условиях быстрых социальных преобразований». В резолюции нет прямого указания на то, с какими именно преступлениями необходимо вести борьбу, однако из духа не только этой резолюции, но и самого Устава ООН вытекает, что речь должна идти не только о борьбе с общеуголовной преступностью, но и о борьбе с преступлениями, наносящими ущерб делу мира, международного сотрудничества и нормальным отношениям между государствами. Более того, истоки общеуголовной преступности в странах с различным социальным строем различны, а преступления, наносящие ущерб мирному сосуществованию в условиях разрядки, опасны практически для любого государства и требуют согласованной борьбы с ними.

Автор считает, что совместная борьба с преступлениями в тех случаях, когда они носят международный характер и затрагивают межгосударственные интересы, способствует взаимопониманию, укреплению мирных

отношений и сотрудничества между государствами и народами.

Конечно, не все вопросы темы исследованы достаточно полно. Одни вопросы рассмотрены более подробно. Другим уделено меньше внимания. При этом автор исходил из того, какие, с его точки зрения, преступные деяния более опасны, какие — менее, каково их «влияние» на систему международных отношений, стремясь показать, как уголовное право может способствовать укреплению мира и сотрудничества между государствами. Несмотря на спорность ряда положений и оценок, автор надеется, что его соображения послужат дальнейшей разработке этих проблем.

Автор приносит глубокую благодарность товарищам и коллегам-специалистам, помогавшим взыскательной критикой и советами при написании этой книги, особенно ученым секторов международного права и общей теории уголовного права Института государства и права Академии наук СССР.

**МЕЖДУНАРОДНОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВО,
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ
МЕЖДУНАРОДНОГО ХАРАКТЕРА**

Глава I

ПОНЯТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

1. Вопрос о международном уголовном праве представлял и представляет предмет оживленных дискуссий (как и вопрос о понятии международного преступления). При этом не было и нет однозначной аргументации «за» или «против» его существования. В различные исторические периоды одни буржуазные ученые выступали за введение понятия международного уголовного права и, соответственно, за кодификацию норм, содержащих описание международных преступлений, другие считали ненужным создавать международное уголовное право. Иными словами, дискусионен был вопрос не только о понятии международного уголовного права, но и о том, необходима ли вообще такая отрасль права, имеет ли она право «на существование»?

Идея создания международного уголовного права возникла на грани XIX—XX вв.¹. Первоначально под международным уголовным правом понимался ограниченный круг норм, регулировавших вопросы действия уголовного закона в пространстве. Этому способствовало увеличение числа преступлений, совершенных иностранцами, в том числе дипломатическими представителями.

Кроме того, некоторые государства стремились распространить действие национальных уголовных законов «на территорию других государств (за преступления, совершенные вне пределов государства, но посягающие на его интересы), что, естественно, вызывало сопротивление и несогласие.

Понятие международного уголовного права складывалось также из норм, регулирующих вопросы правовой помощи и выдачи преступников.

В русской дореволюционной литературе одним из первых идею необходимости международного уголовного права обосновал Н. М. Коркунов в статье «Опыт конструкции международного уголовного права»². Позднее большой труд, где рассматривалась и эта проблема, написал Ф. Мартенс³. Трудно, конечно, сказать, кто явился инициатором идеи создания новой отрасли правовой науки — юристы-международники или юристы-криминалисты. Но, вероятно, приоритет все же следует отдать юристам-международникам, что, впрочем, естественно, ибо международно-правовые отношения, их развитие ставили новые проблемы, требующие своего разрешения.

Еще старая доктрина международного права признавала определенные категории правонарушений международного характера преступными и отмечала международную обязанность всех государств наказывать лиц, их совершивших. Так, немецкий юрист А. Гефтер писал, что «всякое действительное и безусловное отрицание прав людей и народов, всякое покушение общего или частного характера, направленное против этих прав и заявленное вопреки принятием соответствующих мер, составляет нарушение международного права, оскорбление всех государств... и вызывает общие усилия к их подавлению»⁴. К числу таких преступлений, совершаемых отдельными лицами, он относил, например, пиратство.

Швейцарский юрист-международник И. Блюнчли писал: «Если нарушение международного права грозит всеобщей опасностью, то не только потерпевшее государство, но и все другие, имеющие достаточно силы для защиты международного права, должны противодействовать ему и позаботиться о восстановлении и обеспечении юридического порядка»⁵.

В числе подобных преступлений, совершенных отдельными лицами, Блюнчли называл пиратство, ограбление иностранцев, введение рабства, открытое жестокое угнетение иностранцев и др.

Конечно, старая доктрина не проводила отчетливого различия между международной политической ответственностью государств и международной уголовной

ответственностью отдельных лиц и формулировала принципы международной уголовной ответственности весьма расплывчато. Но это и понятно, ибо принципы эти в то время еще только начали складываться. Точнее, даже только начали проглядывать их контуры. Но сам по себе факт, что уже в то время юристы стали беспокоиться о том, чтобы право более эффективно служило делу сохранения мира и интересам народов, весьма примечателен. Позднее все чаще стали возникать вопросы не только об ответственности государств за нарушение договоров, соглашений, конвенций, общепринятых норм международного права, но и об ответственности конкретных лиц, причем за такие деяния, которые нормами существовавшего тогда международного права не охватывались.

Имелись такие преступные деяния, которые, не являясь в прямом смысле нарушениями норм международного права, наносили вред международному обществу государств (например, так называемое пиратство). Наличие таких деяний требовало согласованной деятельности государств, заключения соответствующих конвенций и договоров, установления принципов ответственности.

В связи с этим требовала разрешения проблема применения принципов уголовного права, например принципа вины. Известно, что в международном праве постановка вопроса об индивидуальной вине не всегда возможна⁶. В уголовном праве без вины не может быть ответственности (среди буржуазных ученых есть сторонники объективного вменения, не имеющие, правда, широкой поддержки).

Не менее важным обстоятельством, повлиявшим на возникновение идей международного уголовного права, было также укрепление связей между преступниками разных стран, создание международных объединений преступников, часто даже влиявших на политику своих (и чужих) правительств. Этот процесс развивался весьма стремительно, особый размах он получил в настоящее время, когда происходит сращивание капиталистических монополий с организованной преступностью. В то же время, хотя этого или не хотят руководители капиталистического мира, но вести борьбу с организационной преступностью, со складывающимися международными преступными синдикатами они должны.

Наконец, нельзя не сказать и о том, что идеи создания международного уголовного права возникли и потому, что капитализм хотел создать единый фронт (в том числе с помощью уголовного права) против трудящихся, борющихся за свои права, за уничтожение эксплуатации и угнетения, против их авангарда — коммунистов. Последнее можно видеть на ряде институтов складывавшегося международного уголовного права, например на трактовке понятия такого преступления, как пиратство, к которому буржуазные юристы в угоду господствующему классу приравнивали мятеж на флоте, вызванный невыносимыми условиями службы⁷.

2. С возникновением первого в мире социалистического государства — СССР — многие буржуазные ученые стремились путем конструирования международно-правовых норм вмешиваться во внутренние дела Советского Союза и протаскивать антикоммунистические законы. Это особенно ярко видно на примере деятельности унификационного движения в области международного уголовного права⁸.

В то же время признание молодого Советского государства и широкий выход его на международную арену дал образец внешней политики совершенно нового качества, послужил созданию новых, подлинно демократических принципов международного права. С этим нельзя было не считаться, в том числе и ведя борьбу с преступными действиями на международной арене.

Таким образом, вопрос о создании международного уголовного права становился все более актуальным и даже необходимым, в частности, для защиты демократических принципов международного сотрудничества.

Развитие международных отношений в связи с ростом международного влияния **Советского** Союза, особенно после разгрома фашизма и возникновения мировой социалистической системы, заставило буржуазных ученых более осторожно подойти к идее создания международного уголовного права. Отчетливее стала проявляться борьба прогрессивных и реакционных взглядов на эту проблему.

Важнейшую роль сыграли при этом суд народов над главарями третьего рейха, утверждение принципов Нюрнбергского трибунала, суд над японскими военными преступниками, рост влияния на международной арене социалистических государств и, соответственно, новый

подход к роли международного уголовного права и понятию международного преступления, в первую очередь и главным образом как преступления против мира и человечества, преступления агрессии.

Мотивы борьбы с революционным движением трудящихся с помощью международного уголовного права стали отходить на второй план, зазвучали глуше. На первый план выступила боязнь империализма понести ответственность за свои преступления, ибо соотношение сил в мире изменилось в пользу социализма, демократии и прогресса. Поэтому дискуссия о том, быть или не быть международному уголовному праву, а если и быть, то какие преступления относить к числу тех, которые должны регулироваться этим правом, приняла иные, мы бы сказали, более осторожные формы.

Более того, крен стал делаться в сторону общеуголовных преступлений, появились утверждения, что они-то и носят «международный характер», что именно они, якобы доставляя особое беспокойство для государств, и должны составлять предмет международного уголовного права. При этом произошло, и довольно отчетливо, разделение ученых на три группы: одна придерживается прогрессивных принципов и стоит прежде всего за то, чтобы международное уголовное право служило делу защиты мира и борьбе против агрессии; вторая состоит из лиц, которые не могут открыто отвергнуть принципы Нюрнберга, но хотят показать свою «чистую приверженность» праву, не высказывая в то же время открыто свои политические позиции и симпатии; в третью группу вошли те, «то в интересах реакционных кругов капитализма отрицает необходимость международного уголовного права.

Весьма интересна эта метаморфоза: первоначально, в угоду буржуазии, когда нужен был в международном масштабе инструмент подавления трудящихся и нажима на молодое Советское государство, буржуазные ученые выступали «за» международное уголовное право, теперь же, руководствуясь теми же интересами, они голосуют «против».

3. Крайне отрицательную позицию по отношению к международному уголовному праву занимают прежде всего многие ученые ФРГ, не признающие принципов Устава Нюрнбергского трибунала и правомерность самого приговора. Конечно, это не голословное отрица-

ние. Под данную точку зрения подводятся «юридические» аргументы. Ведь сейчас не то время, когда голым «нет» можно решить какой-либо вопрос, тем более юридический, международный, затрагивающий коренные интересы народов в борьбе за мир. Поэтому Г. Ешек, например, выражая сомнение в необходимости международного уголовного права, считает, что для его существования необходимо наличие международных уголовно-правовых норм, непосредственно распространяющихся не на государство, а на граждан любого государства, признание примата этих норм над национальным законодательством, наличие надгосударственных судебных органов⁹. Позиция, как видим, весьма интересная. И вот почему. В буржуазной юридической литературе послевоенных лет активно обсуждался вопрос о создании международного суда, который мог бы выносить приговоры и решения, обязательные для всех государств и правительств. При этом, поскольку такой суд находился бы, конечно, в руках ведущих капиталистических государств (так полагали авторы этой идеи), можно будет осуществлять диктат по отношению к странам социалистической системы, не говоря уже о слаборазвитых государствах. Еще шире, чем о суде, распространялись идеи о гаверхправительстве, об ограничении суверенитета государств «мировым» государством и т. п. Однако эти теоретические концепции поддержки не нашли. Парадоксально, что Ешек — один из самых реакционных ученых и апологет фашизма — говорит о «сомнительности» международного уголовного права, ибо нет надгосударственных судебных органов, но главное потому, что они не могут быть созданы.

Есть ученые, которые хотя и признают Устав Нюрнбергского трибунала, считают, что его приговор обоснован и законен, но отрицают, что нюрнбергские принципы стали общепризнанными принципами международного права¹⁰. Они тоже не допускают возможности создания международного уголовного права.

Учитывая, очевидно, негативное отношение своих коллег к столь острой проблеме, ряд западных ученых, являющихся в целом выразителями прогрессивных и гуманистических принципов, осторожно оценивают возможности создания международного уголовного права. Один из руководителей Международной Ассоциации уголовного права, известный французский ученый П. Бу-

за, например, считает вопрос о международном уголовном праве «весьма деликатным», не высказываясь, по существу, ни «за», ни «против»¹¹. Другие ученые, близкие по теоретическим позициям и взглядам к П. Буза, например Р. Мерль, говорят, что к определению понятия международного уголовного права, и тем более к его созданию, нужно подходить осторожно, учитывая большие дискуссии по вопросу о предмете этой науки. При этом Р. Мерль подчеркивает, что вся эта проблема в настоящее время находится в стадии доктринальных исследований¹².

Вряд ли можно считать эту осторожность оправданной. Ведь и П. Буза, и Р. Мерль, и другие ученые, проявляющие осторожность, не могут не видеть, что по важнейшему вопросу, составляющему, мы бы сказали, сердцевину проблемы — уголовно-правовой защиты мира в борьбе с преступлениями против мира и человечества — сложились общие принципы, ставшие общепризнанными нормами и принципами международного уголовного (а не только международного) права, состоялись вошедшие в законную силу приговоры и имеется перечень видов наиболее тяжких международных преступлений, признанных в качестве таковых столь авторитетным форумом, как ООН. Наконец, при общем согласии *ad hoc* создавались международные уголовные суды, выработана процедура рассмотрения таких дел.

Весьма важное значение имела борьба прогрессивных сил за неприменение сроков давности к нацистским военным преступникам, борьба, по существу, за один из важнейших уголовно-правовых принципов с трансформацией его в сферу международных преступлений, как преступлений специфических и особо тяжких для судеб человечества. Эта борьба привела к утверждению этого принципа, признанию его в качестве института международного уголовного права.

В последние годы Объединенные Нации пошли еще дальше, дав определение агрессии как международного преступления. Очевидно, что сейчас имеется достаточная теоретическая и практическая база для создания международного уголовного права. Нельзя проявлять нерешительность, когда в интересах народов и дела мира требуется сформулировать принципы отрасли права, которая может и должна принести пользу в борьбе за мир, против преступлений агрессии. Тем более, что появи-

лись — и с этим необходимо считаться — другие преступления, хотя и не столь тяжкие, «о наносящие ущерб международному общению, интересам государств, народов, отдельных людей, появились в новых, современных условиях мирного сосуществования государств с различным социально-политическим строем, одинаково опасные для всех государств, независимо от характера общественного строя.

При этом следует отметить, что в 20-х и начале 30-х годов этого столетия ряд уголовных преступлений был назван в международных конвенциях в качестве таких, с которыми должны вести борьбу все государства или, во всяком случае, большинство. К числу их была отнесена, например, торговля наркотиками. Последнее является дополнительным свидетельством того, что жизнь идет впереди теоретической мысли, что вопреки сложившимся доктринальным схемам проявляются деяния, нарушающие нормальные отношения между государствами в условиях мирного сосуществования (если не прямо, то косвенно), затрагивающие межгосударственные интересы. Очевидной становится необходимость их правовой регламентации.

4. Попытки сформулировать понятие международного уголовного права основываются на одной из следующих идей.

Первая идея: международное уголовное право есть самостоятельная отрасль международного права. Вторая: часть международного публичного (либо частного) права. Третья: часть уголовного права. Четвертая: международное уголовное право — самостоятельная комплексная отрасль права.

Какая из этих позиций наиболее приемлема? И почему?

Прежде чем ответить на поставленные вопросы, следует иметь в виду, что в советской науке определение предмета международного уголовного права первоначально проистекало из стремления сформулировать задачи борьбы за мир, в частности борьбы с преступлениями, сформулированными в Уставе Нюрнбергского трибунала. А. Н. Трайнин, начавший в 1935 году активную разработку проблем международного уголовного права, подчеркивал огромную значимость уголовного закона в борьбе за мир и безопасность народов. В период войны и послевоенные годы плодотворно работали в этом наа-

равлении Н. Н. Полянский, Б. С. Утевский, А. А. Пион-
тковский, М. Д. Шаргородский, П. С. Ромашкин, В. М.
Чхиквадзе; из юристов-международников — В. Н. Дур-
деневский, Д. Б. Левин, С. Б. Крылов, Г. И. Тункин
и др.

П. С. Ромашкин, например, писал, что предметом
регулируемого международного уголовного права яв-
ляются «отношения между государствами, складываю-
щиеся в процессе их координированной борьбы с между-
народными преступлениями»¹³. Аналогичную позицию
занимал и Д. Б. Левин¹⁴. Следует иметь в виду также и
то, что понятие международного преступления связыва-
лось с его определением в Уставе Нюрнбергского три-
бунала. В настоящее время, как мы постараемся пока-
зать, перечень таких преступлений значительно расши-
рился.

Советские юристы считали необходимым сформули-
ровать понятие международного уголовного права та-
ким образом, чтобы оно способствовало обеспечению ми-
ра и безопасности народов. В этом, на наш взгляд, про-
явилась прогрессивная роль советской правовой науки,
в частности науки уголовного права, которая стала
одним из средств защиты мирного сосуществования
народов, защиты мира против агрессивных сил реак-
ции¹⁵.

5. Мы уже говорили о том, как узко понимали меж-
дународное уголовное право буржуазные юристы. В то
же время были ученые, считавшие, что международное
уголовное право — самостоятельная отрасль права,
включающая не только вопросы действия уголовного
закона в пространстве и выдачи преступников. Такова,
например, позиция проф. Мейли. Он определял между-
народное уголовное право как «комплекс норм и юриди-
ческих правил, которые вытекают из того факта, что
преступные действия подпадают или кажется, что
они подпадают, под власть уголовных законов несколь-
ких политически друг от друга независимых госу-
дарств»¹⁶. Хотя Мейли претендовал на более широкое,
чем у других ученых, определение предмета (ибо кроме
вопросов материального права он разрабатывал и про-
цессуальные нормы международного характера), прак-
тически он повторял то, что было сказано до него. «При
таком определении к международному уголовному пра-
ву, — писал П. С. Ромашкин, — относятся лишь нормы,

разрешающие столкновение двух или нескольких национальных кодексов и законов, и все вопросы международного уголовного права сводятся лишь к рассмотрению вопроса о действии уголовного закона в пространстве»¹⁷.

Один из известных латиноамериканских юристов-международников — Бустаманте по аналогии с международным правом подразделял международное уголовное право на публичное и частное. Он полагал, что международное публичное уголовное право должно заниматься определением ответственности юридических лиц за совершенные ими преступления¹⁸. Такое определение предмета международного уголовного права, с нашей точки зрения, не может быть признано удовлетворительным; вызывает возражения и основа теории Бустаманте: разделение международного уголовного права на две части без четкого их разграничения с обоими видами международного права.

Советская правовая наука, анализируя систему права, исходит из того, что деление на отрасли должно происходить по предмету и методу регулирования общественных отношений. Исходя из этого, мы не можем признать международное уголовное право частью международного права.

В самом деле, основной особенностью международного права является то, что оно регулирует отношения между суверенными государствами по самому широкому кругу вопросов в условиях мирного сосуществования¹⁹. Нормы его создаются путем соглашения между государствами. Юридические последствия нарушения общепринятых норм международного права — это прежде всего последствия, падающие на государство, ибо субъектами ответственности по международному праву являются главным образом государства (в ряде случаев международные организации).

Следует при этом отметить, что современное международное право признало принцип индивидуальной ответственности физических лиц в Уставе Нюрнбергского трибунала и в специальной резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 11 декабря 1946 г. о подтверждении принципов международного права, признанных статутом Нюрнбергского трибунала. Это позволило ряду буржуазных юристов говорить о появлении нового вида ответственности государства — уголовной ответствен-

ности (Пелла, Сальданыя, Доннадье де Вабр, Бустаманте и др.). Особенно активно разрабатывал эту проблему проф. Пелла, составивший План Международного уголовного кодекса (в качестве приложения к работе «Преступная война и преступники войны»)²⁰.

Давая перечень преступных деяний, Пелла назвал и санкции, которые, по его мнению, должно нести государство, совершившее преступление. Он полагал, что санкции должны быть: а) дипломатические (предупреждение, разрыв дипломатических отношений и др.), б) юридические (наложение секвестра на имущество граждан и др.), в) экономические (экономическая блокада, эмбарго и др.), г) иные санкции (штраф, лишение на определенное время представительства в международной организации и т. д., даже... лишение независимости).

Однако эти идеи не получили поддержки. Приведем лишь одно мнение — мнение юриста-международника П. Дроста. Он писал, что преступное государство — юридическая бессмыслица, а преступное правительство — реальность²¹.

Если взглянуть на предложенную проф. Пелла систему наказаний, то нетрудно увидеть, что эти санкции ничего общего с принципами уголовного права и уголовным наказанием не имеют.

6. Среди советских юристов-криминалистов наиболее полно неприемлемость теории уголовной ответственности государства показал А. Н. Трайнин. «Эта идея, — писал он, — находится в глубочайшем несоответствии с основными принципами уголовного правосудия»²².

Формы и виды международно-правовой ответственности государств отличны от ответственности за уголовные преступления. Ответственность в уголовно-правовом смысле предполагает прежде всего ответственность конкретных людей. Можно признать преступной какую-либо организацию, как это было, например, с СС, гестапо и другими нацистскими организациями на Нюрнбергском процессе, но наказание за преступную деятельность и в этом случае назначалось конкретным лицам в полном соответствии с принципами уголовного права.

7. Среди советских ученых-криминалистов М. Д. Шаргородский считал международное уголовное право частью международного публичного права²³. Противоречивую позицию занимает М. И. Блум. Говоря о самостоя-

тельности международного уголовного права, полагая, что оно не может быть ни частью национального, ни частью международного права, в конце этой же статьи автор неожиданно пишет: «Признание международного уголовного права отраслью международного права (разрядка моя. — И. К.) предполагает существование особой отрасли науки права — науки международного уголовного права»²⁴.

Л. Н. Галенская в одной из своих работ²⁵ утверждает, что международного уголовного права как отрасли международного права нет, что существует международное уголовное право как комплексная отрасль науки международного права. Позднее она пишет о самостоятельности международного уголовного права, говорит об общих тенденциях его развития, не утверждая категорично, что это отрасль науки международного права²⁶.

Из сказанного нам представляется логичным сделать вывод, что международное уголовное право содействует нормальному развитию международных отношений, но не является частью международного права, задачи которого гораздо шире, чем вопросы международно-правовой уголовной ответственности преступников. Международное уголовное право нельзя рассматривать как часть международного публичного (или частного) права.

8. Можно ли рассматривать международное уголовное право как часть национального уголовного права?

Бесспорно, что международное уголовное право, как и национальное уголовное право, имеет дело с преступлениями, т. е. деяниями общественно опасными. Субъектами ответственности и в том и в другом случае являются физические лица, действуют такие институты, как вменяемость, вина, возраст уголовной ответственности, стадии осуществления преступной деятельности, соучастие, давность преследования и т. д. Преступления международные, как и преступления международного характера, должны влечь специфическую для уголовного права меру ответственности — уголовное наказание.

В национальном уголовном праве мы встречаемся с нормами, обращенными в область международных отношений: о выдаче преступников, о действии закона в

пространстве, об ответственности иностранцев за совершенные в другом государстве преступления, включая нормы о лицах, пользующихся дипломатическим иммунитетом. К их числу относятся и появившиеся в последнее время нормы об оказании правовой помощи (особенно между социалистическими государствами), нормы, предусматривающие ответственность за посягательство на иностранных представителей в ущерб международной политике и отношениям между государствами, в ущерб мирному сотрудничеству, и, наконец, в национальном уголовном законодательстве есть статьи, включенные в него в соответствии с принятыми государством обязательствами, вытекающими из международных соглашений и конвенций.

Теперь скажем о различиях, причем весьма существенных.

К их числу отнесем, во-первых, отсутствие международного уголовного законодательства. Его и не может быть в том объеме, в котором сформулированы национальные уголовные кодексы, не только потому, что суверенные государства не могут согласиться с существованием уголовного законодательства, сводящего на нет их суверенитет (международно-правовой аспект), но прежде всего потому, что общественные отношения государств с различным социально-политическим строем порождают принципиально иные способы законодательного закрепления и защиты общественных отношений, формы и методы жизни уголовного закона и его применения. Поэтому то, что в одном государстве считается преступлением, в другом государстве таковым может не являться. Так, в капиталистическом обществе спекуляция — вид бизнеса, даже поощряемый. В социалистическом государстве — преступление, не только подрывающее экономические отношения, но и являющееся одним из видов нетрудового обогащения.

Те виды преступлений, которые сейчас признаются международными, выходят за рамки отношений, которые регулируются национальным законодательством. Это относится прежде всего к преступлениям против мира и человечества: налицо единые интересы народов независимо от социально-политического устройства того или иного государства; к тем преступлениям, борьба с которыми должна осуществляться в соответствии с принятыми соглашениями и конвенциями.

Отсюда вывод: международное уголовное право не может рассматриваться как часть национального уголовного права.

9. Рассмотрим вопрос о самостоятельности международного уголовного права.

Международное уголовное право имеет специфические источники. Это прежде всего международные договоры, конвенции, соглашения, обычаи и прецеденты.

Для борьбы с преступлениями против мира и человечества существуют такие специфические источники, как Устав Нюрнбергского трибунала и выработанный на его основе Устав Токийского трибунала (причем, как мы подчеркивали выше, Устав Нюрнбергского трибунала признан в качестве общепризнанной международно-правовой нормы Генеральной Ассамблеей ООН). Первоисточником, послужившим основанием для выработки Устава, явилась Декларация правительств СССР, США и Великобритании от 2 ноября 1943 г. об ответственности немецких фашистов за совершенные ими зверства и преступления, получившая подтверждение на Крымской и Потсдамской конференциях²⁷.

Упоминания об уголовной ответственности содержатся в ряде международных договоров, начиная от Женевской конвенции 1906 года об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях и кончая довольно многочисленными соглашениями последних лет о борьбе с наркоманией и рядом других преступлений.

Несмотря на различие социально-политических систем, человечество в своем развитии выработало ряд представлений, которые мы называем общечеловеческими ценностями. «...Несмотря «а все границы, которые разделяют человечество, — писал один из видных советских юристов Н. Н. Полянский, — территориальные, национальные, классовые, есть требования, которым в представлении, по крайней мере всех цивилизованных народов, должен удовлетворять человек, чтобы быть достойным этого названия»²⁸.

Ни одно цивилизованное государство, например, не может считать естественным убийство или ограбление своих подданных. Общественное мнение всегда осуждает грабежи и убийства, если даже режим правящей уголовщины фашистского типа утверждает «полезность» лишения жизни каких-либо групп людей. Нет ни одного

уголовного законодательства, где ограбления или убийства не признавались бы тяжкими преступлениями. Поэтому в праве существуют такие принципы, которые являются общепризнанными. Именно они легли в основу создания Устава Нюрнбергского трибунала, в соответствии с которым человечество покорило международных преступников за совершенные злодеяния.

Эти принципы также являются источниками международного уголовного права. Значение источника права приобретает и обычай. Такую же роль играет прецедент. Прецедентом, например, мы считаем, являются трибуналы для суда над международными уголовными преступниками в Нюрнберге и Токио, созданные *ad hoc*, а также нормы и порядок рассмотрения дел международных преступников. Причем эти нормы имеют большое общепредупредительное значение для предотвращения таких деяний в будущем.

Нормы международного уголовного права могут создаваться как результат деятельности различных международных органов и организаций, а также соглашений между государствами для оказания взаимопомощи в борьбе с преступлениями. Цель всех этих норм очевидна: они направлены на сохранение мира и служат предупреждением возможным агрессорам.

Поскольку при конструировании таких норм сталкиваются интересы всех государств, они вырабатывают нормы права, признающиеся всеми на основе складывающейся практики международного общения, внося, в то же время, все то полезное, что имеется в национальном законодательстве, выражающее общепризнанные принципы и общечеловеческие ценности.

Если бы эта особая отрасль права была частью международного права, то многие вопросы остались бы неразрешенными прежде всего потому, что международное право проблемой деяний отдельных, конкретных физических лиц, как правило, не занимается и нормы внутреннего уголовного законодательства для него либо безразличны, либо неприемлемы вследствие их специфичности, неприменимости для правового регулирования международных отношений, как и наоборот.

В то же время международное уголовное право не может быть частью национального права потому, что многие его принципы существуют как результат сложившихся межгосударственных отношений и достигну-

тых компромиссных решений. Поведение лиц, которые совершают такие преступления, оценивается с точки зрения общепризнанных общечеловеческих принципов, в то время как национальное уголовное законодательство — это отражение определенной социально-экономической и политической системы, а значит, взглядов и идей, в ней господствующих, и в нем могут быть положения, игнорирующие общечеловеческие моральные ценности, как это имело и имеет место в фашистских законодательствах.

Все это позволяет, как мы полагаем, признать международное уголовное право самостоятельной отраслью права, которая должна развиваться и совершенствоваться в условиях мирного сосуществования государств с различным социально-политическим устройством в целях защиты интересов всех народов от международных преступлений и преступлений международного характера.

Кроме того, развитие этой специальной отрасли права позволит снять вопрос о «криминализации» международного права — идеи, с нашей точки зрения, несостоятельной и вредной в самой своей основе.

Международное уголовное право «вышло» из права международного, ибо принципы его зародились в недрах этого права как своеобразная реакция на изменения, происходящие в международных отношениях. Международное уголовное право связано и с уголовным правом, ибо впитало в себя специфические принципы и признаки, меры воздействия, которые присущи только уголовному праву.

10. Признав международное уголовное право самостоятельной отраслью права, необходимо рассмотреть один сложный и дискуссионный теоретический вопрос.

Как известно, всякая отрасль права составляет часть системы права, должна «вписываться» в нее. Очевидно, что в систему национального права международное уголовное право входить в силу изложенного выше не может. В сфере международных отношений (пока) существует лишь одна отрасль права — международное право; системы права нет. Нет единого мнения даже среди специалистов о месте международного частного права, хотя некоторые ученые говорят о появлении консульского права как самостоятельной отрасли²⁹. Л. А. Лунц, например, говорит о международном частном праве как

праве, регулирующем гражданско-правовые отношения в тех случаях, когда речь идет о коллизии норм и в наличии имеется иностранный элемент³⁰. Эти критерии неприменимы в уголовном праве. Так, присутствие «иностранного элемента» вовсе не делает уголовное право международным: кража у иностранца, совершенная, допустим, в СССР или в США, не делает ее преступлением международного характера. Такой признак, как коллизия норм, также полностью к международному уголовному праву нельзя отнести. Уголовное право и уголовный закон приходят в движение, когда нужно предупредить преступление или наказать за него. Коллизия норм неопределяет механизма действия уголовного права и уголовного закона. Казалось бы, коллизия норм возникает, когда за одни и те же преступления международного характера национальное законодательство определяет разные (по сроку, характеру исполнения) наказания. Однако такие различия не могут быть устранены, они неизбежный результат того, что нет и не может быть единого международного уголовного законодательства прежде всего вследствие суверенности государств и различия правовых систем. Это не значит, однако, что не может быть достигнуто принципиальное согласие о наказуемости преступлений международных и преступлений международного характера.

В буржуазном праве многие теоретики ставят перед собой конкретные вопросы, не задумываясь над основополагающими теоретическими проблемами. Они идут по другому пути: как только возникают правовые проблемы (или они их ставят), сразу же ведется речь о создании норм, подчас самостоятельного характера, не заботясь о том, будет ли существовать при этом стройная система права. Таковы попытки сформулировать так называемое международное административное право. Пока одни теоретики, заботящиеся в числе прочего и о том, чтобы существовала хотя бы какая-то концепция, сомневаются в том, есть ли, нужно ли и в каком виде (если нужно) должно существовать международное уголовное право, другие смело решают этот вопрос: создают курсы и учебники по международному уголовному праву, хотя выбор проблем и теоретическая связь между ними спорны и не всегда оправданны³¹. Такой чисто прагматический подход, безусловно, снижает теоретическую ценность тех курсов и учебников, которые создают зару-

бежные теоретики. Кроме того, по нашему мнению, авторы последних часто смешивают нормы, относящиеся к разным отраслям права.

В то же время процесс расширения международного сотрудничества создает предпосылки для усиления роли международного публичного права, с одной стороны, и возникновения новых отраслей права, призванных регулировать международные, межгосударственные отношения, — с другой. Поэтому не нужно быть провидцем, чтобы утверждать, что появятся новые отрасли права, регулирующие те области международных отношений, которые выходят за пределы международного публичного права, либо, точнее, регламентируют более конкретные вопросы. В результате может сложиться система отраслей права (в соответствии, естественно, с достигнутыми между государствами соглашениями), по отношению к которым международное публичное право будет общетеоретической отраслью права, регулирующей основные, принципиальные вопросы межгосударственных отношений. Оно составит как бы фундамент своеобразной системы отраслей права, сформировавшейся в результате компромисса между национальными системами права разных по социально-политическому устройству государств в условиях разрядки и мирного сосуществования.

Безусловно, это соображение дискуссионно. Обычно, когда в праве говорят о какой-то одной, главной ветви, объединяющей другие ответвления, то это относится не к праву, а к науке. Так, в советском праве такой общей наукой является теория государства и права. Однако область международных отношений нестандартна, она выходит за рамки системы права отдельных государств. Поэтому, как нам представляется, в данном случае может идти речь не только о системе норм, регулирующих определенные области международных отношений, но и о различных самостоятельных отраслях права, обращенных в эту сферу и составляющих специфическую систему. Применительно к международному уголовному праву это, может быть, особенно характерно, ибо, подчеркнем это еще раз, мы полагаем, что «криминализовать» международное публичное право (как и частное) нельзя.

Все эти положения, конечно, спорны. Мы упоминаем о всех этих проблемах потому, что они не решены **специ-**

алистами ни в международном праве, ни в теории права. Однако жизнь их выдвигает.

11. Подводя итог сказанному, можно следующим образом определить международное уголовное право.

Международное уголовное право есть система норм, складывающихся в результате сотрудничества между суверенными государствами или международными органами и организациями, имеющая своей целью защиту мира, безопасности народов, международного правопорядка как от наиболее тяжких международных преступлений, направленных против мира и человечества, так и от других преступлений международного характера, предусмотренных в международных соглашениях, конвенциях или иных правовых актах межгосударственного характера, наказуемых согласно специальным актам (уставы, конвенции) либо соглашениям, заключенным между государствами в соответствии с нормами национального уголовного права.

Принятые и ратифицированные законодательные акты международного уголовно-правового характера должны быть внесены в национальное уголовное законодательство. Такие нормы имеют преимущественное значение перед национальным уголовным правом. Если такие акты не инкорпорированы в национальное законодательство, они применяются государством на основе согласия, выраженного при принятии этих актов голосованием в международном органе либо иным официальным путем.

Не являются международными преступлениями либо преступлениями международного характера, а значит, и не подпадают под действие международного уголовного права общеуголовные преступления, предусмотренные национальным уголовным законодательством, хотя бы они и были совершены на территории нескольких государств или против иностранных граждан.

Задержанные за совершение таких преступлений преступники подлежат уголовной ответственности согласно национальному уголовному законодательству либо в соответствии с достигнутыми соглашениями или имеющимися по этому вопросу договорами. Они могут, а в предусмотренных в законах случаях должны быть выданы государству, гражданами которого они являются, для привлечения к уголовной ответственности либо отбытия наказания.

ПОНЯТИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО ХАРАКТЕРА

Международные преступления и преступления международного характера

1. Исходя из того, что под действие международного уголовного права подпадают определенные группы деяний, представляющих особую опасность для международного общения, чрезвычайно важно определить понятие международного преступления. Ибо от того, какие преступления будут признаны международными, зависят формы и методы борьбы с ними, исходные позиции для принятия законодательных актов всеми членами межгосударственного общения, совершенствование национального законодательства.

Определение международного преступления позволит признать таковыми только те деяния, которые представляют повышенную опасность для существования мирных отношений и сотрудничества между государствами независимо от их социально-политического устройства.

Представляется, что преступления, наносящие ущерб межгосударственному общению и межгосударственным интересам, должны быть подразделены по степени их опасности и тяжести; кроме того, их классификация зависит от соглашений по конкретным проблемам борьбы с преступностью.

Все это требует четкого отграничения международных преступлений от иных преступлений международного характера, а также от тех норм национального права, где наличествует «иностраный» элемент¹.

2. Позиция советских ученых по вопросу о понятии международного преступления в принципе однозначна. Они исходят из того, что такие преступления существуют.

Так, Д. Б. Левин рассматривал международные преступления как посягательства на свободу народов мира либо как посягательства на интересы всего прогрессивного человечества, как посягательства на коренные основы международного общения, на права и интересы всех государств².

П. С. Ромашкин говорит о посягательстве на основы международных отношений³.

М. И. Лазарев относит международные преступления к преступлениям, посягающим на независимость каждого народа и мирные отношения между народами⁴.

Л. А. Моджорян рассматривает эти преступления как посягательство на само существование государства и нации⁵.

А. Н. Трайнин по существу объединил эти точки зрения в формулу «преступления против человечества», тщательно проанализировав все составные части столь емкого понятия, и определил их «как посягательства на основы существования и прогрессивного развития народов». Рассматривал он и виды этих преступлений⁶. Хотя в настоящее время круг подобных преступных деяний расширился, но и они подпадают, по нашему мнению, под это, весьма емкое, хотя и краткое, определение.

Нетрудно, конечно, заметить, что все определения выражают одну и ту же сущность. В то же время советские юристы, исходя из анализа развития международных отношений, развертывания широкого фронта борьбы за мир, справедливо, на наш взгляд, говорят о том, что круг деяний, относимых к международным преступлениям, под воздействием прогрессивных сил мира будет расширяться⁷. Не случайно после многолетних дискуссий именно под влиянием социалистических государств и государств, борющихся за свою свободу и национальную независимость, благодаря их конструктивным усилиям, ООН, наконец, приняла определение агрессии, что само по себе является базой для дальнейшей разработки всех проблем, связанных с борьбой за упрочение мира на земле.

3. Рассмотрим, какие виды преступлений могут быть отнесены к числу международных. В Уставе Нюрнбергского Международного Военного Трибунала (ст. 6) преступления против человечества разделены на три группы: 1) преступления против мира, включающие планирование, подготовку, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений или участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из вышеизложенных действий; 2) военные преступления, включающие нарушение законов или обычаев войны, в том числе убийства, истязания или увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории, убийства или истязания во-

еннопленных или лиц, находящихся в море, убийства заложников, ограбление общественной или частной собственности, бессмысленное разрушение городов и деревень, разорение, не оправданное военной необходимостью, и другие преступления; 3) преступления против человечности, включающие убийства, истребление, порабощение, ссылку и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам с целью осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет.

Эта классификация имела огромное значение как первый документ международного уголовного права, направленный на защиту мира и безопасности народов³.

Однако, и это естественно, в тот момент ряд вопросов не получил достаточно полного отражения, хотя в принципе они были обозначены. Так, к преступлениям этого вида была отнесена агрессивная война, но теперь, особенно после принятия определения агрессии, этот вопрос получил дальнейшее развитие, и ныне наказуема и пропаганда войны, и пропаганда агрессии (не говоря уже о самой агрессии). Причем уголовную ответственность в соответствии с принципами уголовного права об ответственности за «приготовительные действия и покушение на преступление должна влечь не только сама агрессия, но и подготовка к ней.

Послевоенные события и стремление агрессивных сил с помощью «локальных» войн навязать свои порядки суверенным государствам либо подавить их законное стремление к национальной самостоятельности и освобождению от колониальной и иной зависимости (что находится в полном соответствии с международным правом и постановлениями ООН о ликвидации колониальных режимов) привели к возникновению новых видов военных преступлений.

Таковы: *использование запретных средств, способов и орудий ведения войны*, как, например, во Вьетнаме невероятное по объему использование напалма, отравление водоемов, использование против мирного населения шариковых бомб, испытание на людях новых видов оружия массового уничтожения;

геноцид, зародившийся при нацизме и получивший развитие в «грязной войне» против Вьетнама⁹.

Новый вид международного преступления — *экоцид*, связанный с необратимыми подчас последствиями для окружающей человека среды и самого существования человечества. Диким варварством было уничтожение гербицидами и химическими веществами всего живого в ряде местностей Вьетнама. Опасность экоцида заключается еще и в том, что нарушение экологического равновесия в каком-либо одном районе пагубно сказывается и в других, часто далеко лежащих местностях.

Вопрос об экоциде как международном преступлении особенно остро встал во время войны во Вьетнаме; до нее трудно было точно представить, что же это такое¹⁰. Следует отметить, что данное преступление фактически было одним из способов ведения агрессивной, захватнической войны, направленной на подавление национально-освободительных усилий народа, стремящегося к установлению социалистического образа правления, борющегося против империализма.

Обсуждая проблемы борьбы с преступными посягательствами в области загрязнения природной среды, комиссия международного права ООН в 1976 году в ст. 19 проекта Международной конвенции по этому вопросу массовое загрязнение морей или атмосферы отнесла к международным преступлениям¹¹.

В мае 1977 года подписана Конвенция о запрещении военного или любого другого враждебного использования средств воздействия на природную среду¹². Практически — это конвенция против экоцида.

Говоря об экоциде, нельзя не назвать такое близкое ему по характеру преступление как *биоцид* (буквально — убийство жизни). Проблема биоцида как международного преступления в настоящее время оживленно обсуждается. Биоцид возможен и в случаях, когда речь идет об угрозе международной безопасности, когда он является как бы подготовительной стадией к агрессивной войне. М. А. Гицу предлагает следующее определение биоцида: «Биоцид — противоправное необратимое разрушение окружающей человека природной среды, сопряженное с нарушением международной безопасности и причинением вреда благосостоянию и здоровью не только настоящего, но и будущего поколений человечества»¹³. Представляется очевидным, что идея формулирования

составов международных преступлений не только как деяний, являющихся последствием уже начавшегося международного конфликта, развязанного агрессивными силами, но как преступления, создающего угрозу международной безопасности, как состава, предупреждающего конфликт, весьма плодотворна.

Это очень важно иметь в виду сейчас, когда агрессивные силы ведут разговоры о «чистой» бомбе, а именно о нейтронной бомбе. Ведь именно нейтронное оружие есть не что иное, как способ совершения биоцида, ибо оно непосредственно направлено на уничтожение человечества.

Как и при характеристике экоцида, биоцид следует отличать от преступного загрязнения окружающей среды, являющегося не международным преступлением, а преступлением международного характера.

К числу международных преступлений относится также *апартеид*, заключающийся в полном разделении белых и цветных и узаконенном бесправии последних. Это особенно наглядно на примере ЮАР — страны, где неравенство граждан, ее населяющих, возведено в закон.

XXVIII сессия Генеральной Ассамблеи ООН абсолютным большинством голосов приняла Международную конвенцию о пресечении преступления апартеида и наказании за него. Апартеид объявлен преступлением против человечества, создающим серьезную угрозу международному миру и безопасности¹⁴.

Эти новые виды международных преступлений, являющиеся составной частью преступлений против человечества, уже получили оценку мировой общественности именно как преступления против мира и безопасности народов. Нашли они свое отражение и в международно-правовых документах. Таким образом, их можно отнести к наиболее тяжким международным преступлениям, караемым в соответствии с уже имеющимися правовыми нормами в рамках как международного уголовного права, так и национального.

В то же время мы полагаем, что к категории международных преступлений следует отнести и такое деяние, как «наемничество».

В XVIII в. наемников в Ирландии называли «дикими гусями». Газета «Жен Африк» называет наемников «сверхчеловеками» современного западного мира. Организация Объединенных Наций приняла специальную ре-

золюцию о наемничестве, где говорится: «Использование колониальными и расистскими режимами наемников против национально-освободительных движений, борющихся за свою свободу и независимость от гнета колониализма и иностранного господства, является уголовно наказуемым деянием и, соответственно, наемники должны наказываться как уголовные преступники»¹⁵.

В Уставе ООН также прямо сказано, что «каждое государство обязано воздерживаться от организации иррегулярных сил или вооруженных банд, в том числе наемников, для вторжения на территорию другого государства».

Открытое осуждение наемничества и конкретных преступников произошло на процессе в Луанде — столице Народной Республики Анголы. Все наемники были осуждены за зверства, чинимые против мирного населения страны.

Но почему появились наемники? Почему в XX в. вновь возродился институт, который был характерен для средневековья? Ответ следует искать, видимо, в том, что крах колониализма далеко не всех устраивает. Реакционные круги империализма с этим смириться не могут. Но если раньше наемничество было официальной государственной политикой, то теперь, если какое-либо государство с помощью наемников нападает на другую страну, это расценивается как агрессия, как преступление против мира со всеми вытекающими из этого последствиями. Поэтому «официального» наемничества вроде бы и нет. Однако наиболее реакционные режимы и группы во многих странах вербуют наемников, якобы идущих к ним добровольно, притом открыто, как это было выяснено на процессе в Анголе. Выявилось, что и здесь дело не обошлось без ЦРУ, поручившего тайную вербовку наемников некоему Роберто Холдену, который с помощью своего сообщника продавца оружия Лесли Эспина дал объявление о том, что бывшим военнослужащим дается хорошая плата для «работы за морем». Была установлена и плата за «работу»: 300 долларов еженедельно в течение 6,5 месяца плюс 500 фунтов стерлингов за каждый подбитый танк и 2,5 тысячи — за пленного русского (!). Наемниками пользовались Мобуту, Чомбр. пользуется кровавый режим Фостера. По сообщению иоганнесбургской газеты «Санди тайме», примерно 300 человек наемников из Англии, США, Австралии, ФРГ,

Новой Зеландии и Канады были завербованы в кабаках Брюсселя, Парижа, Лиссабона, Йоганнесбурга и Лондона в родезийскую армию, 400 наемников — южноафриканцы.

Представляется очевидным, что люди, которые убивают за деньги, — преступники, убийцы, а лица, которые их нанимают и используют, — организаторы убийств. При этом методы, с помощью которых орудуют наемники, — это методы гитлеровцев, методы массового запугивания и уничтожения главным образом мирного населения. Война, которую ведут наемники, — это агрессивная война, полностью подпадающая под юридическую характеристику, данную такого рода войнам в Уставе Нюрнбергского трибунала. Разница лишь в субъекте: наемники выступают в качестве субъекта международного преступления.

Поэтому попытки буржуазной прессы во время процесса над наемниками в Луанде утверждать, что нет закона, который бы провозглашал уголовную ответственность за агрессивную войну, — плод юридической неграмотности, а вернее, стремления дезинформировать общественное мнение.

В связи с этим следует напомнить ряд международно-правовых актов, где об агрессии (еще задолго до официального ее определения) говорилось как о преступлении. Так, в преамбуле Женевского протокола 1924 года о мирном урегулировании международных споров говорилось, что «агрессивная война... является международным преступлением». В 1928 году шестая панафриканская конференция в своей резолюции указала, что «агрессивная война составляет преступление против человечества».

Можно привести мнение известных буржуазных юристов. Американский юрист Эпплмен, например, писал, что агрессивная война была противна моральным нормам международного сообщества и что на основании позитивного права и в соответствии с обычным правом агрессивная война является преступлением¹⁶.

Мы не говорим уже о нормах Устава Нюрнбергского трибунала. Напомним лишь слова из приговора нацистским преступникам: «...развязывание агрессивной войны является не просто преступлением международного характера — оно является тягчайшим международным преступлением, которое отличается от других военных престу-

плений только тем, что оно содержит в себе в сконцентрированном виде зло, содержащееся в каждом из остальных»¹⁷. Кроме того, в п. ж ст. 3 определения агрессии, одобренного ООН в 1974 году, засылка наемников на территорию другого государства рассматривается как акт агрессии¹⁸. Агрессия — это общепризнано — международное преступление.

Поэтому никакой камуфляж не может скрыть истинного характера наемничества, ставшего видом международного преступления против мира, безопасности и независимости народов.

Между прочим, скандал, последовавший после процесса в Луанде, и давление со стороны общественного мнения заставили правительство Великобритании создать специальную комиссию для расследования вопроса о наемниках. Рекомендация комиссии была явно парадоксальна. Она, с одной стороны, предложила запретить деятельность вербовщиков в Англии, но с другой — отменить закон 1870 года, рассматривающий запись в чужую армию как уголовное преступление (кстати, аналогичные законы имеются в США, ФРГ, Австрии и некоторых других странах). Смехотворно выглядят и «аргументы» комиссии в пользу второй рекомендации (если не сказать, чудовищно по своему цинизму). Комиссия высказала «мнение», что запрещать наемникам совершать убийства в других странах — значит «ущемлять» их свободу (!).

Теория «локальных» войн родила ныне и «локальные» преступные группы для совершения «локальных» международных преступлений. По существу они вовсе не являются локальными, они представляют модификацию международного преступления против человечества, вызванную к жизни изменившейся международной обстановкой и изменившимися методами деятельности реакционных сил.

Судебный процесс над наемниками в Луанде позволил выявить и новые формы подстрекательской к преступлениям деятельности органов массовой информации, выявить фактически новый вид пропаганды войны и подстрекательства к ней, причем к самым жестоким и бесчеловечным формам ведения войны.

В Луанде был подготовлен (в ходе процесса) проект Международной конвенции о предупреждении и мерах судебного преследования за наемничество. При этом л

специальной статье **предусматривалась** уголовная ответственность тех представителей средств массовой информации, которые выступают как подстрекатели и пособники наемничества.

В отличие от других названных выше преступных деяний наемничество как преступление против человечества пока не предусмотрено нормами международного уголовного права. По поводу этого состава преступления не высказано еще столь определенно мнение международной общественности и международных юридических организаций, как, например, об экоциде. Но, по нашему мнению, суд в Луанде может служить прецедентом для определения «наемничества» как вида международного преступления (особенно с учетом мнения ООН). Защита национальной независимости народов, освободившихся от колониальной зависимости, от стремлений реакционных сил подавить это движение с помощью наемников, скрываясь за «добровольностью» наемничества, настоятельно выдвигает необходимость отнесения таких преступлений к числу международных.

При этом необходимо отметить следующее. На международной дипломатической конференции по гуманитарному праву (1977 г.) подписан ряд важных документов, в числе которых два Дополнительных протокола к Женевским конвенциям 1949 года о защите жертв войны. В них большое место занял вопрос о наемничестве. В частности, записано, что «наемник не имеет прав комбатанта», что он — военный преступник и подлежит уголовному наказанию. Здесь же дано и определение наемничества: «любое лицо, которое специально завербовано на месте или за границей для того, чтобы сражаться в вооруженном конфликте»; подчеркивается, что наемник «не является ни гражданином стороны, находящейся в конфликте, ни лицом, постоянно проживающим на территории, контролируемой стороной, находящейся в конфликте, и не послан государством, которое не является стороной, находящейся в конфликте, для выполнения официальных обязанностей в качестве лица, входящего в состав его вооруженных сил». Причем весьма существенно, что национально-освободительная борьба признана международным конфликтом¹⁹.

Прогрессивные международные организации **ставят** вопрос об определении понятия «наемничество» и распространении на него статуса международного преступ-

ления. Так, на заседании секретариата МАЮД, состоявшемся в Брюсселе в июне 1977 года, было принято решение о передаче этого вопроса в Научный центр МАЮД для разработки соответствующих предложений и последующего рассмотрения их на широкой Международной конференции или коллоквиуме, а затем — представления в ООН.

Таковы наиболее тяжкие международные преступления, составляющие предмет регулирования международного уголовного права, определяющего уголовную ответственность лиц, совершающих преступления международного характера.

4. Говоря о международных преступлениях, необходимо коротко остановиться на некоторых вопросах, которые явились симбиозом правовых норм различных социальных систем.

Нормы уголовно-процессуального права, примененные при рассмотрении дел на Нюрнбергском и Токийском процессах, были заимствованы как из англо-американского и европейского континентального процессуального законодательства, так и из советского социалистического процессуального законодательства. Процессуальный порядок рассмотрения дел в трибуналах сложился в результате соглашения сторон, осуществлявших от имени народов мира справедливое наказание международных преступников. На Нюрнбергском процессе в результате соглашения было составлено подробное обвинительное заключение, председатель суда активно вел судебное следствие, в процессе участвовали две стороны — обвинение и защита; из англо-американской системы было взято усиление роли прокурора (в частности, обвинительная речь не до защитника, а после). Были предусмотрены гарантии прав подсудимых и другие процессуальные вопросы.

Таким образом, жизнь показала реальность соглашений не только по вопросу о составах преступлений, но и о процессуальном порядке рассмотрения подобных дел.

В то же время над нацистскими военными преступниками и их пособниками проходили судебные процессы и по иным процессуальным законам — национальным (в Советском Союзе, например, в Хабаровске, Харькове и других местах). Это тоже были суды над международными преступниками за совершение международных

преступлений. Такие же процессы происходили и в других государствах²⁰. В качестве подсудимых были граждане той страны, где происходил судебный процесс, либо гитлеровские приспешники. Однако все эти процессы происходили в духе наказания преступников, совершивших международные преступления (по национальным законам). Пособничество гитлеровцам, участие в зверствах, убийствах мирного населения и тому подобные деяния суть международные преступления.

Так появилась вторая форма ответственности за международные преступления — ответственность по национальным уголовным законам, но в духе принципов международного уголовного права, в духе принципов Нюрнберга и Токио.

Характерной правовой особенностью этих процессов было (и остается) то, что к нацистским преступникам и их пособникам, в соответствии со специально принятыми законами во многих государствах — жертвах гитлеровской агрессии — не применялись (и не применяются) сроки давности. Независимо от времени привлечения преступники несут всю полноту ответственности вплоть до применения высшей меры наказания за свои тягчайшие преступления перед человечеством²¹.

Выступая с речью на Нюрнбергском процессе, Главный обвинитель от СССР Р. А. Руденко высказал положение, ставшее принципом ответственности за тягчайшие международные преступления: «Во имя священной памяти миллионов невинных жертв фашистского террора, во имя укрепления мира во всем мире, во имя безопасности народов в будущем мы предъявляем подсудимым полный и справедливый счет. Это — счет всего человечества, счет воли и совести свободлюбивых народов»²².

5. Подводя итог сказанному, хотелось бы отметить следующее. Понятие международного преступления родилось как реакция на деяния, ставшие возможными в связи с агрессивными, захватническими войнами, сопровождавшимися уничтожением материальной культуры народов, зверскими методами ведения войны, издевательствами, мучительством и физическим уничтожением мирного населения. Народы осудили эти преступления и лиц, их совершавших. Законодательные акты, предусматривающие наказание международных преступников, должны начать действовать вновь, если появятся пре-

тупники такого рода, лица, для которых предупреждение миролюбивого человечества, создавшего эти международные акты уголовно-правового характера, окажется недостаточным.

Однако нам представляется, что эти законы могут применяться не только в случае развязывания глобальных международных конфликтов, угрожающих существованию всего человечества. В мире немало сил, желающих держать народы в страхе перед войной, сил, стремящихся балансировать на грани войны, подстрекать и поддерживать так называемые локальные конфликты, хотя каждому человеку ясно, что такие конфликты могут перерасти в большой пожар. Жизнь показывает, что эти конфликты по существу преступны, поскольку агрессивные устремления, методы ведения «мелких» войн преступны как по характеру и способам применения особых видов оружия, так и по бесчеловечному отношению к мирному населению. Это — первое.

Во-вторых, жизнь показала, что международные преступления есть не только следствие агрессивных войн и их последствий. Они могут зарождаться и совершаться и в период мирного развития отношений между государствами и народами (если отвлечься от локальных конфликтов, не давших пока миру прецедентов привлечения к уголовной ответственности за наиболее тяжкие методы их «разрешения»). После военного и политического разгрома фашизма международными преступлениями стали апартеид, экоцид и другие деяния, о которых мы писали. Значит, формулирование с позиций общечеловеческих новых деяний, преступных и опасных для всего человечества, стало реальностью, основанной на уроках истории. Это — безусловно позитивный процесс, подчеркивающий прогрессивный и предупредительный характер норм складывающегося международного уголовного права.

6. Ученые, исследующие проблемы международного уголовного права и международных преступлений, в последнее время выделяют группу преступлений, которые они называют либо международными, но не являющимися столь тяжкими, как преступления первой группы, либо преступными нарушениями международного правопорядка, либо преступлениями международного характера²³. Поскольку в оценке этих преступлений нет единства и они весьма различны по юридической приро-

де, степени опасности и политическому (а не только правовому) характеру, остановимся на них подробнее. Тем более, что в научных дискуссиях высказывается иногда сомнение, можно ли их считать международными преступлениями (можно ли вообще оперировать понятием «международное преступление»). Рассмотрим их с точки зрения общих принципов, для того чтобы определить их место в системе преступлений, выяснить, могут ли они относиться к числу международных.

Многие из этих преступлений и ранее подвергались анализу как международные, другие появились в последнее время как новый вид преступлений международного характера, некоторые из известных преступлений модифицировались, приобрели новые черты, часто приближающие их к преступлениям первой группы.

В связи с этим мы не можем безоговорочно согласиться с М. И. Блум, которая утверждает, что «международные преступления и преступления, посягающие на международный правопорядок, резко различаются по своей направленности и опасности для судьбы мира и человечества. По степени своей опасности они не подлежат ни сопоставлению, ни сравнению» (разрядка моя.—И. К.)²⁴. Последнее утверждение весьма спорно. Во-первых, любые преступления, особенно международного характера, подлежат и сопоставлению, и сравнению с другими преступлениями, иначе нельзя выяснить степень их опасности, выработать формы и методы борьбы с ними, установить, к какой группе преступлений их отнести. Во-вторых, международные преступления (как и преступления международного характера) не неизменны. Могут появляться новые, как мы уже отметили, либо уже известные могут менять степень своей опасности.

Несколько ниже мы постараемся обосновать эту свою позицию.

Л. Н. Галенская, наиболее полно исследовавшая деяния, посягающие на международный правопорядок, относит к ним следующие преступления, по которым имеются многосторонние соглашения между государствами: а) рабство, работорговля, институты и обычаи, сходные с ними, б) торговля женщинами и детьми, в) фальшивомонетничество, г) распространение порнографических изданий, д) незаконная торговля и употребление наркотиков, е) «пиратское» радиовещание,

ж) пиратство, з) разрыв или повреждение подводного кабеля, и) столкновение морских судов и неоказание помощи на море, к) преступления, совершенные на борту воздушного судна²⁵.

Стремление выделить эти преступления в самостоятельную группу вполне оправданно. Но здесь возникает ряд спорных вопросов. Во-первых, преступления эти далеко не равнозначны по своей опасности и характеру; во-вторых, они различны по объекту посягательства. Можно ли их все объединить в один вид преступлений, посягающих на международный правопорядок, или есть основания для более четкой классификации?

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо, видимо, определить понятие международного правопорядка.

В литературе по международному праву нет определения международного правопорядка. Если исходить из общей теории права, то обобщенно можно сказать, что международный правопорядок есть урегулированная правом система отношений между государствами на базе общепризнанных норм международного права.

Но все ли нормы, действующие в области отношений между государствами, общепризнаны? Очевидно, нет.

Кроме отношений, регулируемых общепризнанными нормами международного права, существуют также нормы регионального характера (или нормы, регулирующие какие-то конкретные группы отношений). Они тоже могут быть, по нашему мнению, составной частью норм, регулирующих международный правопорядок. К числу таких норм можно, например, отнести уже упоминавшийся нами Кодекс Бустаманте. Он не является признанным (а значит, соблюдаемым) всеми, но по своему характеру, безусловно, составляет часть норм, обеспечивающих международный правопорядок.

В то же время следует отметить, что не каждое двустороннее или даже многостороннее соглашение между государствами можно считать составной частью норм, определяющих международный правопорядок. Более того, некоторые договоры могут подрывать международный правопорядок в условиях мирного сосуществования. В недалеком прошлом пресловутая ось Рим — Берлин — Токио и договор между ее участниками не только не способствовали укреплению международного правопорядка, но ускоренным темпом привели мир к кровавой бойне. Ныне стремление правящих кругов КНР сколо-

тить новый антисоветский блок и включение в предлагаемые и предполагаемые двусторонние соглашения, например с Японией, формулировки о борьбе с так называемым гегемонизмом, тоже мало чем отличаются от действий людей, приведших мир ко второй мировой войне.

Урегулированные правом отношения между государствами, если даже они не действуют повсеместно, *не должны* противоречить ни сложившимся принципам, на которых строится вся система современного международного права, ни его общепризнанным нормам. Например, соглашение между государствами, носящее характер агрессивного сговора против другого (других) государства, не может быть признано нормами, регулирующими международный правопорядок. Как мы уже сказали, такие договоры есть не что иное, как нарушение международного правопорядка.

Следовательно, не все правовые отношения между государствами могут считаться составной частью международного правопорядка. Они могут даже противоречить ему.

Правопорядок, таким образом, понятие сложное и емкое.

В интересующем нас плане не всякое нарушение отношений (порядка), регулируемых правом, влечет уголовную ответственность. Если это бесспорно в национальном праве, то тем более бесспорно в международных отношениях, где нормы в интересах дела мира складываются в результате компромисса между различными по своему характеру правовыми системами. Поэтому отнесение определенной группы преступных деяний к преступлениям против международного правопорядка весьма неточно. Причем такая неточность чревата серьезными последствиями, ибо последствие этих правонарушений — **у г о л о в н а я** ответственность. Нарушений международного правопорядка может быть много, но уголовную ответственность должны влечь (и влекут) лишь немногие деяния: общее нельзя сводить к отдельному, к его проявлению.

В национальном уголовном законодательстве нет преступлений, посягающих на правопорядок (нигде!). В уголовно-правовом смысле (да и с точки зрения общей теории права) это тавтология. Есть преступления против личности (одна группа общественных отношений), есть

преступления против собственности (другая группа), есть преступления против правосудия (третья группа), есть преступления против общественного порядка и т. д. Но даже последняя группа — преступления против общественного порядка — отнюдь не равнозначна преступлениям против правопорядка. Повторяем, таких просто нет и быть не может.

Нельзя, наконец, отвлекаться от того, что преступления против человечества тоже нарушения международного правопорядка, здесь налицо целая система норм, практически кодифицированных. Где же граница между разными «правопорядками»?

Международные преступления, по характеру наиболее тяжкие преступления, — общее для преступлений, совершаемых в области международных отношений, но они — отдельное в системе уголовно наказуемых деяний, посягающих на отношения между государствами в условиях мирного сосуществования, хотя, повторяем, и наиболее тяжкие и по характеру, и по последствиям. Если они отдельное в общей системе узаконений, составляющих правовую базу международного правопорядка, то их нельзя отождествлять с последним, хотя совершение международных преступлений весьма серьезно может подрывать международный правопорядок.

Конечно, употребляя термины уголовного права, можно говорить о том, что эти виды различаются по степени общественной опасности. Но следует иметь в виду, что понятие общественной опасности как материальный признак преступления есть институт социалистического уголовного права, в буржуазных правовых системах он или отсутствует или понимается совершенно иначе. С этим нельзя не считаться, ибо речь идет о понятиях, которые должны быть приемлемы для всех государств, иначе их нельзя будет назвать международными.

Таким образом, в связи со сказанным мы не можем считать удачным наименование группы рассматриваемых преступлений «преступлениями против международного правопорядка». Вся система норм, регулирующих общественные отношения, согласно общей теории права и составляет правопорядок. Следовательно, вся система норм, регулирующих отношения между государствами в условиях мирного сосуществования в соответствии с общепризнанными принципами международного

права, составляет понятие *международного правопорядка*.

Для такой отрасли права, как международное уголовное право, необходимо выделить, классифицировать конкретные группы общественных отношений, определить, какие преступления мы можем называть международными, а какие нет, установить связи и различия между международными преступлениями, преступлениями, близкими к ним, также затрагивающими, образно говоря, сферу международных отношений и, наконец, общеуголовными преступлениями. Отнесение большой группы преступлений (а практически — всех) к преступлениям против международного правопорядка недостаточно четко для классификации уголовных преступлений, тем более что и те, которые не включены в эту группу, в конечном счете также нарушают международный правопорядок.

Однако все рассматриваемые преступления могут (и должны) быть объединены по какому-то общему признаку, с одной стороны, и введены в более конкретную, а потому более четкую по объекту классификацию — с другой. Это необходимо в интересах обеспечения международной законности, необходимо для того, чтобы не повторять ошибок унификационного движения и каждый вид преступлений оценивать в соответствии с тем, какую опасность он представляет.

Мы полагаем, что общим для всех указанных преступлений является то, что они посягают на межгосударственные интересы, имеют международный характер.

Интересы эти прежде всего определяются тем, что государства во многих случаях уже достигли соглашений о борьбе с ними в международном масштабе путем заключения различных конвенций. При этом следует иметь в виду, что межгосударственные интересы — не застывшая категория. Они меняются и, по мере развития мирного сотрудничества между государствами, расширяются. В условиях мирного сосуществования дальнейшая разрядка напряженности есть та реальная база, которая позволяет оздоравливать международный климат, углублять международное сотрудничество, а значит, расширять в этом плане сферу межгосударственных интересов. Поэтому посягательства на эти интересы путем совершения преступных деяний, международный их ха-

рактер есть то общее, что позволяет классифицировать их подобным образом.

Исходя из сказанного, можно дать следующее определение преступлениям этого вида.

Преступления международного характера — это деяния, предусмотренные международными соглашениями (конвенциями), не относящиеся к преступлениям против человечества, но посягающие на нормальные отношения между государствами, наносящие ущерб мирному сотрудничеству в различных областях отношений (экономических, социально-культурных, имущественных и т. п.), а также организациям и гражданам, наказуемые либо согласно нормам, установленным в международных соглашениях (конвенциях), ратифицированных в установленном порядке, либо согласно нормам национального уголовного законодательства в соответствии с этими соглашениями.

7. Следует иметь в виду, что эти преступные посягательства неоднозначны по степени опасности и сущности.

Непосредственным объектом они имеют различные межгосударственные отношения. Исходя из специфики международного уголовного права как права, действующего в сфере межгосударственных отношений, представляется возможным выделить следующие группы преступлений.

Первая — преступления, наносящие ущерб мирному сотрудничеству и нормальному осуществлению межгосударственных отношений. К ним мы бы отнесли терроризм и близкие к этому преступлению составы, такие, как угон самолетов, незаконное радиовещание²⁶.

Вторая группа — это преступления, наносящие ущерб международному экономическому и социально-культурному развитию.

К ним мы бы отнесли преступления, наносящие вред окружающей человека среде, преступления против национально-культурного наследия народов в самых разнообразных формах, контрабанду и нелегальную эмиграцию, распространение и торговлю наркотиками, подделку денег и ценных бумаг и некоторые другие.

Третья группа — это преступления, наносящие ущерб личности, личному (частному), государственному имуществу и моральным ценностям. К ним можно отнести торговлю людьми, пиратство, распространение порно-

графии и ряд других преступлений, по которым имеются международные конвенции и соглашения.

Четвертая — иные преступления международного характера. К ним можно отнести преступления, совершенные на борту воздушного судна, разрыв или повреждение подводного кабеля, столкновение морских судов и неоказание помощи на море.

Это — разные по непосредственному объекту посягательства деяния. Однако для осуществления нормальных отношений между государствами борьба с ними имеет существенное значение. Очевидно, что по мере развития научно-технической революции, развития сотрудничества между государствами и достижения соглашений по вопросам, затрагивающим интересы многих государств и всего международного сообщества, могут появляться (и, безусловно, будут появляться) новые виды преступлений международного характера.

По нашему мнению, такая классификация исключает равнозначный подход к деяниям, не являющимся преступлениями против человечества, позволяет рассматривать их в соответствии с тем, каким группам отношений они наносят ущерб, по степени опасности и тому вреду, который они наносят межгосударственным интересам.

Предлагаемая классификация препятствует, на наш взгляд, расширительному толкованию понятия международных преступлений. Мы говорим об этом потому, что в современных условиях все шире становятся контакты между государствами в области борьбы с преступностью вообще. Разработкой теоретических проблем уголовного права кроме ученых в каждой стране, например, занимается Международная ассоциация уголовного права, Международное криминологическое общество и другие специализированные организации. Большое значение проблемам борьбы с преступностью уделяет ООН, под эгидой которой в послевоенный период состоялось пять международных конгрессов по предупреждению преступности и обращению с преступниками. На этих конгрессах обсуждаются и общие теоретические вопросы криминологии и уголовного права, и меры борьбы с конкретными видами преступлений. Участники стремятся заимствовать положительный опыт, имеющийся в различных государствах. Это естественно. Однако некоторые выводы делаются без учета особенностей соци-

ально-политических систем, что ведет к необоснованным обобщениям или расширительному толкованию тех или иных вопросов, понятий. Именно поэтому классификация должна быть наиболее точной и отражать особенности рассматриваемых преступлений.

8. Остановимся на вопросе: обязательно ли государства должны сотрудничать в борьбе с преступлениями международного характера? Прежде всего существует признанная всеми обязанность привлечения к ответственности лиц, виновных в совершении преступлений против мира и человечества. Общеобязательность борьбы с названными деяниями как особо опасными преступлениями вытекает из того, что все государства обязаны поддерживать мир и безопасность народов. Таков непреложный общепризнанный принцип международных отношений в условиях мирного сосуществования и общепризнанный принцип международного права. Отсюда вытекает и международно-правовая обязанность привлечения к уголовной ответственности за международные преступления.

Привлечение к ответственности за преступления международного характера имеет свои особенности. Следует различать преступления, по которым имеются заключенные и ратифицированные конвенции либо иные соглашения (особенно если в соответствии с ними внесены соответствующие нормы в национальное законодательство). В этих случаях привлечение к ответственности обязательно. Невыполнение требований закона есть нарушение не только норм международного уголовного права, но и норм собственного законодательства.

Если согласованных норм нет, очевидно, следует исходить из общих принципов, сложившихся в отношениях между государствами. В силу своего суверенитета каждое государство решает вопросы о сотрудничестве в области борьбы с преступностью, о его формах, границах, в пределах которых оно будет решать не только вопросы привлечения к уголовной ответственности за преступления международного характера, но и другие вопросы.

Причем это будет касаться не только такого рода преступлений, но и деяний, предусмотренных национальным законодательством (например, краж и др.).

На пути к установлению общеобязательности привлечения к уголовной ответственности за преступления меж-

дународного характера есть много препятствий, в частности необходимо единообразное понимание составов этих преступлений.

Очевидно также, что целям укрепления сотрудничества и дружеских отношений между государствами будет отвечать и расширение правовой помощи в области борьбы с уголовной преступностью, в частности в области розыска скрывшихся преступников, похищенных вещей, ценностей и обмена информацией в тех пределах, о которых будет достигнута договоренность.

9. Необходимо высказать некоторые предварительные замечания, особенно о первых трех группах преступлений международного характера, наиболее опасных по своему характеру и по последствиям.

Причем по последствиям не только в юридическом смысле, но также в политическом и нравственно-этическом.

Во-первых, мы повторим положение, высказанное выше: ряд преступлений этого вида практически не отличается от некоторых международных преступлений и в ряде случаев является их составной частью, хотя официально и не признанной.

Во-вторых, если международные преступления совершаются в ходе агрессии либо являются ее последствием, то многие виды преступлений международного характера опасны потому, что они, будучи совершены в мирное время, как бы приходят на смену международным преступлениям и становятся в руках реакционных сил средством нагнетания международной напряженности; при определенных условиях они могут провоцировать серьезные международные конфликты. Очевидно, необходимо решительно ставить барьер на пути тех, «то совершает преступления подобного рода.

Человечество не должно жить в условиях, когда, победив враждебные миру силы, оно вынуждено вести борьбу практически с этими же силами, изменившими методы деятельности, часто не совершающими преступлений непосредственно, но организующими их, финансирующими преступную деятельность, наживающимися на преступлениях.

В-третьих, история учит, что силы, считающие войну и разжигание международных конфликтов средством продолжения политики, направленной на достижение господства, а также на извлечение прибыли за счет дру-

гих народов и, конечно, в первую очередь трудящихся, не останавливаются перед тем, чтобы в условиях мирного времени готовить новые конфликты. Этому, как известно, способствуют не только внешнеполитические акции, но и подготовка их путем разжигания жестокости, аморализма, чувства пренебрежения к людям и т. п. средств среди населения своей страны. Известно, что «подталкивание» человека к аморализму и преступлениям довольно распространенный сейчас метод отвлечения людей буржуазного мира, особенно со стороны империалистической реакции, фашистских и шовинистских режимов, от защиты классовых и социальных интересов. Наемничество и терроризм, распространение порнографии и контрабанда, будучи преступными, направлены, в конечном счете, к той цели, о которой мы говорим. Поэтому преступления международного характера и представляют повышенную опасность.

Конечно, не все виды преступлений международного характера столь опасны и влекут или могут повлечь столь тяжкие последствия.

Ряд преступлений, особенно те, о которых достигнуты соглашения, есть преступления, необходимость борьбы с которыми осознана всеми государствами (или почти всеми, ибо есть режимы, игнорирующие международное сообщество или использующие свою принадлежность к нему в целях, далеких от дела мира, международного сотрудничества и укрепления международного правопорядка).

Есть преступления, по которым имеются международные конвенции и, казалось бы, не должно быть вопросов о практике их применения (например, о борьбе с распространением наркомании или порнографии). Однако со времени подписания таких соглашений прошло немало времени и, к сожалению, среди определенных кругов изменилась нравственно-этическая оценка таких деяний (если не по форме, то по существу, что проявляется практически в игнорировании ряда законодательных актов международного значения). В этом случае речь должна идти о борьбе за международную законность.

10. Наконец, представляется необходимым выяснить, как надлежит рассматривать преступления, предусмотренные национальным правом и осложненные наличием в них «иностранного» элемента.

Речь идет об общеуголовных преступлениях, которые либо совершены иностранцами, либо совершены против иностранцев, либо о преступлениях, в составах которых упоминается о других странах или их гражданах. Такие преступления (если они не сформулированы как результат международных соглашений и конвенций), как нам представляется, не могут быть отнесены к преступлениям международного характера. Если, допустим, на территории СССР у иностранца совершена кража, то от того, что потерпевший — иностранец, не меняется ее оценка как преступления уголовного, совершенного внутри государства. Если иностранец совершил у нас в стране хулиганство, то оно остается уголовным преступлением, совершенным внутри нашего государства, со всеми вытекающими отсюда последствиями (вопрос решается иначе, если иностранец пользуется дипломатическим иммунитетом).

Не могут рассматриваться как преступления международного характера и обычные уголовные преступления, хотя бы и совершаемые во всех странах (например, кража, убийство и т. д.). Эти преступления не становятся от этого международными, ибо не затрагивают межгосударственные интересы, оценка их далеко не одинакова в законодательстве стран с различными социально-политическими системами, как различны и меры наказания.

Участие представителей разных стран в работе различных международных организаций, занимающихся проблемами предупреждения общеуголовной преступности, также не придает этим преступлениям международного характера.

Сходство методов расследования, мер предупреждения преступлений и т. п. — техническая сторона проблемы, не затрагивающая ни сущности проявлений преступности, ни характера деяний.

Такова принципиальная, научная позиция, отражающая существо проблемы.

Однако некоторые буржуазные криминологи, не являющиеся марксистами, рассматривают проблему преступности как некую абстракцию, исходят лишь из того, что происходит в капиталистическом мире, стремясь распространить без каких-либо оснований закономерности развития и существования капитализма на все человеческое общество.

Международная преступность — феномен капиталистического общества

В капиталистических государствах международными часто называют общеуголовные преступления. Такое название они приобретают вследствие целого ряда обстоятельств. Прежде всего потому, что преступники, совершающие эти преступления (убийства, мошенничество, кражи и другие преступления), гастролируют в разных странах, а, совершив преступление в одной стране, скрываются на территории другой. Но это не главное. Главное же то, что в капиталистическом мире появились преступные концерны, объединения, синдикаты, корпорации либо группы. Подобно тому, как международные капиталистические монополии объединяются для извлечения высочайшей прибыли и низвержения конкурентов, так для этих же целей часто образуются международные объединения преступников.

Кроме того, и это тоже один из характерных признаков современной преступности в капиталистическом мире, формы преступности, способы и виды преступной деятельности перекачываются из страны в страну. Происходит не только экспорт капитала, но и экспорт преступности, ее «организационных форм». Многие западные криминологи на различных конгрессах указывают, что гангстеризм и другие опасные формы преступности перешагнули границы США и других развитых капиталистических государств и действуют в странах, где раньше о них и не знали. Наиболее характерно в этом плане следующее. Высокоразвитые капиталистические государства «заносят» свои формы преступности в первую очередь в развивающиеся страны. Более того, как свидетельствует западногерманский криминолог Г. Кернер, американские формы преступности оказывают огромное влияние и на Европу²⁷. В частности, те или иные объединения, наживающиеся на преступности, следят за «рынком», на котором они делают деньги. Так, некоторый спад волны секса в Европе, когда подпольная (и открытая) продажа порнографии перестает давать удовлетворяющие бизнесменов высокие прибыли, приводит к изменению преступного бизнеса, что проявляется в рекламе запрещенных азартных игр, в полном соответствии с формами деятельности дельцов от преступности в США.

Во многих развивающихся странах, ориентирующихся на капиталистические государства, преступность видоизменяется, «сближаясь» с традиционными для капитализма формами, но сохраняя свою архаичность. В ряде стран Африки, например, многоженство и кровная месть, хотя по новым законам и запрещены, не воспринимаются как преступления, однако «колдуны», обогащаясь, используют для обмана людей современную электронную технику типа магнитофонов и т. п.

В развивающиеся страны из капиталистических государств проникают не только формы преступности, но и сами преступники, мир преступности. В этих странах создаются своего рода филиалы преступных объединений либо образуются преступные группы из преступников, желающих разбогатеть самостоятельно, не подчиняясь законам преступного мира развитых капиталистических государств.

Буржуазные криминологи считают, что «взаимообмен» постепенно приведет к единообразию форм преступности во всем мире (имеется в виду, конечно, мир, где господствуют капиталистические общественные отношения или где капитализм «направляет» развитие слабых развитых государств).

Что же касается развитых капиталистических государств, то и здесь происходит унификация преступности, которую буржуазные криминологи называют «международной». Так, в Швеции до 1951 года те формы преступности, которые именовались западными криминологами международными, особого распространения не имели. Теперь же получила широкое распространение контрабанда наркотиков и алкоголя. В ФРГ и Голландии стали «традиционными» такие формы «международной» преступности, как карманные кражи, картежное мошенничество, азартные игры, подделка векселей. Кроме того (это характерно для «стандартизации» и «единообразия» преступности), преступники-индивидуалисты успеха в совершении этих преступлений не имеют и иметь не могут.

Аналогичная картина наблюдается во Франции, Италии и других странах. Характерно, что на эти процессы откликаются литература и другие формы искусства даже не очень прогрессивных направлений. Проблеме международных связей преступников, в частности контра-

банде наркотиков, посвящен, например, кинобоевик «Французский связной».

Во всех капиталистических странах широко известны такие преступления и формы преступной деятельности, которые буржуазные криминологи объявляют международными, как коррупция, шантаж, возникновение международных преступных групп (так называемая «преступная индустрия»). Рождая эти формы преступности, будучи даже заинтересованным в ней, буржуазное общество не может в то же время не вести борьбу с преступностью. В ФРГ, например, для борьбы с «международными» преступлениями и преступниками создана так называемая «Одиночная служба» (в составе Федеральной пограничной охраны).

В 1974 году на границе, проходящей по территории Баварии, было задержано по подозрению в совершении преступлений 43813 человек, изъято 100 кг гашиша, 1,654 кг героина и другие предметы, добытые преступным путем²⁸. Западногерманский журнал «Криминалистика»²⁹ полагает, что как международные должны рассматриваться преступления, когда преступники имеют связи в различных государствах. При этом группа «международных» преступников должна «работать» по меньшей мере в двух странах. В западных государствах создаются картотеки «международных» преступников (естественно, с помощью ЭВМ), а также картотеки по методу совершения преступлений и другим характерным криминалистическим признакам, облегчающие розыск преступников. Как сообщает тот же журнал, среди арестованных в ФРГ преступников было иностранцев в 1970 году 18 %, в 1971 — 20 %, в 1972 — 23,3%.

М. Виллрич и Т. Тейлор, рассматривая то, что становится характерным для преступности в современном капиталистическом обществе, наряду с ее «международным» характером отмечают, что преступники технически оснащены часто лучше полиции, вследствие чего они действуют безнаказанно. Они указывают, что преступники берут на вооружение даже ядерное оружие. Такого рода преступников они делят на три категории: а) собственно преступники, которые, в частности, занимаются шантажом с целью обогащения и другими преступлениями имущественного характера; они вооружаются вплоть до ядерного оружия с тем, чтобы успешно противостоять полиции; б) террористы и в) различные лолли-

тические группировки «правой» ориентации и крайне левацкие³⁰.

Естественно, что капиталистическое общество, как мы подчеркивали, не может не реагировать на столь опасные тенденции в развитии преступности и, конечно, должно искать формы и методы борьбы с ней. Тот факт, что преступность перестала быть внутригосударственной проблемой капиталистических стран и перешагнула границы, потребовал установления более тесных контактов между органами полиции буржуазных государств (несмотря на то, что сама полиция, как и прокуратура, и суды, часто связана с преступным миром и так же живет за его счет и обогащается, как и представители капиталистических монополий).

Своеобразной реакцией «а международные связи преступников стала международная полицейская организация «Интерпол», созданная в 1914 году. Интенсивно, она стала действовать с пятидесятых годов, когда все отчетливее начали проявляться те особенности общеуголовной преступности, о которых мы сказали выше. Подчеркнем также, что такими действительно международными преступлениями, как преступления против мира и человечества, «Интерпол» не занимается. Штаб-квартира этой организации, объединяющей сейчас представителей полиции 116 стран, в большинстве которых имеются национальные бюро «Интерпола», находится в Париже.

«Интерпол» существует как своего рода международная информационная и в какой-то степени координационная служба розыска преступников. Своих полицейских сил на территории других государств она не имеет. Газета «South China Morning Post» приводит данные о видах деятельности «Интерпола» и сотрудничающих с ним национальных полицейских служб. В 1971 году, например, на территории 19 государств по просьбам других стран было осуществлено 994 ареста силами местной полиции и 1021 — силами зарубежной. Кроме того, происходил интенсивный обмен информацией, проводилась научно-исследовательская работа³¹.

Можно привести данные о деятельности «Интерпола», опубликованные национальным Центральным бюро этой организации. К 1 августа 1975 г. было произведено арестов по требованию других стран — 965; арестов, осуществленных через иностранные национальные бюро,—

933; выдано сведений информационного характера в другие национальные бюро — 143 961; получено сведений информационного характера от национальных бюро — 108 322.

Кроме того, Генеральный секретариат «Интерпола» рассмотрел 24 398 дел. Среди них дела о насилиях против людей — 314, воровстве всех видов и хищениях — 2479, кражах автотранспорта — 426, мошенничестве — 2357, подлогах и подделках документов — 4463, эксплуатации проституции и оскорблении морали — 578, розыске лиц, пропавших без вести, — 348, незаконном использовании гражданской авиации — 36 и о других преступлениях — 323³². Однако «международная» преступность, характерная для капиталистического общества, значительно сложнее; самая опасная ее форма — организованная преступность. В советской юридической литературе много и подробно писалось и пишется о ней³³. Останемся лишь на некоторых вопросах.

В современном капиталистическом мире существуют многообразные формы организованной преступности, различные преступные синдикаты и объединения. Все они, пожалуй, ведут свое начало от небезызвестной мафии (с точки зрения форм организации, в первую очередь).

Мафия зародилась на острове Сицилия первоначально как организация патриотически-революционного характера, организация сопротивления тем, кто пытался поработить свободолюбивый народ этого острова. Постепенно эта организация попала в руки сильных мира капитала и стала использоваться в их интересах не только для обогащения, но и в целях политических. Ее особенности: широкие связи, строгая конспирация, иерархичность. По сути дела, мафия и подобные ей организации — составная часть капиталистического образа жизни. Итальянский социолог Гаэтано Моска пишет: «...конечная цель мафии — это получение незаконным путем максимальной прибыли от общества с использованием таких средств и методов, которые могли бы поставить в тупик следствие и правосудие... Мафия разработала специфическую технологию преступлений. Она не останавливается перед самыми изощренными убийствами из-за угла, похищает и пытается свои жертвы, если ей кажется, что это необходимо для того, чтобы спасти от провала одну из «семей» мафии, или посадить на ответ-

ственное кресло нужного человека, когда ему мешают конкуренты, или, наконец, привести в исполнение тайный приговор...»³⁴.

В Италии — «мафия», в Латинской Америке — «поррас», в США — «коза ностра», их филиалы имеются почти во всех капиталистических странах мира. Организованные преступные синдикаты маоистов по контрабанде наркотиков в Гонконге, Таиланде и других странах Азии наиболее характерны для преступности в современном капиталистическом мире. Характерны также тесные связи преступности с монополиями и реакционными фашистскими и шовинистическими режимами. Нажитые преступным путем миллионы вкладываются главарями преступных организаций в промышленные, строительные и иные компании и в банковское дело. Деньги, добытые с помощью преступных махинаций и незаконных промыслов, позволяют содержать различные экстремистские, преступные, состоящие из уголовников организации, террористические группы, что особенно характерно для деятельности правых и левацких элементов, сомкнувшихся в политике с фашизмом и самыми реакционными силами современного мира.

Нельзя не сказать в связи с этим об организованной преступности в Израиле, ибо весьма отчетливо прослеживается связь американских монополий и организованной преступности США и Израиля.

Израильский журнал «Лиллит» опубликовал дискуссию между корреспондентом Би-Би-Си я журнала «Ньюсуик» в Израиле М. Элкинсом и израильским криминалистом и отнюдь не антиссионистом М. Амиром. Амир рассказал о деятельности террористической организации «хагана», основной задачей которой было изгнание коренных жителей Палестины с захваченных Израилем земель, о связи между контрабандистами из этой организации с контрабандистами из Италии.

Умерший недавно американский гангстер Лански, наживший на преступлениях в США миллионы долларов и за 50 лет преступной деятельности лишь один раз (и то около месяца) пробывший в тюрьме, финансировал подпольную преступную индустрию Израиля. Полученные от преступного бизнеса деньги вкладывались в официальное «дело» и направлялись на финансирование экстремистских террористических организаций³⁵.

Организованный характер преступности в капиталис-

тическом мире, ее прямая связь с монополиями и политическим бизнесом прослеживаются во всех областях жизни, во всех отраслях производства, откуда так или иначе можно извлечь прибыль и политические выгоды. Не случайно американский социолог и криминолог Э. Сатерленд писал, что современные органы по применению закона в США действуют заодно с преступными организациями, ибо последние находятся под контролем политиков, которые сами являются преступниками в обычном смысле слова или имеют дружественные связи с преступными организациями на основе совместного участия в их деятельности³⁶.

Связь преступного мира с монополиями, международный характер этих связей, как и международный характер преступного бизнеса, его влияние на политику капиталистических государств весьма ярко проявились в скандальном деле американской компании «Локхид» о подкупах и взятках, вылачивавшихся японским государственным деятелям, включая бывшего премьер-министра Танаку, лидера правящей либерально-демократической партии. Не касаясь в целом этой известной истории, отметим, что одной из ее характерных черт было участие в аферах представителей преступного мира, сомкнувшихся с правящими кругами и политическими деятелями. Одной из центральных фигур этого скандала был крупный японский гангстер Иосио Кодама, пользовавшийся к тому же большим влиянием в политических и деловых кругах. Кодама держал под своим контролем синдикат преступников и, по данным полиции, в 1975 году имел доход в сумме около 20 млрд. иен. При этом 8,6 млрд. ему принесли преступные махинации с наркотиками; 3,8 млрд.—занятие букмекерством; 800 млн. он добыл путем преступного вымогательства; 300 млн. он выручил от эксплуатации проституток и 100 млн.—от распространения порнографии³⁷. Опираясь на тайные группировки, находившиеся под контролем Кодамы, правящие круги США использовали их для подавления прогрессивных сил.

Так выглядит единение преступности и политики в международном масштабе.

В 1974 году в ФРГ буржуазные ученые-криминологи собрались для того, чтобы обсудить проблемы, касающиеся организованной преступности вообще и международной в особенности. Следует отметить, что, хотя участни-

ки дискуссии проявили большую озабоченность и беспокойство, они обсуждали вопросы формально-юридически. В частности, было отмечено, что не определена организованной преступности, нет отражения этого понятия в законодательстве и потому, мол, затруднена борьба с ней.

Обсуждение шло по пути выработки общего понятия организованной преступности. Западные криминологи считают, что организованная преступность это: а) совершение преступлений на протяжении достаточно длительного времени по заранее разработанным планам организацией, состоящей из нескольких лиц, функции между которыми разграничены, и б) основанные на разделении труда и не носящие временного характера согласованные преступные действия более чем двух лиц или нескольких групп лиц, совершенные в целях получения доходов или оказания влияния на общественную жизнь³⁸.

Ряд криминологов полагали, что из понятия организованной преступности следует исключить понятие бандитизма, поскольку он достаточно хорошо изучен, получил довольно точное определение в национальных законодательствах и должен рассматриваться самостоятельно.

Несмотря на то, что в приведенном определении правильно перечислены некоторые черты организованной преступности, нетрудно заметить, что сущность организованной преступности проглядывает лишь в какой-то степени в последних словах: «в целях получения доходов или оказания влияния на общественную жизнь». Но лишь в какой-то степени, ибо о главном, о сущности явления говорится очень робко и завуалированно. Очевидно, что формально-юридическое определение организованной преступности без глубокого социального, классового, политического анализа этого понятия не может быть удовлетворительным. Понятно, что буржуазные криминологи не могут (и часто не хотят) связать организованную преступность с сущностью капиталистических общественных отношений. В то же время они признают, что организованная преступность захватила ключевые позиции в таких видах преступности и капиталистического бизнеса, как фальшивомонетничество, торговля и контрабанда наркотиками, торговля оружием, содержание и эксплуатация запрещенных игорных промыс-

лов и проституции, торговля людьми и в целом ряде других опасных видов преступной деятельности.

Поэтому буржуазные ученые говорят о «международных» преступлениях и о «международной организованной преступности». При этом они не обращают внимания на то, что, как правило, заправили преступных объединений, связанные с экономическим и политическим бизнесом (или сами являющиеся бизнесменами и владельцами крупнейших состояний), действительно влияющие на общественную жизнь и политику капиталистических государств, остаются безнаказанными.

Особо опасный характер организованной преступности беспокоит прогрессивные круги общественности, всех, кто здраво смотрит на процессы, происходящие в капиталистическом обществе. Не случайно некоторые ученые иронически говорят о том, что в современном капиталистическом обществе опаснее украсть буханку хлеба, чем обманым путем продать акции на миллион долларов. Цюрихская газета «Вельтвохе» пишет: «**Анти-общественное поведение представителей «верхушки» находит всяческую поддержку, когда заходит речь о защите ее репутации. Нью-йоркский прокурор Гарольд Бэр высказывает опасение, что это явление, разрастаясь как снежный ком, ведет к роковым последствиям, давая «не самый лучший» урок молодежи при выборе жизненного пути**»³⁹.

Западногерманский профессор А. Мерген в книге «Профиль экономического преступника» недвусмысленно пишет, что состояние многих «уважаемых» руководителей капиталистического мира выросло из преступности. Он называет такие фамилии, как Морган, Карнеги, Крупп, подъем которых начался с промышленного шпионажа в Англии, говорит о капитанах французской экономики, судовладельцах Голландии, итальянских мафиози, бельгийских спекулянтах и, конечно, швейцарских банкирах. Не случайно Т. Парсонс пишет: «...Шумпетер любил высказывать мысль о том, что банковское дело произошло из преступности..»⁴⁰.

Зарубежные криминологи отмечают, как мы подчеркивали выше, что формы организованной преступности меняются. Если в 60-е годы, считают они, на первом месте были преступления в сфере ростовщичества, то нынче преобладают манипуляции с подставными фирмами, причем именно в международном плане. Вот один, но

весьма характерный пример, приводившийся на упомянутом симпозиуме криминологов. Не так давно гангстерская группа, связанная с американской мафией, перевела в швейцарские банки 1000 фиктивных акции перуанской компании «Минера Рио Тинто лимитед». По документам актив этой компании составлял 4 млрд. долларов, а курсовая цена каждой акции определялась в 65 тыс. долларов. Однако это оказалось оплошным обманом, и если бы он не был разоблачен, то сумма мошенничества, преступления, перешагнувшего через многие границы, составила бы 250 млн. долларов.

Необходимо отметить, что для государств и народов, развивающихся по социалистическому пути, такая преступность — явление, давно ушедшее в прошлое. Она противоречит сущности их социального устройства.

Вот почему мы не можем признать такого рода преступность и преступления международными, хотя они затрагивают интересы ряда, а подчас и многих капиталистических государств.

Международным преступлением или преступлением международного характера в современных условиях может быть признано такое деяние, которое затрагивает коренные интересы всех народов и государств. Все, о чем мы писали выше,— особые формы характерной для государств эксплуататорского типа и перешагнувшей границы отдельных стран, весьма опасной преступности, ложащейся тяжким бременем на плечи трудящихся, но существующей в рамках системы эксплуатации, классового неравенства и угнетения. Это — феномен «международной» преступности в рамках эксплуататорских общественных отношений, порождение, следствие и результат образа жизни современного капиталистического общества. Таково понятие организованной преступности с позиций марксистско-ленинской науки государства и права, вскрывающей не только поверхностные характеристики явлений, но и их сущность.

ВИДЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО ХАРАКТЕРА

Глава III

ПРЕСТУПЛЕНИЯ, НАНОСЯЩИЕ УЩЕРБ МИРНОМУ СОТРУДНИЧЕСТВУ И НОРМАЛЬНОМУ ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Рассматривая виды преступлений международного характера, посягающих на межгосударственные интересы, мы хотели бы подчеркнуть, что далеко не все они в одинаковой степени затрагивают интересы Советского Союза. Некоторые из них имеют большее значение вследствие своей специфики, другие затрагивают наши интересы лишь косвенно. Наконец, третьи их практически непосредственно не касаются, но наше Советское государство либо подписалось под конкретным международно-правовым актом и потому обязано соблюдать и соблюдает его, либо может помочь другим государствам в борьбе с этими преступлениями в порядке оказания правовой помощи и международного сотрудничества. В ходе изложения мы будем акцентировать внимание читателя на этих особенностях различных видов преступлений.

Терроризм — особый вид преступлений международного характера

1. При анализе терроризма как преступления международного характера важнейшее значение имеют его истоки, теоретический анализ, политическая и юридическая характеристика. История возникновения этого деяния как преступления международного характера свидетельствует об использовании определенными кругами капиталистического общества своего влияния для

искажения подлинного содержания и подлинной характеристики терроризма прежде всего для того, чтобы организовать в международном масштабе борьбу с революционным движением трудящихся. И не только с движением как таковым. Буржуазные «теоретики» терроризма, объявляя его преступлением, стремились ни много, ни мало как доказать «преступность» марксистско-ленинского учения о путях развития человеческого общества, дискредитировать социалистические идеи, коммунизм, коммунистическое движение, под флагом борьбы с терроризмом усилить репрессии против коммунистов и всех участников революционного движения¹. Это весьма важно иметь в виду, когда мы приступаем к анализу терроризма как преступления международного характера, его роли в настоящее время и всесторонней политической и юридической оценки.

А. Н. Трайнин, вскрывая подлинную сущность стремления буржуазной юриспруденции, пытавшейся в свое время выдвинуть состав терроризма в качестве международного преступления (конечно, понимаемого так, как это было выгодно противникам социализма и революционного движения), писал: «Можно с уверенностью сказать, что именно этот состав преступления, терроризм, есть центральная проблема развернувшегося в капиталистических странах унификационного движения в области уголовного законодательства»².

При этом дискуссии, которые развертывались на унификационных международных конференциях (особенно в начале 30-х годов), по вопросу о терроризме шли в следующих основных направлениях.

Во-первых, буржуазные авторы стремились дать понятие терроризма чрезвычайно широко, гораздо шире общепринятого понятия террористического акта как уголовного преступления, предусмотренного национальными законодательствами. Был даже придуман термин, согласно которому терроризм должен посягать на общую (!) безопасность. Что следует под этим понимать, ни один буржуазный ученый не объяснил; некоторые высказывания, подобно фиговому листку, не прикрывали их подлинную юридическую (и политическую) натуру.

Под терроризм подводились посягательства против личности, а также имущественные и иные преступные деяния. На первый план выдвигались такие действия,

которые обычно являлись формой революционных выступлений (стачки, демонстрации и т. д.). В то же время те преступные деяния, которые связывались национальными законодательствами с терроризмом, отодвигались на второй план.

Во-вторых, авторы, создавшие в тот период понятие терроризма, стремились не к тому, чтобы найти действительно опасные для международного общения формы этого преступления и тем самым способствовать укреплению международного сотрудничества в области борьбы с опасными преступлениями, а демонстрировали лишь свою открыто реакционную позицию, формулируя состав так, чтобы с его помощью вести борьбу практически **только** с революционным движением, оскорбительно именуя любые формы борьбы трудящихся за освобождение от эксплуатации терроризмом.

В-третьих, авторы проектов закона о терроризме включили в состав этого преступления даже пропаганду политических учений. Профессор Радулеску на IV Конференции унификаторов следующим образом «сформулировал» состав терроризма: «Рассматриваются как акты терроризма все посягательства (!), равно как и подготовительные к этим посягательствам действия, а также соглашения (!) и организации, имеющие своей целью насилеием или запугиванием навязать политическое или социальное учение» (!!)³. Профессор проявил, прямо скажем, вопиющую юридическую неграмотность и, стремясь угодить своим фашиствующим хозяевам, явно перестарался. Для каждого грамотного юриста формулировка Радулеску очевидно абсурдна, ибо навязывание, даже путем запугивания, какого-либо учения не может считаться терроризмом, т. е. преступлением, в основе которого лежит физическое насилие над человеком.

В-четвертых, авторы предложений о составе терроризма полностью обошли столь характерную для террора черту, как индивидуальное насилие, насилие над личностью вплоть до физического уничтожения. Они не упомянули о том, что террор есть орудие политической борьбы наиболее реакционных кругов и течений, в частности фашизма. В канун прихода Гитлера к власти, когда уже имелся опыт «общения» с фашистскими головорезами, такая позиция была более чем удивительной. Впрочем, фашизм сам дал оценку усилиям «борцов» за

создание состава терроризма, указав (после Мадридской конференции 1933 года), что «резолюция о едином репрессивном фронте против терроризма, принятая в Мадриде, была построена в духе итальянского законодательства: она отвечает требованиям фашистского режима»⁴. Добавим: не только итальянского, но и немецкого, и любого другого на Западе или на Востоке.

Таким образом, никакой попытки дать серьезный анализ терроризму как политически, так и юридически, показать, в чем его сущность как преступления международного характера, теми, кто его формулировал, сделано не было. Более того, антикоммунизм создателей этого понятия и различных проектов закона о борьбе с терроризмом был настолько очевиден, что сам по себе сделал невозможным какое-либо положительное решение вопроса о законодательстве по борьбе с терроризмом как преступлением международного характера. Между тем человечество действительно нуждалось в формулировании таких положений в международном праве и в зарождающемся международном уголовном праве, которые бы стали преградой на пути преступлений, наносящих ущерб делу мира и сотрудничеству государств. Терроризм уже тогда вырисовывался как одно из тяжких преступлений международного характера.

Каждому непредубежденному политику и ученому было ясно, что можно принимать или не принимать марксистско-ленинское учение, быть или не быть сторонником идей социализма, но учение это к терроризму вообще и тем более к его уголовному варианту никакого отношения не имеет. Было очевидно, что революционное движение, стремление людей к освобождению от эксплуатации и угнетения нельзя объявить терроризмом, нельзя с помощью репрессий и ложно сформулированного состава преступления задуть волю и движение народов, а тем более прогрессивные идеи, захватывающие все большее число людей, становящиеся программой их практической деятельности.

В то же время стало ясно, что реакция, фашизм — это те силы, которые сделали террор одним из своих главных средств захвата власти, террор тотальный, с помощью уголовщины, террор внутри своей страны и вне ее.

Жизнь слишком поздно заставила многих буржуазных ученых, и не только ученых, понять, что такое тер-

роризм в действительности, какие силы и как использовали и используют это преступное деяние и насколько важно для человечества определить его как преступление международного характера. Разве не свидетельствуют об этом события в Италии 1976—1978 гг., когда жертвами террористов фашистского толка стали те, кто даже не были коммунистами, кто выступал лишь за буржуазную демократию, включая Альдо Моро? Уроки прошлого нельзя забывать, их необходимо помнить, чтобы избежать трагических ошибок в будущем.

2. Для того чтобы решить вопрос, что понимать под терроризмом и как он должен быть сформулирован в качестве преступления международного характера, необходимо, на наш взгляд, кратко рассмотреть некоторые теоретические проблемы, касающиеся терроризма как политического феномена. Только после этого можно будет дать его правовую характеристику.

Унификаторы, как мы отмечали, пытались ставить знак равенства между терроризмом и коммунизмом, что и привело их сначала к бесплодным спорам и мертвым схемам, а затем и к теоретическому краху. Между тем теоретическое обоснование допустимости терроризма характерно для крайне правых либо левацких течений и теорий. В настоящее время встречаются попытки возродить анархистские (в частности, возникшие в России) теории начала 20-х годов, характерные своей псевдореволюционностью, в том числе для оправдания фашистского терроризма.

В то же время развертывание национально-освободительной борьбы народов Азии, Африки, Латинской Америки показывает нам примеры увлечения насилием, террористическими методами со стороны левацких элементов, которые в конечном счете не приносят желаемых результатов. Более того, эта псевдореволюционность дает возможность буржуазным идеологам бросать тень на подлинно революционную борьбу и цели народов, объявляя террористами всех, кто борется за освобождение людей от эксплуатации. Левый экстремизм объективно играет на руку империалистическим кругам, которые применяют насилие якобы для подавления терроризма. Так для национально-освободительного движения и подлинной революционной борьбы народов против эксплуатации враждебным становится и правый, и левацкий терроризм.

Обоснованием правого, фашистского и тому подобных видов терроризма западные теоретики особенно себя не утруждают. К их услугам готовые фашистские теории, возрождение «Майн Кампф» и антикоммунизм. Лишь изредка делаются попытки в общем-то с негодными средствами подновить обоснование терроризма.

Левацкий терроризм, от которого, как это показывает жизнь, до терроризма фашистского типа — один шаг, обыгрывается с разных сторон, в том числе с целью создания псевдореволюционных теорий, на деле дискредитирующих революционное движение. В числе теоретиков этого направления мы видим Р. Девре, который обосновывает терроризм как метод переустройства общества, используя ситуацию в Латинской Америке⁵, Р. Готта⁶, Ф. Фанона⁷ и других.

Для многих современных теоретиков терроризма характерно, что, призывая ко всеобщему террору (с фашистских, правых либо левацких позиций), не предлагая людям ничего позитивного, прикрываясь лишь трескучими фразами о несовершенстве современного мира, который «необходимо взорвать», они рассматривают терроризм как средство психологической войны против прогрессивных и демократических сил, служа в конечном счете интересам монополистического капитала и мелкобуржуазной фашиствующей стихии. Один из основных современных теоретиков терроризма — Марихелла (Бразилия) прямо определяет цель терроризма как деморализацию общественной жизни. Причем ради этой цели можно пренебречь всем, в том числе тысячами человеческих жизней.

3. Марксистско-ленинская теория всегда отвергала террор в качестве способа достижения политических целей. Известно, например, высказывание юного В. И. Ленина по поводу действий его старшего брата, принимавшего участие в покушении на царя и приговоренного к смертной казни, о том, что «мы пойдем другим путем». Даже тогда, когда царизм применял к революционерам самые жестокие средства расправы, В. И. Ленин, критикуя тактику партии социалистов-революционеров, писал: «Соц.-рев. наивно не замечают того, что их склонность к террору связана самой тесной причинной связью с тем фактом, что они с самого начала стали и продолжают стоять в стороне от рабочего дви-

жения...»⁸. Далее он говорит о том, что террор обезоруживает массы, которые не поднимаются на массовую борьбу за свое освобождение, а «ждут» очередного «поединка» террориста с властью. Подводя итог этим рассуждениям, он подчеркивает: «Нас уверяют далее, что «каждая молния террора просвещает ум», чего мы, к сожалению, не заметили на проповедующей террор партии соц.-рев.»⁹.

В дальнейшем В. И. Ленин и партия вели борьбу против спекуляций противников марксизма-ленинизма, связанных с отождествлением понятия диктатуры пролетариата с насилием, всегда подчеркивая демократический характер пролетарской диктатуры и то, что, во-первых, с помощью одного насилия нового общества не построишь, а во-вторых, что диктатура пролетариата ничего общего с террористическими методами не имеет. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что только при Советской власти все население получает возможность пользоваться всеми благами демократии, участвовать во всех делах своего государства. Очень показательно, например, следующее ленинское положение: «Столько съездов крестьянских и рабочих, сколько было у нас, не было ни в одном государстве мира. Таким путем мы развиваем сознание. То, что дает Советская Конституция, ни одно государство за 200 лет не могло дать... Взять простое число съездов, — ни одно государство за сто лет демократизма столько не созывало, а именно таким путем мы вырабатываем общие решения и выковываем общую волю»¹⁰. Новая Конституция Советской страны последовательно проводит в жизнь ленинские идеи демократизации всей общественной жизни и государственной практики.

Говоря непосредственно о диктатуре пролетариата, В. И. Ленин отмечал, что период диктатуры пролетариата необходим для перехода от капитализма к социализму и что ликвидация опасности реставрации капитализма будет означать «прекращение диктатуры пролетариата», после чего граждане социалистического общества станут «служащими и рабочими *одного* всенародного, государственного «синдиката»¹¹. Эти ленинские положения подтверждены развитием Советского государства, для которого характерна последовательная демократизация общественной жизни, превращение в общенародное государство, что нашло свое

выражение в Конституции СССР 1977 года. Очевидна, таким образом, несостоятельность попыток противопоставлять пролетарскую диктатуру демократии, «исключать» ее созидательный, творческий характер, говорить о ее «террористическом характере». Иначе, чем с помощью передержек и спекуляций, этого сделать нельзя. Этим и занимаются антимарксисты всех мастей и сортов¹².

В период гражданской войны и иностранной интервенции, когда белогвардейщина с помощью международной буржуазии развязала белый террор и молодое Советское государство, защищая завоевания Великого Октября, ответило красным террором, поднялась гнусная кампания, в которой приняли участие все реакционные силы — от руководителей Антанты до Каутского и внутренней контрреволюции и оппозиции, кампания клеветы и на молодое государство, и на марксистско-ленинскую теорию. Разоблачая Каутского и его книгу «Терроризм и коммунизм», В. И. Ленин писал: «Всемирная буржуазия поддерживает Маннергеймов и Колчаков, стремясь задушить Советскую власть, облыжно выставляя ее террористической и недемократической... И только подпевалами буржуазии являются Каутский, Мартов, Чернов и К°, когда они тянут свою песенку о терроризме и демократизме»¹³.

Можно было бы приводить множество примеров того, как коммунисты относятся к политическому террору как «методу» достижения революционных (или псевдореволюционных) целей. Однако в этом нет нужды вследствие ясности позиций. В то же время об этом необходимо постоянно напоминать тем, кто либо заблуждается, либо намеренно искажает марксистско-ленинское учение, особенно в связи с тем, что современный период характерен активизацией и террористов, и всякого рода исказителей марксизма-ленинизма от крайне правых до маоистов.

4. Таким образом, очевидно, что и как учение, и как форма политической борьбы терроризм есть явление, присущее либо реакционным империалистическим, фашистским, военно-бюрократическим, шовинистическим режимам либо левацким или анархистским течениям и группировкам. Из сказанного выше видно, что терроризм есть антинародное учение и практика, в конечном счете смыкающаяся с уголовщиной.

По нашему мнению, следует выделить два аспекта при разоблачении античеловеческого лица терроризма. Во-первых, необходимо развенчать политически теорию и практику терроризма и, во-вторых, показать его существование как уголовного преступления международного характера.

Терроризм есть проявление крайностей, связанных с самим существованием эксплуататорских общественных отношений. Иногда — ответ политически незрелых людей или групп на эти крайности. Этого не скрыть никакими юридическими ухищрениями. Достаточно сказать, что практике борьбы с преступлениями в социалистических государствах терроризм как явление внутри этих стран практически не известен. Попытки связать терроризм с коммунистическим учением и «деятельностью коммунистов» провалились; в капиталистических странах терроризм сейчас развит так, как никогда ранее.

Кризис эксплуататорских общественных отношений привел к тому, что, процветая внутри капиталистических государств, терроризм перешагнул их границы, стал серьезной угрозой нормальному осуществлению межгосударственных отношений в условиях мирного сосуществования.

Этот процесс напрочь опровергает все прежние теоретические концепции буржуазных ученых. В самом деле, раньше лишь коммунисты вели борьбу против капитализма. Отсюда и столь характерным было стремление обвинить коммунизм в терроризме. Что же могут сказать буржуазные идеологи теперь? Фронт антиимпериалистической борьбы неизмеримо расширился. ООН признала право народов освободиться от колониальной зависимости, от всех и всяких видов национального и расового угнетения. И терроризм показал свое подлинное лицо как средство подавления свободы и прогресса, именно как порождение империализма и реакции. Коммунисты же, как и ранее, отвергают террор и считают его преступным. От этих фактов никуда не уйти.

5. Буржуазные криминологи считают, что современный терроризм развивается в самых разнообразных формах внутри капиталистических государств и на международной арене. Они, в частности, называют терроризмом угон самолетов, захват тюрем для осво-

бождения заключенных, захват крупных промышленников и членов их семей, захват дипломатов, членов иностранных делегаций, вооруженные ограбления со взятием заложников для прикрытия бегства и т. д.¹⁴.

Нетрудно заметить, что почти все эти преступления не присущи социалистическим государствам, но могут «заноситься» (и заноятся) в них извне.

В США — этом эталоне современной преступности в капиталистическом мире — такое преступление, как взятие заложников, все время растет. В 1970 году в одном Нью-Йорке преступники взяли заложников в 120 операциях полиции по задержанию преступников. В 1973 году это количество выросло до 300 случаев.

Американская печать констатирует (вопреки всем прежним «теориям»), что террористические акты в стране совершают уголовники и экстремисты. Полиция подсчитала, что в США каждые два часа происходит взрыв — в школах, церквях, учреждениях. В Нью-Йорке с 1965 по 1969 год было взорвано 438 бомб¹⁵.

На территории США, как грибы, растут малые и большие террористические организации. Среди них особо следует упомянуть печально известную «Лигу защиты евреев». Она вроде бы совершает террористические акты внутри США, но организует в случаях необходимости и «выездные» акты терроризма, акты международного характера. На ее счету, как сообщила газета «Дейли Уорлд» 19 февраля 1972 г., сотни террористических актов против прогрессивных деятелей и иностранных представителей (не говоря уже о распространении идей расизма и шовинизма, на почве которых и родилась практика терроризма). За период с января 1969 по январь 1972 года члены «Лиги» совершили 13 взрывов помещений, 34 вооруженных нападения, 11 погромов учреждений, спровоцировали 19 случаев уличных беспорядков с жертвами невинных людей, 10 налетов на различные общественные собрания с избиением участников. За преступные действия ее члены арестовывались 1200 раз. Но организация продолжает действовать, пользуясь попустительством властей.

Во многих капиталистических странах положение аналогично. Так, например, в результате актов терроризма в Турции за шесть месяцев конца 1975 и начала 1976 г. погибло 42 человека¹⁶.

В Эфиопии террористические элементы, имея при этом за спиной ЦРУ, развернули свою деятельность с целью срыва коренных социально-экономических преобразований эфиопской революции¹⁷ и т. д.

«Перебросившись» на международную арену, террористы применяют те же формы совершения преступлений. Достаточно вспомнить убийство заложников на Мюнхенской олимпиаде в 1972 году.

В 1974 году в Тунисе был убит западногерманский банкир, захваченный в качестве заложника на борту самолета.

В 1973 году в Гватемале террористы убили посла ФРГ, а затем последовала волна шантажа со взятием заложников и все увеличивающимися суммами выкупа. Кроме того, преступники стали дополнительно требовать «охранительные» взносы.

На Ямайке террористы хотели убить премьер-министра М. Мэнли. Прокатившиеся акты терроризма преследовали цель «дестабилизации» политического положения накануне выборов.

В 1976 году была предотвращена попытка отравить бывшего генерального секретаря национальной партии Данкена¹⁸.

«Особое внимание» террористы проявляют к иностранным дипломатам. Похищение и убийство их весьма распространены. В течение 1968—1972 гг. террористы похитили 27 дипломатов, представляющих 11 государств, и троих из них убили. В начале 1973 года террористы из организации «Черный сентябрь» захватили в качестве заложников сотрудников посольств Саудовской Аравии, Иордании, США и Бельгии, троих из них убили¹⁹.

В соответствии с резолюцией XXXI сессии Генеральной Ассамблеи ООН в июле 1977 года учрежден специальный Комитет ООН по разработке международной конвенции о борьбе с захватом заложников; жизнь настоятельно требует принятия эффективных мер, направленных на борьбу с этим преступлением²⁰.

Готовясь к Олимпийским играм в Монреале, канадские власти разогнали существовавшую в Квебеке террористическую организацию.

Предупреждая о возможности повторения событий в Мюнхене, Д. Кларк в газете «Тайм» в статье «Олимпийская безопасность — задача стоимостью в 100 млн. дол-

ларов» писал, что Олимпиада явится для Канады самой большой военной операцией после второй мировой войны.

Террористические организации существуют практически во всех капиталистических странах, развивая свою деятельность и внутри и вовне страны. В ФРГ известна, например, международная банда террористов Баадер-Майнхоф. Примечательно, что среди 26 членов банды было 10 женщин, в том числе руководительница банды — Майнхоф.

Терроризм в ФРГ заслуживает того, чтобы сказать о нем подробнее. Банда Баадер-Майнхоф создала свою теорию. Хотя лидеры ее мертвы, наследники их продолжают действовать в соответствии с разработанными концепциями. Суть их в следующем.

Теоретики западногерманского терроризма Майнхоф и Баадер утверждали, что их жестокий по характеру, крайне анархичный, часто бессмысленный терроризм есть «герилья в условиях города»²¹.

Президент Федерального уголовного бюро Х. Герольд, характеризуя современный терроризм в ФРГ, считает, что он прошел четыре фазы²².

Первая — с 14 мая 1970 г., когда существовали еще разрозненные террористические группы, подпольно, в условиях политической изоляции (последнее едва ли верно, ибо терроризм всегда имел политических хозяев в лице реакционных сил). В этот период арестованный Баадер был освобожден, и к 1972 году был организован ряд взрывов по стране.

Вторая — началась с 1972 года, когда террористы были арестованы за взрывы. Баадер и Майнхоф призывали террористов к «единству»; в условиях тюремного заключения была создана сеть связи между различными группами вне стен тюрьмы. Сам по себе факт беспрецедентный.

С 1974 года стали действовать военизированные группы террористов, руководимые Майнхоф и Баадером из тюрьмы. Так началась третья фаза. В тюрьме в это время умер один из руководителей террористов, некий Майне. В ответ террористами был убит президент судебной палаты Дранкман (1974 г.), похищен бургомистр Западного Берлина Лоренц (начало 1975 г.), совершено нападение на посольство ФРГ в Стокгольме.

С середины 1975 года, как считает Х. Герольд, началась четвертая фаза. Она характерна ужесточением средств террора и широким выходом на международную арену. Власти ФРГ вынуждены вести борьбу с терроризмом. Министерство внутренних дел, например, предложило Италии и Франции арестовывать по подозрению в терроризме (взаимно) граждан этих стран. Вносятся предложения о превентивных арестах тех, кто уже отбыл ранее наказание за терроризм. Казалось бы, все это приемлемо. Но, как и ранее, борьба с терроризмом рассматривается расширительно, так, как это нужно в конкретных случаях правящим кругам и особенно реакционным силам, оказывающим давление на правительство.

На заседании бюро Международной Ассоциации юристов-демократов в Алжире в 1978 году отмечалось, что Штраус и Пиночет (во время визита Штрауса в Чили) отмечали успехи в борьбе с терроризмом (!!); в таком духе выступил министр внутренних дел Франции Понятовский во время поездки в Аргентину.

На этом же заседании было обращено внимание на то, что 16 января 1978 г. в ФРГ было объявлено о создании Ассоциации законной самозащиты, которая должна бороться за то, чтобы граждане «защищали себя». Как заявил президент МАЮД Ж. Нордман, это не борьба против терроризма, а борьба против прав и свобод людей под предлогом борьбы с терроризмом.

Весьма активны террористы в Италии. И не только потому, что Италия — родина мафии. Там и помимо мафии появились террористические организации и группы фашистского, маоистского, экстремистского толка. Вот примеры их «деятельности». 10 июля 1976 г. был убит заместитель генерального прокурора Рима Витторио Оккорсио. Он был убит из автомата, когда выходил из дома. В его машине была найдена листовка неофашистской организации «Новый порядок». Месяцем раньше террористы убили генерального прокурора Генуи Коко. Число таких примеров можно было бы увеличить²³. «Вершиной» деятельности террористов, как мы уже подчеркивали, явилось похищение и убийство Альдо Моро.

В Токио была арестована группа террористов; среди восьми арестованных были три женщины²⁴.

Французский журнал «Ле Пуэн» несколько лет назад писал, что организация, поддерживающая международный терроризм, имеется и во Франции. Ее возглавляет некий Генри Куриель, египетский еврей, 60-ти лет, отбывавший в течение 9 лет тюремное заключение за террористическую деятельность.

Терроризм, можно сказать, сопутствует положению неустойчивости в стране. Он свидетельствует о том, что силы крайней реакции и экстремисты либо не сложили оружия, надеясь на лучшее, либо хотят нагнетать напряженность, либо усиливают деятельность, чувствуя свой конец.

В качестве примера можно было бы сослаться на положение в Португалии после избрания на президентский пост Рамалью Эанеша и формирования правительства М. Соарешем. В тот момент было очевидно, что решительных шагов в изоляции правых и остатков фашизма предпринято не было. В результате страну потряс ряд террористических актов. Выступая в парламенте, председатель парламентской группы коммунистов Карлуш Бриту обратил внимание на то, что за последние четыре месяца фашистские террористы совершили 25 взрывов, было убито 8 и ранено 30 человек. Он сказал: «Терроризм направлен против демократии, свободы и имеет целью дестабилизацию внутренней жизни страны».

Газета «Диариу ди Лижбоа» подчеркивала, что основная трудность борьбы с фашистским терроризмом состоит в том, что он пользуется покровительством некоторых легальных политических групп²⁵.

Однако стало ясно, что нельзя бороться за демократические преобразования и не бороться с терроризмом. Поэтому в августе 1976 года в г. Порту была арестована группа террористов во главе с Морейра. У них был обнаружен целый арсенал оружия, все они были представителями крайне правых течений, смыкавшихся с фашизмом, а многие из них — уголовные преступники²⁶.

Политическая неустойчивость в Аргентине также привела к вспышке терроризма, причем «повернутого» как против прогрессивных сил своей страны, так и против прогрессивных деятелей, нашедших ранее убежище в Аргентине от преследований, в частности реакционных режимов в Чили, Уругвае и других странах.

В испанском журнале «Камбио-16» опубликовано заявление одного адвоката, вернувшегося из Буэнос-Айреса: «По данным управления ООН по делам беженцев, начиная с 1 января этого года (1976. — И. К.) по 22 июня, в Аргентине в результате насилия со стороны полицейских было убито 945 человек, в одном только Буэнос-Айресе исчезли 35 адвокатов, защищавших политических заключенных, из отелей ООН, где живут беженцы, были похищены 23 человека, причем это сделала морская пехота...»²⁷. Примечательно, что в качестве террористов выступают полицейские и армия, контролируемые правыми силами. Действия террористов — это общий план наступления правых, фашистских сил, жертвой которых стал, кстати, перонистский режим, впервые в истории этой страны получивший широкую поддержку населения, что, кстати, и послужило сигналом для вспышки деятельности террористов. При этом как ультралевые, так и ультраправые террористы идут на провокации для того, чтобы повернуть правительство против демократов, и специально убивают полицейских и военных, стремясь представить свою деятельность как деятельность коммунистов и других прогрессивных сил.

Крупным «специалистом» по терроризму был бывший министр в правительстве Марии Эстеллы Мартинес де Перон Хосе Лопес Реги, который был организатором правых банд смерти, официально именующихся «антикоммунистический альянс Аргентины».

6. Крайне правые, фашистские террористические организации типа «ААА» (антикоммунистический альянс Аргентины), «АДО» (Аргентинское демократическое объединение), «отряды смерти» и т. д. занимаются охотой за людьми демократических убеждений. Так, либо убиты, либо исчезли при неизвестных обстоятельствах такие известные писатели, как лауреат ряда литературных премий Арнольдо Конти, Элиас Кастельнуово, Даниель Мойяно. Убит Омар Карлос Акрис — председатель оргкомитета чемпионата мира по футболу 1978 года. По некоторым данным, в Аргентине в 1976 году террористами убито свыше тысячи человек²⁸. Аргентинский консорциум «Бунге и Борн», чтобы продолжать свою деятельность, не боясь нанесения ущерба со стороны террористов, в июне 1975 года выплатил выкуп террористической группе троцкистского направления в

дамме 80 млн. долларов. Нельзя при этом не отметить, что подстрекательством к развертыванию терроризма в Аргентине занимается чилийская хунта, которая в газете «Меркурио» заявила, что если в Аргентине не запретят коммунистическую партию, то страна не получит иностранных капиталовложений²⁹. Так вновь фашистский терроризм призывает к уничтожению коммунистов. История повторяется. Но из нее демократическим силам необходимо делать выводы, в том числе бороться за признание терроризма преступлением международного характера. Деятельность террористов привела к изданию правящей военной хунтой законов, ограничивающих политическую деятельность. Были запрещены 48 организаций правого, троцкистского и маоистского толка и наряду с ними и некоторые подлинно демократические организации. Правые не достигли своих целей, но террористическую деятельность продолжают.

Известно, что в Бразилии распространены диктаторские методы. Однако тревогу общественности этой страны вызвало создание террористической группы «бразильский антикоммунистический альянс», напоминающей «антикоммунистический альянс Аргентины». Члены этой новой организации уже успели взорвать бомбу у здания бразильской ассоциации печати и пытались взорвать помещение коллегии адвокатов Рио-де-Жанейро³⁰.

Терроризм как политика характерен не только для правых и левацких элементов как таковых, он получает одобрение в Китае, превращаясь в государственную политику. Советские исследователи А. Ермаков и Г. Зарубин пишут: «Крайний идеализм, огромное самомнение и нетерпимость за пределами Китая, как известно, зачастую проявляются в терроризме»³¹.

Подстрекательство маоистов отчетливо проявляется в действиях террористов многих стран. Так, довольно ощутимо их влияние в Италии. И это не случайно, ибо в Италии открыто поднимает голову неофашизм. Похищение и убийство Альдо Моро совершено членами маоистской группировки, известной под названием «красных бригад». Они же причастны к убийству известного итальянского юриста, советника кассационного суда Риккардо Пальмы.

В США разоблачена состоящая из китайцев банда террористов-уголовников, носившая название «САО». На

судебном процессе было установлено прямое руководство террористами из Пекина³². Действия маоистских террористов ничем не отличаются от действий фашистских террористов, например в Италии. Но маоисты свои действия маскируют ультраревOLUTIONНОЙ демагогией, а на практике ведут борьбу с подлинно прогрессивными и демократическими силами.

Примечательно, что в мире нет ни одной террористической организации, участниками которой были бы коммунисты или люди прогрессивных направлений, идей и взглядов.

Так, жизнь начисто разрушила долгие годы создававшийся реакционными буржуазными учеными миф о «коммунистическом терроризме».

7. Вопрос об оценке современного терроризма гораздо сложнее, чем может показаться на первый взгляд, ибо многие капиталистические государства и правительства, объявляющие себя эталоном демократии, часто либо смотрят сквозь пальцы на действия террористов, тем самым поощряя их, либо используют террористические методы и террористов в своей политике, стараясь это замаскировать, либо, наконец, возвращаются к прежнему пониманию и толкованию терроризма с тем, чтобы дискредитировать национально-освободительное движение народов. Чтобы не быть голословным, начну с последнего.

На XXVII сессии Генеральной Ассамблеи ООН обсуждался вопрос о международном терроризме. Дискуссия была чрезвычайно острой. Сразу же определилась позиция некоторых западных государств, пытавшихся бросить тень на национально-освободительное движение народов Африки и Ближнего Востока и искусственно связать его с терроризмом. Это особенно заметно было в деятельности делегации США, которая для достижения своих целей в качестве предлога избрала известный инцидент на Олимпиаде в Мюнхене (1972 г.). При этом все усилия были направлены на то, чтобы осудить борьбу арабских народов за освобождение своих территорий и наклеить им ярлык террористов, хотя они к этой акции никакого отношения не имели и сами осуждали ее.

Американский делегат в Шестом юридическом комитете представил наспех составленный проект Конвенции о предотвращении определенных актов междуна-

родного терроризма и наказания за них. Естественно, он не нашел поддержки. Проект этот был подвергнут аргументированной критике на XXVII сессии Генеральной Ассамблеи ООН Министром иностранных дел СССР А. А. Громыко, который показал подлинный характер терроризма и подчеркнул необходимость борьбы с этим преступлением. Нельзя не сказать и о том, что специальный комитет ООН по вопросу борьбы с терроризмом, правильно указывая на многие черты этого преступления международного характера, в то же время не показал его сущность и не выработал приемлемого определения терроризма и рекомендаций по наказанию за него.

Делегации СССР, других социалистических и ряда африканских стран поддержали проект резолюции неприсоединившихся стран, который и был принят. Резолюция называлась: «Меры по предотвращению международного терроризма, который угрожает жизни невинных людей или приводит их к гибели, или ставит под угрозу основные свободы, и изучение коренных причин этих форм терроризма и актов насилия, происходящих из нищеты, безысходности, бед и отчаяния и побуждающих некоторых людей жертвовать человеческими жизнями, включая и свои собственные, в стремлении добиться радикальных перемен».

Не подвергая критическому разбору этот документ, укажем главное — к чему он призывает все государства и правительства. Во-первых, стать участниками международных конвенций по борьбе с терроризмом; во-вторых, учредить специальный комитет по вопросам международного терроризма, который с учетом мнений государств выработает рекомендации по борьбе с этим явлением; в-третьих, включить вопрос о международном терроризме в предварительную повестку дня XXVIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Насколько опасно попустительство терроризму, от которого один шаг до использования его, видно на примере событий, которые в течение длительного времени не сходили со страниц печати. Речь идет о скандальных разоблачениях ЦРУ. Чтобы избежать упреков в том, что советские ученые всегда акцентируют внимание на вопросах политических, а правовые оставляют в стороне (хотя это обвинение бьет мимо цели), сошлемся на самих американцев.

Доклад сенатской комиссии, созданной в США, позволяет сделать политические и юридические выводы применительно к предмету нашего исследования. Примечательно заглавие доклада сенатской комиссии: «Обвинения в заговорах с целью убийств деятелей иностранных государств». Что же такое «убийство деятеля иностранного государства» с юридической точки зрения? По любым законам — это террористический акт. Таким образом, речь с самого начала идет о развертывании терроризма в мировом масштабе, причем терроризма как политики. Хотя сенатская комиссия пытается утверждать, что это все — дело рук только ЦРУ, а правительство США и президенты к сему отношения не имеют, чувство, мягко говоря, неудовлетворенности остается (тем более если при этом учесть, что в этом документе указывается, что президент Эйзенхауэр косвенно дал согласие на «устранение» Патриса Лумумбы). Допустим, что высшие органы власти США не причастны к такой политике. Однако если они непосредственно не следят за одним из своих важнейших государственных органов или группой их, то политику терроризма могут осуществлять и другие органы, имеющие для этого возможности и ассигнования.

Впрочем, под давлением улики многие руководители ЦРУ были достаточно откровенны. Так, бывший директор ЦРУ Ричард Хелмс дал в комиссии такие показания: «Я считаю, что тогдашняя политика предусматривала избавление от Кастро. И если для этого надо было его убить, убийство входило в рамки ожидаемого»³³.

Комиссия, отмежевываясь от деятельности практически преступной организации (а именно такой и следовало бы признать ЦРУ в полном соответствии с Уставом Нюрнбергского трибунала) и спасая престиж США, готовившихся к празднованию своего 200-летия, заявила, что она осуждает убийство и отвергает его как инструмент американской политики.

Брюссельская газета «Спесьяль» отмечает, что «Центральное разведывательное управление никогда (разрядка моя. — И. К.) не содействует процессам демократического характера». Вот откуда и политика грубого вмешательства в чужие дела, и террористические методы, **тотальный терроризм**, который теперь не удастся скрыть. Эта же газета пишет: «... в Вашингтоне никого не интересует, идет ли речь

о) настоящих коммунистах, о сочувствующих коммунистам, социалистических или прогрессивных силах. На этой шахматной доске личность ничего не значит»³⁴.

Огромен размах терроризма в Латинской Америке, причем и здесь не без поддержки международных реакционных сил.

Лондонская «Гардиан» замечает: «В Латинской Америке подобные акции носят повальный характер. Каждый день появляются сообщения о политических убийствах, просто убийствах, пытках и арестах, особенно в таких странах, как Чили, Аргентина, Уругвай»³⁵. Среди убитых в 1973 году — бывший президент Боливии генерал Торрес, обнаруженный мертвым в Аргентине. В Париже в 1974 году убит бывший глава уругвайской разведки полковник Трабаль (за сочувствие левым силам ИВ Португалии). В 1974 году в Буэнос-Айресе убит генерал Пратс из правительства С. Альенде. В сентябре 1976 года в Вашингтоне был убит находившийся в США в эмиграции видный деятель правительства Народного единства Чили Орландо Летельер. Он погиб в результате взрыва бомбы, подложенной под его автомашину. Этот список можно было бы продолжить. «Гардиан» связывает эти террористические акты, как и всю деятельность террористов, с ЦРУ, подчеркивая, что «в течение ряда лет Соединенные Штаты обучали латиноамериканских полицейских тактике терроризма в полицейских училищах в Вашингтоне и Техасе. В течение ряда лет эти методы применяются в таких малых странах, как Гватемала, откуда вообще ничего не сообщают. Не удивительно, если их сейчас широко применяют и в других странах» (разрядка моя. — *И. К.*)³⁶.

Американские монополии (а не только ЦРУ) используют местных террористов тогда, когда что-либо угрожает их интересам. Так, в Эквадоре в здание Эквадорской государственной нефтяной корпорации группа террористов фашистского толка бросила бомбу. За спиной террористов стояла американская нефтяная монополия «Тексако-галф». Террористическая акция последовала вслед за тем, как в Эквадоре началась кампания за национализацию собственности «Тексако-галф».

В столице Коста-Рики Сан-Хосе террористы взорвали здания авиационных и морских компаний, органи-

зовывающих рейсы на Кубу. Шесть человек получили ранения.

Все это нельзя упускать из виду, когда речь идет о признании терроризма преступлением международного характера. Но читателю, конечно, ясно и другое, главное: почему вокруг понятия терроризма шли и еще будут идти бурные дебаты, хотя суть терроризма, его истоки становятся все более понятными для всех, все более обнаженными.

Обращает на себя внимание также то, что для осуществления террористических акций ЦРУ активно опиралось на уголовно-преступный элемент, открыто покрывая нужный ему преступный мир, попирая интересы борьбы с преступностью как в своей стране, так и в других государствах. Это само по себе свидетельствует об уголовном характере терроризма. Из материалов той же сенатской комиссии, например, явствует, что ФБР объявляет розыск опаснейших преступников — гангстеров-убийц, а ЦРУ скрывает их и использует в своих целях³⁷. Более того, гангстеры отказываются от вознаграждения, если ЦРУ берет их под защиту.

ЦРУ взяло, например, под защиту одного из крупнейших руководителей американского гангстеризма некоего Джанкана, которого намеревалось использовать для убийства Ф. Кастро. В период разоблачения деятельности ЦРУ Джанкана в своем доме в Чикаго был убит...

Обсуждение доклада комиссии в сенате показало, что терроризм имел всегда одну, главную направленность — антикоммунистическую. Как неубедительно в связи с этим выглядят потуги многих буржуазных теоретиков скрыть сущность терроризма. Их «не убедили» годы прихода Гитлера к власти, их не убедили звериный лик фашистского правления, их не убедили выводы из разгрома фашизма... Может быть, разоблачения ЦРУ поставят все на свои места? Теперь даже слепые не могут не видеть подлинную сущность терроризма, его истоки, его направленность, его преступный характер, опасный для всех народов, для демократического пути развития любого государства.

Нельзя ныне игнорировать и другие факты практически государственного терроризма. Об этом свидетельствует известный налет израильской военщины на аэродром Энтеббе в Уганде, сопровождавшийся убий-

ством многих ни в чем не повинных людей. При этом была использована территория соседней с Угандой Кении. В этом террористическом акте, как в зеркале, видна опасность терроризма вообще и государственного в особенности. Выступая на заседании Совета Безопасности ООН и обличая терроризм Израиля, представители многих африканских и других стран привели ряд фактов, свидетельствующих о проведении реакционными кругами Израиля политики государственного терроризма. Представитель Ливии М. Р. Кихья в числе других привел пример налета на Бейрутский аэропорт, уничтожение в воздухе сирийского самолета гражданской авиации с пассажирами на борту³⁸.

Опасность такого вида терроризма для дела мира заключается, в частности, в том, что правящие круги Израиля перед налетом договорились с руководством Кении о закрытии кенийско-угандской границы, лишив тем самым Уганду горячего и других товаров. Отношения между двумя соседними государствами обострились. Создалась явная угроза миру. Позднее Уганда порвала дипломатические отношения с Великобританией (точнее — Великобритания с Угандой, «обидевшись» на обвинение в оказании помощи террористам).

Таким образом, терроризм, безусловно, представляет в настоящее время одно из наиболее опасных преступлений международного характера и в случаях, подобных эпизоду в Уганде, родствен агрессии.

Наконец, вновь обратимся к ФРГ — родине гитлеризма. Шведский журналист Ульф Нильссон, говоря о военных подпольных учениях под руководством неонациста Гейнца Гоффмана, которые фактически были маневрами террористов, констатирует: «Если бы Гоффман был левым, то он — я убежден в этом — уже давным-давно сидел бы в тюрьме вместе со своими приверженцами. Так поступают с левыми при малейшем подозрении в «связях с террористами». Но правым экстремистам все сходит с рук»³⁹. Хотя очевидно, что левые (а не «леваки») к терроризму отношения не имеют.

Терроризм есть преступная деятельность крайне реакционных анархистских, фашистских и полуфашистских, военно-бюрократических, правых и крайне левацких сил, носящая открыто уголовный характер, хотя и сопровождающаяся потугами «создать» теоретическую

базу; деятельность, связанная с организацией убийств, насилий, нападений и тому подобных действий, направленная прежде всего против прогрессивных сил, участников демократических течений и организаций, не гнушающаяся, впрочем, и сведением счетов с себе подобными за соответствующее вознаграждение либо иные материальные выгоды.

В случаях, когда терроризм выходит на международную арену, он может нанести, и наносит подчас, непоправимый ущерб интересам государств, их мирному сотрудничеству. Представляется, что все сказанное позволяет сделать вывод: терроризм должен быть, безусловно, признан преступлением международного характера и даже международным преступлением, причем тяжким, что должно, на наш взгляд, найти свое закрепление в соответствующем решении Генеральной Ассамблеи ООН.

8. Мы позволим, прежде чем дать уголовно-правовой анализ терроризма, высказать следующие соображения.

В условиях мирного сосуществования государств с различным социально-политическим устройством, в условиях разрядки международной напряженности возможности развязать войну становятся, естественно, все более ограниченными. Поэтому очень важно вести борьбу с такими действиями, которые мешают достижению благородных принципов мирного сотрудничества государств. Послевоенный период, как было сказано, к тем международным преступлениям, которые были признаны таковыми в результате победы над фашизмом, прибавил новые.

Нам представляется, что нынешний период со всей очевидностью показывает опасность терроризма не просто как преступления международного характера, но и как международного преступления. В условиях мирного времени и мирного сосуществования терроризм выступает как преступление, «впитавшее» в себя опасные черты многих международных преступлений. Так, если мы имеем дело с «государственным» терроризмом типа налета Израиля на аэропорт Уганды, то здесь, по нашему мнению, налицо элементы такого преступления, как агрессия. Если террористы физически уничтожают целые группы людей, то налицо элементы тех преступлений, которые совер-

шали гитлеровцы; разница лишь в числе уничтоженных и способах совершения преступлений.

Если террористы захватывают или уничтожают дипломатических представителей (либо граждан вообще) какого-либо государства и скрываются с ними на чьей-либо территории, а руководители этой страны потакают террористам, очевидно, что это наносит ущерб отношениям между государствами и чревато осложнениями, опасными для дела мира.

Сказанное позволяет прийти к выводу, что терроризм в условиях мирного сосуществования может и должен быть квалифицирован как международное преступление со всеми вытекающими отсюда последствиями и с точки зрения законодательного решения этого вопроса, и, соответственно, с точки зрения принципов уголовной ответственности за терроризм.

Изучая проблему международного терроризма как преступления международного характера и даже как международного преступления (*de lege ferenda*), следует рассмотреть довольно сложный вопрос: есть ли какая-нибудь единая международная организация, направляющая деятельность международного терроризма, а если есть, то каково ее реальное влияние? «Идейное» единение террористов, как мы видели, есть. Это либо левацкие, анархистские и тому подобные теории, либо фашистские, крайне правые, шовинистические и тому подобные «учения» и течения. В практической деятельности эти, казалось бы, лежащие на разных полюсах теории сходятся, как всякие крайности. Но можно говорить и об определенном, хотя еще, может быть, и не полностью оформленном организационном единстве. О нем писал римский буржуазный еженедельник «Экспрессо», который трудно заподозрить в предвзятости и тем более в симпатиях к коммунизму⁴⁰. Анализируя деятельность террористов в Италии и их международные связи, журнал приходит к следующим выводам.

Во-первых, существует так называемый «черный интернационал», вобравший в себя всех реакционеров, прежде всего из числа разбежавшегося по миру после второй мировой войны фашистского отребья и их сторонников из разных стран. В 1974 году в Лионе был созван конгресс, на котором был весь «цвет» международного фашизма. После разгрома фашизма это было первое «объединенное» заседание⁴¹.

Во-вторых, этому заседанию предшествовало создание в 1963 году объединяющего центра в Лиссабоне под названием «Ажинтер-пресс». Вскоре он стал центром «западной антикоммунистической лиги, поставившей себя на службу мировой контрреволюции». Ею стали руководить бывшие ээсовцы, в том числе друг Отто Скорцени некий Робер Леруа и другие. В 1966 году в недрах этой организации были созданы две «подсистемы». Одна — пропагандистского, а другая — открыто террористического порядка («вооруженная борьба с международным коммунизмом»). Журнал прямо пишет о связях этой организации с ЦРУ, особенно в таких странах, как Чили, Боливия, Гватемала. После победы демократических сил в Португалии «Ажинтер-пресс» перебралась в Испанию.

В-третьих, «Ажинтер-пресс» завязала связи с террористами и фашистскими организациями во многих странах. В Италии — с «Новым порядком», «Национальным авангардом», неофашистской партией ИСД и др.; в ФРГ — с неонацистами, прежде всего в Баварии, близкими к Йозефу Штраусу; в Англии — с «Национальным фронтом» фашиста Эндрю Фаунтена, с крайне правым крылом консерваторов, группирующихся вокруг «Манди-клуб»; во Франции — с правозэкстремистской организацией «Оксидан» и так называемым «Национальным фронтом», созданным в 1973 году вместо распущенных правительством подобных организаций; в Швейцарии и Бельгии — с «Жен Эрор» к «Нувель ордр Эропеен»; в Испании — с фалангистами некоего Гарсиа Родригеса, правыми католиками («христово воинство») и центрами укрытия неофашистов в Барселоне и Мадриде.

Кроме того, есть ряд «специализированных» центров, также связанных с «Ажинтер-пресс». В Лозанне — НОЭ — центр, основанный в 1951 году бывшими нацистами. Кроме немецких нацистов в него входят наиболее оголтелые представители французского «Европейского действия», правого крыла итальянской ИСД, «Испанского кружка друзей Европы», греческого движения «4 августа» и другие.

Испанский центр (Барселона, Мадрид, Аликанте) — самая важная база «черного интернационала». Он прикрыт различными вывесками экспортно-импортных компаний, вроде мадридской фирмы «Техно-

мотор», владельцем которой числится герцог Валенсийский — покровитель Отто Скорцени и «черного князя» Валерио Боргезе.

Мюнхенский центр объединяет неонацистские группы ФРГ и ренегатов из социалистических стран. Он тесно связан с западными разведывательными службами, особенно США, ФРГ, Италии и радиостанцией «Свободная Европа», на которой, кстати, усердно «трудятся» отщепенцы Синявский («Абрам Терц»), Некрасов, западноукраинский националист Ян Стешко и другие, скатившиеся в болото международной реакции и терроризма.

Всемирный национал-социалистский союз (ВУНС) — неонацистская организация, действующая во Франции, ФРГ и Англии. Особенно силен ВУНС в Латинской Америке, где у нацистов традиционно крепкие связи.

Всемирная антикоммунистическая лига (УАКЛ), созданная в 1966 году. Ее возглавляет мексиканский фашист Р. Геррьеро. Одним из лидеров является также новоявленный Христос — южнокорейский шарлатан Мун. УАКЛ имеет также вес в Латинской Америке и поддерживает тесные связи с мюнхенским центром, украинскими националистами, НТС и секретными службами США, ФРГ, Швейцарии, Австрии.

После падения в апреле 1974 года фашистского режима в Португалии, а затем в Испании провалилась и «Ажинтер-пресс». Ведущая роль в сплочении сил международного фашизма и деятельности террористов в значительной степени перешла к организации «Паладин». Центр ее пока находится в Аликанте (Испания), но филиалы — во многих крупнейших центрах Европы (Париж, Рим, Цюрих, Лиссабон, Мюнхен). Эта организация располагает, по сведениям некоторых источников, 100 тоннами золота и огромными денежными вкладами в банках многих стран мира.

Деньги лежат еще со времен Гитлера и являются составной частью «фонда Бормана», фондов СС и т. д. Во главе «Паладина» стоят бывшие нацисты Герхард Хартмут фон Шуберт и Иоханнес фон Леере.

Цели международного фашизма в современный период были определены на «сходке» в Лионе в 1975 году:

«организация государственных переворотов в странах с парламентскими режимами, борьба с коммунизмом как составная часть широкомасштабной «стратегии напряженности». Средства: «устрашать бомбами антифашистов.., усилить террористические акты, повсеместно создать атмосферу напряженности и насилия...»⁴².

Картина достаточно впечатляющая и говорящая о многом. Прежде всего о том, что фашизм и реакция завязывают все более тесные международные связи, в том числе и на пути терроризма. Не случайно этот процесс вызывает беспокойство демократических и либеральных кругов буржуазного общества, ибо, несмотря на открыто антикоммунистические вывески, фашистский и смыкающийся с ним левацкий, в том числе терроризм маоистских групп, представляют реальную угрозу всему прогрессивному и демократическому. Это понимают и представители буржуазии, далекие от симпатий к социализму и коммунизму. Пусть пока еще между названными выше террористическими организациями нет четкой организационной связи, единых планов, но они — на пути к этому. Не видеть этого просто нельзя. Все они — осколки разгромленного фашизма, осколки тех органов фашизма, которые были признаны в Нюрнберге преступными организациями. Поэтому есть все юридические основания считать их таковыми и сейчас, со всеми вытекающими отсюда последствиями как для самих организаций, так и для тех, кто является их членами. Таков еще один аргумент в пользу отнесения терроризма к международным преступлениям, преступлениям против человечества, ибо он воскрешает античеловеческие теории и практику нацизма, угрожает делу мира, сотрудничества между народами, демократии и прогрессу. Террористические организации должны быть запрещены законами любой страны. Должно быть выработано и международное соглашение. Этого требуют интересы народов.

9. С учетом политической оценки существа терроризма попытаемся дать его уголовно-правовую характеристику. Исходя из того, что терроризм — преступление международное, не будем рассматривать традиционного уголовно-правового деления его как состава преступления на объект, объективную сторону и т. п. Дадим его характеристику описательно.

С точки зрения общей направленности терроризм как преступление наносит ущерб прежде всего установленному порядку сотрудничества между государствами и самому мирному сотрудничеству.

Непосредственный ущерб терроризм может наносить разным группам отношений, разным объектам. В первую очередь речь может идти о жизни (или угрозе жизни) человека либо многих людей, а также о насилии либо угрозе применения насилия по отношению к личности или многим людям. Насилие над людьми может сопровождаться физическим воздействием по отношению к ним вплоть до причинения телесных повреждений и смерти. Но насилие может сопровождаться и психическим воздействием и вымогательством различных материальных благ, что особенно характерно для тех случаев, когда террористический акт сопровождается требованием выкупа.

Деяние может сопровождаться разрушением (или попыткой разрушения) каких-либо объектов: самолетов на земле и в воздухе, административных зданий, жилища, морских судов и т. п. При совершении таких действий наличествует опасность для жизни людей; в то же время взрыв заведомо пустого дома может дать другой состав преступления по национальному законодательству (например, вредительство либо уничтожение или повреждение имущества). Учитывая особенности терроризма и как явления, и как преступления международного характера, можно, вероятно, было бы и уничтожение имущества террористическими группами, даже не повлекшее человеческих жертв, отнести к понятию терроризма (наличие или отсутствие человеческих жертв может быть учтено при назначении наказания). Взрыв в таком случае может расцениваться как угроза применения насилия, включающего человеческие жертвы в будущем.

Терроризм — преступление, которое может быть совершено и одним лицом против одного или нескольких человек или каких-либо объектов (в этом случае речь должна идти о террористическом акте), и группой. Для терроризма как международного преступления совершение деяния в одиночку в настоящее время не характерно. Напротив, терроризм есть следствие деятельности (и сама деятельность) заранее сформировавшихся преступных групп. Эти группы есть соучастие *sui ge-*

перis типа преступных организаций в национальном праве, в частности в советском. Из признания тех или иных концепций соучастия должны вытекать и выводы об ответственности участников террористических организаций и групп.

Более того, терроризм несет в себе черты организованной преступности, присущей капиталистическому миру. Разоблачение различных террористических групп и то, что сказано нами о потворстве террористам со стороны правительственных органов (в том числе использование террористов в неблагоприятных целях), о связях террористов с преступным миром, а вслед за этим с монополиями, свидетельствует об организованном характере терроризма. Сказанное позволяет нам утверждать, что террористические организации должны признаваться преступными организациями.

В качестве общей рекомендации, основанной и на имеющемся законодательстве, и на международной практике, исходя из характера терроризма, мы полагаем, что к террористам следует применять те правила об ответственности соучастников, которые уже применялись в отношении нацистских военных преступников. Кроме того, речь может и должна идти, по нашему мнению, о признании преступными организациями выявленных террористических организаций и групп. Из этого следует, что каждый участник террористической организации должен нести ответственность за всю преступную деятельность организации. Конечно, при выборе меры наказания должна приниматься во внимание активность каждого из членов, степень индивидуальной вины. Но сам факт вступления в террористическую организацию, по «идейным» ли мотивам, под давлением, добровольно или для того, чтобы «заработать», безусловно, должен влечь уголовную ответственность. Чем более тяжкими преступлениями характерна деятельность преступной организации, тем суровее должно быть наказание ее конкретных участников.

Вопрос об ответственности в случаях, когда нет законченных террористических действий, решается по общим правилам о наказуемости за приготовительные действия и покушение на преступление. Однако нам представляется, что в тех случаях, когда деятельность террористической организации была пресечена (а не прекращена добровольно), ответственность должна на-

ступать в полном объеме (террористическая организация создана; разработан план действий, намечены жертвы, но ее разоблачают участников арестовывают).

Если действия террористов не выходят за рамки своей страны, ответственность наступает по правилам национального законодательства. Однако во всех случаях необходимо выявлять международные связи террористов.

При рассмотрении дел о терроризме особо должен изучаться вопрос о вдохновителях, организаторах не только конкретных действий, но и создания террористической организации или группы; важно установить организаторов и отделить их от (подстрекателей, ибо организатор и наиболее трудно выявляемая фигура, и наиболее опасная, тем более что в такой роли может выступать организация. Для координации борьбы с терроризмом в международном масштабе это имеет огромное значение, ибо террористические организации необходимо уничтожать с корнем. В тех случаях, когда в качестве организации — организатора выявлено учреждение какой-либо страны, входящей (или не входящей) в ООН, следствием могут быть различные политические, экономические, дипломатические акции против государства, обсуждение вопроса в каком-либо органе ООН с вынесением соответствующего решения, применение установленных в международном праве санкций по отношению к государству, попустительствующему терроризму. Вслед за этим может встать вопрос и о привлечении к уголовной ответственности дополнительно выявленных участников террористических групп.

Терроризм — преступление всегда умышленное. Однако мотивы терроризма могут быть весьма разнообразны. Если учесть, что террористы — представители крайне реакционных взглядов и течений, то мотивы могут носить как политический характер, так и любой иной.

Буржуазные ученые в последнее время стали заниматься изучением «личности» террориста. Следует отметить, что выводы их несут в себе отзвук старого подхода к вопросу. Изучаются лишь те террористы, которые как-то укладываются в прежние схемы, кого хоть как-то, пусть ложно, но можно «прислонить» к подлинно революционному движению. Так, ученые (Д. Хаб-

бард и Г. Тоха) изучали террористов из организации «Черный сентябрь». О них было сказано, что это фанатично настроенные личности, готовые на любые жестокости, не исключая и жестокости по отношению к самим себе. Канадский психиатр Г. Морф в результате исследования пришел к выводу, что терроризм процветает на огласке, широкой рекламе, что террористы любят добиваться того, что они называют успехом, любят, когда их начинают бояться не только граждане, но и правительства. Только в этом случае они считают свои задачи выполненными.

Конечно, такие внешние черты, как стремление к гласности, скандалу, действительно сопутствуют терроризму, входят составной частью в мотивацию поведения террористов. Но если и говорить об этой, в общем-то поверхностной, оценке мотивации действий террористов, то только в какой-то части, самой, мы бы сказали, низшей: те, кто выступают в качестве конкретных исполнителей, могут даже не знать об истинных целях и задачах, стоящих перед организацией, членами которой они являются.

Если же в мотивах действий террористов разбираться глубже, то нужно исходить из сущности этого деяния, имея в виду прежде всего, что терроризм служит достижению самых низменных, антидемократических, антипрогрессивных целей, является следствием крайностей реакции. Отсюда вытекает, можно сказать, «полимотивация» терроризма: от псевдополитических до низменных мотивов чисто уголовного характера. Это характерно для терроризма в целом, что составляет как бы суть и основу мотивации действий террористов.

Но здесь есть одна тонкость.

Мы бы хотели напомнить читателю название резолюции неприсоединившихся стран о терроризме, приведенную выше: «Меры по предотвращению международного терроризма, который угрожает жизни невинных людей, или приводит их к гибели, или ставит под угрозу основные свободы и изучение коренных причин этих форм терроризма и актов насилия, проистекающих из нищеты, безысходности, бед и отчаяния и побуждающих некоторых людей жертвовать человеческими жизнями, включая и свои собственные, в стремлении добиться радикальных перемен». Нетрудно заметить,

что, хотя резолюция посвящена борьбе с терроризмом, авторы ее — представители стран, освобождающихся от колониальной зависимости, прозябающих до сих пор в нищете, бедности, голоде, испытывающих на себе все прелести капиталистической эксплуатации или ее последствий, не могут однозначно подходить к явлениям. Не случайно в названии резолюции речь идет о необходимости изучать все явления, связанные с терроризмом. Не случайно также в тексте говорится не только о собственно терроризме, но и об «актах насилия», вызванных нищетой, безысходностью, бедами и отчаянием. Такое положение, а также неумение найти подлинно революционные пути борьбы за свое лучшее будущее (а иногда и ложные посулы различных политиканов) могут толкать людей на насильственные действия. Однако отдельные акты насилия такого рода вряд ли можно приравнять к терроризму, сущность которого мы стремились показать. Поэтому в мотивации отдельных актов насилия, в характеристике людей, их совершивших, в особенностях организационной, подготовительной деятельности, предшествующей совершению подобных насильственных актов, следует искать отличие от терроризма (не снимая вопроса об их наказуемости). Очевидно, что при определении терроризма как преступления международного характера либо международного преступления необходимо и это иметь в виду. Скрытые (и явные) защитники терроризма шли и идут по пути объявления терроризмом любых насильственных актов, в том числе со стороны представителей угнетенных народов, по мотивам и организационным формам, далеким от сущности терроризма.

Представляется, что в уголовно-правовом смысле следует разграничивать терроризм как явление с вытекающими из него конкретными преступными деяниями, и отдельные акты насилия, даже подпадающие по формальным признакам под понятие террористического акта. Так, в советском уголовном законодательстве предусмотрена ответственность за террористический акт как однократное преступное деяние, направленное против основ общественных отношений. По своей объективной характеристике террористический акт представляет собой действия, посягающие на жизнь или здоровье человека, являющегося представителем Советской власти, с целью на-

нести ущерб социалистическим общественным отношениям.

Связь преступника, совершившего этот отдельный террористический акт, с международным терроризмом совсем не обязательна (если не считать «идейной», умственной что ли, связи террора внутреннего с терроризмом внешним). Если террористический акт, выражающийся в лишении жизни или попытке лишения жизни или нанесении телесных повреждений, совершен человеком, являющимся членом антисоветской организации, ответственность наступает по совокупности статей (участие в антисоветской организации и террористический акт).

Посягательство на жизнь другого человека даже с помощью специально изготовленных взрывных устройств (мин, бомб), совершенное на почве мести или иных личных взаимоотношений, не образует состава террористического акта и квалифицируется по соответствующим статьям, предусматривающим ответственность за преступления против личности (убийство, покушение на убийство, нанесение тяжких телесных повреждений и т. п.).

Повреждение имущества в этих же целях квалифицируется по соответствующим статьям о преступлениях против государственного, общественного имущества или личной собственности граждан.

В советском законодательстве имеется и такой состав преступления, как террористический акт против представителя иностранного государства. Предусмотренный в целях охраны и укрепления взаимоотношений Советского государства с другими странами, он выражает резко отрицательное отношение к любым проявлениям терроризма, с одной стороны, и заботу об укреплении дружеских отношений со всеми странами — с другой. С объективной стороны это деяние сходно с действиями, характерными для террористического акта. Отличие лишь в непосредственном объекте посягательства, каковым является представитель иностранного государства; родовым объектом являются интересы Советского государства в области международных отношений, его внешняя безопасность.

Следует обратить внимание на то, что советский законодатель не знает понятия «терроризм»; терроризм как явление, как политический либо уголовный фено-

мен в советской действительности отсутствует. Предусмотренная в законе наказуемость террористического акта свидетельствует о резко отрицательном отношении Советского государства, общества к любым формам проявления террористической деятельности.

Законодательство других социалистических стран в принципе придерживается такого же отношения к этому преступлению.

В УК ЧССР нет статьи, предусматривающей ответственность за террористический акт, не говоря уже о «терроризме» как явлении; деяние, похожее на террористический акт, имеется, например, в разделе «Преступные деяния против конституционных деятелей».

УК Болгарии не знает термина «террор». Установлено наказание за вредительство, диверсионные акты и саботаж (ст. 85). В УК ГДР также нет специальной статьи о терроризме.

В Румынии в 1949 году был принят закон № 16, в котором указано: террористические акты, совершенные индивидуально или группой, любыми средствами, а также распространение микробов или отравляющих веществ, которые вызывают смерть или тяжкие телесные повреждения, а также объединение в банды с целью террора или саботажа караются смертной казнью. При этом специально подчеркивается, что подстрекатели, сообщники, покровители и укрыватели караются так же, как и исполнители. Закон был принят в специфических условиях, был одним из средств защиты безопасности государства.

УК СФРЮ предусматривает ответственность за убийство представителей народной власти и общественных организаций (ст. 103), за переброску на территорию СФРЮ вооруженных групп, отдельных террористов (ст. 111). Как видим, речь идет не о проявлениях терроризма внутри страны, а о защите государства и народа от внешней террористической деятельности.

Мы привели некоторые примеры из законодательства социалистических стран, но и они свидетельствуют об отношении законодателя к террористической деятельности: последний видит в терроризме главным образом внешнюю реакционную силу, антидемократическую, антинародную.

Эти особенности национального законодательства необходимо учитывать при характеристике террориз-

ма, стремлении сформулировать его понятие как преступления международного.

10. Исходя из сказанного, можно было бы предложить следующий примерный проект законодательного акта о терроризме как международном преступлении.

1. Терроризм — это международная либо внутригосударственная, но имеющая международный (т. е. охватывающая два и более государств) характер организационная и иная деятельность, направленная на создание специальных организаций и групп для совершения убийств и покушения на убийство, нанесения телесных повреждений, применения насилия и захвата людей в качестве заложников с целью получения выкупа, насильственного лишения человека свободы, сопряженного с глумлением над личностью, применением пыток, шантажа и т. д.; терроризм может сопровождаться разрушением и разграблением зданий, жилых помещений и иных объектов.

Цель терроризма — нанесение ущерба демократическим и прогрессивным социальным преобразованиям, собственности организаций, учреждений, частных лиц, запугивание людей, насилие над ними и физическое уничтожение в угоду реакционным взглядам и идеологии фашистского, расистского, анархистского, шовинистического либо военно-бюрократического толка, а также получение уголовно-преступными элементами или покровительствующими им организациями, группами, лицами материальной или иной выгоды. Целью терроризма является также дезорганизация и нанесение ущерба нормальному осуществлению отношений сотрудничества между государствами в условиях мирного сосуществования, нанесение ущерба делу сохранения мира, разжигание конфликтов между государствами, что в конечном счете является преступлением против человечества.

2. Подстрекательство к терроризму карается так же, как оконченное преступление.

3. Отдельные террористические акты или действия, сходные с ними, не связанные с деятельностью международных или внутригосударственных террористических организаций и групп, влекут уголовную ответственность в соответствии с национальным законодательством.

4. Не могут рассматриваться как терроризм, хотя и влекут уголовную ответственность, отдельные акты насилия, совершенные лицом или группой лиц, если эти деяния не есть звенья в цепи деятельности специально организованных террористических организаций и групп, а являются следствием нужды, безысходности, бед и отчаяния, вызванных эксплуатацией, расовой или иной дискриминацией и бесправным положением человеческой личности.

5. Для рассмотрения дел о терроризме могут создаваться трибуналы и иные суды ad hoc по соглашению между государствами. В иных случаях эти дела подсудны национальным судам в соответствии с имеющимися актами о наказании за преступления против человечества, настоящим законом и национальным законодательством.

6. Всем государствам рекомендуется внести в национальное законодательство дополнения в соответствии с настоящим законом, установив в качестве наказания за терроризм длительные сроки лишения свободы и иные строгие меры, применяемые в национальном законодательстве, вплоть до смертной казни.

Угон самолетов

1. Последнее время сравнительно часто стали совершаться преступления на воздушном транспорте. Вспышка терроризма в капиталистическом мире вызвала к жизни и угон террористами самолетов, и взятие на воздушных судах заложников, и физическое уничтожение людей, и другие преступления. Часто угон самолетов по существу есть не что иное, как разновидность терроризма. Очевидно, так следует квалифицировать многие из этих преступных актов. Однако этот вид преступной деятельности имеет свои особенности, он представляет повышенную опасность для нормального сотрудничества государств, для жизни многих людей, даже не будучи актом терроризма. Вот почему встал вопрос о выделении такой преступной деятельности в самостоятельный вид, о заключении международных соглашений по борьбе с угоном самолетов.

Швейцарский журнал «Интеравиа» выделяет три группы преступников, совершающих угоны самолетов.

Первая — преступники, которые угоняют самолеты, угрожают экипажу и пассажирам оружием, заставляют менять курс, спасаясь от властей, преследующих их за совершение других преступлений, или спасаясь от «собратьев-преступников».

Очевидно, что и в социалистических странах найдутся лица, совершившие преступления и стремящиеся уйти от заслуженного наказания путем бегства на самолете. При этом, естественно, такие преступники не останутся перед угрозой насилием и даже перед применением насилия. Возможны и другие варианты типа попытки угона самолета группой сионистов, группой преступников, решивших улететь за границу попробовать «сладкой жизни». В 1970 году преступник с гранатой в руках вынудил экипаж самолета польской авиакомпании изменить курс и посадить его на территории Дании⁴³.

Вторая группа — это угон самолета с целью получения выкупа. Причем выкуп преступники требуют либо от конкретного пассажира, летящего данным рейсом, либо от государства, организации, частных лиц за то, что пассажиры останутся живы, а самолет — целым. По существу, мы имеем дело с вымогательством, однако «усовершенствованным» в век научно-технической революции. Поскольку оно затрагивает интересы многих людей и даже создает угрозу их жизни, вымогательство действует практически безотказно.

Подобное преступление может быть совершено в любой стране с той лишь поправкой, что в социалистических странах выкуп может быть истребован не с конкретного человека, ибо в социалистических странах миллионеры отсутствуют, а с государства.

В ООН для выработки международной Конвенции по борьбе с захватом заложников создан специальный комитет, в состав которого входят представители СССР, БССР, Югославии, ряда развивающихся стран Азии, Африки, Латинской Америки и ведущих капиталистических государств. Завершилась работа двух сессий этого комитета. Однако пока взаимоприемлемое решение не найдено. Обнаруживаются те же противоречия, что существуют и при определении терроризма, когда представители капиталистических стран не хотят установить гарантии, которые исключали бы возможность использования Конвенции в ущерб национально-освобо-

дительному движению, в частности подтвердить право народов вести борьбу против колониального господства, иностранной оккупации и расистских режимов. Суть вопроса в том, что право на национально-освободительную борьбу должно быть строго отделено от любых проявлений террористической деятельности. Работа над текстом Конвенции продолжается, и она, безусловно, необходима.

Третья группа — это преступники, совершающие угон самолета с целью спровоцировать международный конфликт или международные осложнения. Это практически разновидность терроризма — наиболее тяжкий вид данного преступления. Швейцарский журнал «Интеравиа» пишет, что этот вид преступления характерен тем, что угон совершается после того, как не удается решить вопросы мирным путем. В какой-то степени это так. Но дело в том, что угон может быть совершен и без такого предварительного условия. Последующие требования часто лишь уловки преступников, стремящихся подвести «теоретическую базу» под свои преступные действия. Цитируемый журнал связывает данный вид угона самолетов в основном со Средним Востоком. Мы полагаем, что это тоже, мягко говоря, натяжка. Сегодня это может быть Средний, завтра Ближний Восток, послезавтра — Латинская Америка, Европа и т. д. Поскольку в данном случае речь идет о разновидности терроризма, постольку дело не в территории, а в размахе и формах деятельности конкретных террористических групп.

Кроме того, в подобных случаях могут иметь место и политические спекуляции, в частности политический либо дипломатический нажим на какое-либо государство. Известны попытки дискредитации палестинского движения Сопrotивления, хотя оно к конкретным актам такого рода отношения не имело. Мы знаем, что несколько лет тому назад был объявлен бойкот самолетам, совершавшим рейсы в Алжир, хотя было очевидно, что группы угонщиков самолетов действовали самостоятельно и с ними нужно было вести борьбу как с обычными преступниками.

Предоставление аэродрома для посадки самолета, захваченного террористами, — акт, безусловно, оправданный, направленный на предотвращение тяжелых последствий.

Угон самолета с террористическими намерениями либо по иным мотивам остается одним из самых опасных преступлений международного характера. С ним все государства должны вести интенсивную борьбу. Эту борьбу за рубежом возглавила Международная организация гражданской авиации (Jg AO), Международная Федерация Ассоциации пилотов (JFALPA) и Международная Ассоциация авиационного транспорта (JATA). Последняя требует от всех членов ООН выработки единого международного законодательства.

2. О распространенности угона самолетов свидетельствуют следующие данные. С января 1948 по сентябрь 1969 года во всем мире был угнан 121 самолет (из них 69 транспортных)⁴⁴. Усилия государств, направленные на борьбу с этим преступлением не только в законодательном плане, но и практически, привели в дальнейшем к некоторым успехам. Если в 1969 году было 86 попыток угона самолетов и из них 73 успешных, то в 1972 году — 60, а успешных лишь 22.

По данным JATA, из 500 млн. пассажиров, перевезенных на всех авиалиниях мира в 1974 году, 1,5 тысячи были уличены в попытках совершить какое-либо преступление на воздушном транспорте⁴⁵.

Преступления на воздушном транспорте иногда называют воздушным пиратством. Представляется, что путаница в терминах чревата и путаницей в квалификации, что, конечно, явно нежелательно, особенно когда речь идет о преступлениях международного характера. Если быть последовательным, то нельзя не сказать, что вообще от термина «пиратство» веет анахронизмом (мы рассмотрим этот состав преступления ниже). Тем более нет ни надобности, ни оснований, на наш взгляд, для расширения применения этого термина, ибо законодатель вполне определенно сформулировал состав данного преступления. В тех случаях, когда на борту судна совершаются другие преступления — убийство, грабеж, кража и т. д., они должны квалифицироваться и влечь ответственность по национальному законодательству (не каждый случай преступления на борту воздушного судна связан с его угоном или попыткой угона).

Законодательство о борьбе с угоном самолетов, а также другими преступлениями, совершенными на борту воздушного судна, складывалось постепенно. 14 сентяб-

ря 1963 г. в Токио была подписана Конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершенных на борту воздушного судна. Положения Конвенции касаются самолетов гражданской авиации и регулируют совершение действий, не являющихся уголовными преступлениями, но угрожающих безопасности воздушного судна либо лицам, их имуществу, находящемуся в самолете, либо нарушающих установленный на борту судна порядок. В п. 2 ст. 1 указывается, что под действие Конвенции подпадают те деяния, которые совершены во время полета самолета за пределами какого-либо государства. В Конвенции не перечисляются какие-либо конкретные составы преступления. Поэтому вряд ли ее положения можно считать удовлетворительными, хотя, конечно, как первый документ такого рода она заслуживает внимания⁴⁶.

Конвенция не содержит указаний ни о субъекте преступления, ни о мерах наказания за совершенные преступления. Есть в ней и положения, которые значительно снижают ее практическую ценность и политическое значение. Говоря об этом, Л. Н. Галенская справедливо отмечает: «...следует отметить ее структурную рыхлость, терминологическую неопределенность, а ее установления ст. 22 нарушают принцип универсальности участия государств в международных договорах, оговаривая возможность присоединения к ней только государств — членом ООН и специализированных учреждений»⁴⁷.

Недостатки Токийской конвенции обусловили тот факт, что она не получила широкого одобрения.

Поиски путей более эффективной борьбы с преступлениями, связанными с угоном воздушных судов, и преступлениями, совершенными на их борту, продолжались. Результатом явилась Гагская конвенция 1970 года о борьбе с незаконным захватом воздушных судов.

Гагская конвенция рассматривала захват воздушного судна, угон самолета и незаконный контроль за действиями экипажа как преступления (ст. 1). В ст. 2 содержалась норма, обязывающая все государства привлекать лиц, совершивших эти преступления, к уголовной ответственности. Однако в тексте Конвенции нет упоминания о видах и сроках наказания.

Наконец, в 1971 году была принята Монреальская конвенция о борьбе с незаконными актами, направлен-

ными против безопасности гражданской авиации⁴⁸. Если суммировать положения двух последних конвенций, то следует подчеркнуть, что они конкретизировали вопросы ответственности преступников за захват, разрушение либо повреждение воздушного судна или наземных аэронавигационных устройств; за помещение на воздушное судно устройства или вещества, которое может разрушить или причинить повреждение воздушному судну; за сообщение заведомо ложных сведений, создающих угрозу безопасности судна.

Нетрудно заметить, что конвенции стремятся не только регламентировать ответственность за преступные действия, но и предусмотреть возможность предупреждения этих преступлений, не оставляя безнаказанными не только конкретные действия, но и случаи сообщения заведомо ложных сведений о каких-либо обстоятельствах или возможных действиях либо о наличии устройств или веществ, могущих причинить ущерб воздушному судну либо его экипажу и пассажирам.

Монреальская конвенция обязала все страны, ее подписавшие, установить в национальном законодательстве уголовную ответственность за совершение преступлений, предусмотренных Конвенцией.

В соответствии с этим Президиум Верховного Совета СССР 3 января 1973 г. издал Указ «Об уголовной ответственности за угон воздушного судна», на основании которого в уголовные кодексы союзных республик была внесена статья, предусматривающая ответственность за угон воздушного судна (ст. 213² УК РСФСР).

В уголовно-правовом плане (отвлекаясь от угона самолета как акта терроризма) угон самолета опасен не только сам по себе. Он связан с возможностью нанесения большого ущерба государству, гибели многих людей, не только находящихся на борту судна, но и тех, кто находится на земле, но может попасть в зону аварии самолета, которая становится весьма реальной вследствие того, что преступники, как правило, не всегда способны успешно справиться с современными машинами.

Советский законодатель установил суровые меры наказания за преступление, предусмотренное ст. 213² УК РСФСР: лишение свободы от 3 до 10 лет, а в случае применения насилия — до 15 лет, а при наличии человеческих жертв — высшую меру наказания.

Суровая ответственность предусмотрена за данное преступление и в других странах. В США, например, может быть назначена смертная казнь или 20 лет каторги.

3. Следует отметить чрезвычайную важность соблюдения подписанных конвенций. Об этом приходится говорить, так как, несмотря на всеобщее признание опасности такого преступления, как угон или попытка угона самолета, несмотря на всеобщее признание повышенной опасности лиц, совершающих эти преступления, известны случаи нарушений принятых на себя обязательств. Как правило, это вызвано неблаговидными целями, покровительством подчас откровенно террористическим или уголовным элементам.

Строгое соблюдение взятых обязательств — важнейшее дело всех государств и народов. Недопустимо и потворство уголовным преступникам. Такая позиция официальных властей наносит ущерб международному сотрудничеству, добрососедским отношениям между государствами, а в конечном счете — делу укрепления мира в условиях мирного сосуществования. Эти последствия служат основанием для рассмотрения данного преступления в качестве наиболее опасного из группы преступлений международного характера.

Для обоснования указанного положения напомним следующий факт. 15 октября 1970 г. советский самолет «АН-24» совершал регулярный рейс по маршруту Батуми — Сухуми. На его борту было около 50 пассажиров и члены экипажа. Вскоре после взлета двое преступников — отец и сын Бразинскасы — под угрозой оружия пытались проникнуть в кабину пилотов. На их пути встала бортпроводница Надежда Курченко. Преступники не остановились перед убийством беззащитной девушки. В схватке с преступниками был ранен командир самолета и тяжело ранен штурман. Жизнь пассажиров была поставлена под угрозу. Учитывая это, летчики вынуждены были совершить посадку на аэродроме города Трабзон (Турция). Обстоятельства преступления, тяжесть последствий настолько ясны, что они должны были вызвать у турецких властей, в чьи руки попали преступники, соответствующую реакцию. Однако началась неблаговидная возня. Уголовные преступники были представлены как ищущие политического убежища, хотя никому, в том числе и ищущим политическо-

го убежища, убийства прощаться не должны и не могут. Казалось бы, это элементарно. Однако преступники были приговорены к ничтожно малым срокам наказания и не выданы Советскому Союзу, несмотря на его просьбу.

В июле 1976 года турецкий суд принял удивительное решение об освобождении Бразинкасов из-под стражи, а турецкое правительство разрешило им выезд из Турции в США.

В заявлении Советского правительства по этому поводу, переданном советским послом в Турции турецкому правительству, была дана юридическая квалификация деянию Бразинкасов, оценка противоречащей законности деятельности турецкого суда и решения турецкого правительства и подчеркнуто, что «Советское правительство не может расценить все это иначе как действия, не соответствующие неоднократно заявлениям турецких руководителей об их намерениях развивать добрососедские связи и сотрудничество с Советским Союзом. Эти действия находятся в прямом противоречии с задачами усиления борьбы с незаконным угон самолетов и тяжкими преступлениями, которыми этот угон нередко сопровождается. Ведь то, что произошло с Бразинкасами, по существу означает попустительство актам международного воздушного разбоя. Бразинкасами найдено убежище в другой стране, хотя о каком праве убежища может идти речь, когда дело касается убийц, признанных уголовными преступниками и турецким судом?» Далее в заявлении было подчеркнуто, что Советское правительство рассматривает факт укрыательства Бразинокасов как недружественный акт в отношении СССР⁴⁹.

Данный пример — яркое свидетельство того, что в мирное время, в условиях мирного сосуществования угон самолетов, будучи наиболее тяжким преступлением международного характера, при определенных условиях становится преступлением, наносящим ущерб делу мира и мирного сотрудничества между государствами.

Незаконное радиовещание

Изобретение радио, а затем телевидения открыло перед человечеством широкие перспективы, облегчило международное общение между государствами и наро-

дами, сделало более безопасным использование железно-дорожного, воздушного, морского и других видов транспорта, расширило возможности для культурного обмена между народами.

Очевидно, что для радио и телевидения не существует государственных границ и эти достижения человеческой мысли могут быть использованы во вред государственному суверенитету и интересам отдельных государств и народов. Поэтому для упорядочения использования их заключаются международные соглашения.

Разные государства устанавливают разный режим использования радиосвязи. Так, Советский Союз, Великобритания, Франция и другие европейские государства осуществляют монополию в области радиосвязи. Такие небольшие государства, как, например, Люксембург, применяют систему лицензирования и разрешают существование частных радиостанций.

После окончания второй мировой войны, особенно с 50-х годов, получают распространение различные частные радиопередачи, либо направленные на какую-нибудь конкретную страну, либо носящие рекламный характер, что характерно для мира частной инициативы⁵⁰.

Очевидно, что эти передачи являются прямым нарушением международных соглашений по вопросам радиосвязи и общепризнанных норм международного права, прежде всего связанных с суверенитетом государств, ибо такие передачи во многих случаях являются прямым вмешательством во внутренние дела государств. Например, незаконная передача торговых реклам может расцениваться как вмешательство в экономические дела другого государства и т. д.

Незаконное радиовещание иногда называют «пиратским». Представляется, что такой эпитет ничего не объясняет и не проясняет. В конце концов любое незаконное действие можно назвать пиратским, но от этого оно не становится тем, что в действительности характерно для пиратства, которое сопряжено прежде всего с захватом судов на море, ограблением их, убийствами людей и т. п.

С точки зрения юридической правильнее было бы говорить о *незаконном* радиовещании. Причем в современный период возможно не только незаконное радиовещание, но и незаконные телепередачи.

Незаконные радиопередачи могут осуществляться как с неподвижных (стационарных) радиостанций, так и с движущихся объектов, например кораблей, самолетов.

В случаях передач с моря, ко всему прочему, нарушается статус открытого моря, ибо согласно Конвенции об открытом море и общепризнанным нормам международного права открытое море не может использоваться во вред каким-либо государствам.

Незаконные радиопередачи могут иногда расцениваться (в истории такие случаи бывали) как «радиовойна». Естественно, что когда речь идет о такого рода радиопередачах, то имеются в виду передачи не официальных, а незаконно созданных радиостанций. Официально враждебные, направленные против какого-либо государства или группы государств радио- и телепередачи не образуют состава преступления; они должны рассматриваться с позиций международного права как нарушение норм и принципов сотрудничества между государствами в условиях мирного сосуществования государств с различным социально-политическим строем.

В то же время вполне резонно может быть поставлен вопрос о законности некоторых официально существующих радиостанций, действующих, в частности, в Европе. Таковы радиостанции типа «Свободная Европа» и «Свобода». Их передачи носят явно подстрекательский характер. Они открыто вмешиваются во внутренние дела других государств. Кроме того, находятся они на территории государств, которым по существу не принадлежат. Поэтому правовое положение этих радиостанций, мягко говоря, сомнительно. Мы не говорим уже о том, что они разоблачены как скрытые филиалы ЦРУ, в их штате работают шпионы всех расцветок, в том числе фашистского образца, а финансируются они путем прямых ассигнований ЦРУ, хотя администрация президента Картера, маскируя эту незаконную связь, берет финансирование их на себя.

Антидемократическая направленность этих радиостанций очевидна. Они — последыши «холодной войны», и их деятельность наносит существенный ущерб делу мира, сотрудничеству государств в условиях мирного сосуществования, вредит разрядке международной напряженности. Американский сенатор Фулбрайт назвал эти радиостанции пережитками прошлого.

В ряде случаев можно говорить о том, что передачи этих радиостанций противоречат общепринятым нормам международного права и, более того, носят преступный характер, будучи прямым вмешательством во внутренние дела государств, главным образом, социалистического содружества. Поэтому есть, по нашему мнению, все основания считать и само существование подобных радиостанций незаконным, а деятельность их — по меньшей мере нарушением общепринятых норм и принципов международного права; в значительной части такие передачи представляются незаконным радиовещанием и должны рассматриваться как преступление международного характера со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Из законодательных актов международного характера, направленных на борьбу с незаконным радиовещанием, следует упомянуть Международную конвенцию электросвязи 1965 года и такое региональное соглашение, как Европейское соглашение о предупреждении радиопередач, ведущихся не с национальных территорий. В ряде стран имеются также внутригосударственные акты по этому вопросу.

Очевидно, что в интересах международного урегулирования этой важной проблемы необходима специальная конвенция, которая разрешила бы все вопросы в интересах укрепления мирного сотрудничества государств и защиты их суверенитета от посягательств со стороны владельцев незаконных радиостанций, предусмотрела бы как действия, которые являются преступными, влекущими уголовную ответственность, так и международно-правовые гарантии от незаконных действий.

Глава IV

ПРЕСТУПЛЕНИЯ, НАНОСЯЩИЕ УЩЕРБ ЭКОНОМИЧЕСКОМУ И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМУ РАЗВИТИЮ ГОСУДАРСТВ И НАРОДОВ

Распространение наркомании и незаконная торговля наркотиками

1. Распространение наркомании и незаконная торговля наркотиками — сложное преступление. Оно состоит из двух частей: распространение наркотиков и незаконная

торговля ими. Однако эти две части разрывать нельзя, их, безусловно, следует рассматривать как единое целое, ибо торговля — вид распространения, а само распространение в широком плане (о чем мы скажем ниже) включает практически и незаконную торговлю.

Распространение наркомании и незаконная торговля наркотиками — сложное преступление не только по своим юридическим признакам, но и потому, что оно охватывает широкий круг социальных отношений между государствами и представляет, помимо всего прочего, вид профессиональной деятельности организованных групп преступников¹. Следует иметь в виду и то, что это преступление является не только посягательством на жизнь и здоровье людей (это лишь часть того вреда, который несет в себе наркомания, хотя и весьма существенная и чрезвычайно опасная). Распространение наркомании и незаконная торговля наркотиками подрывают экономику многих стран, наносят ущерб ряду отраслей национальной промышленности, в особенности фармацевтической, наносят вред торговле и внешнеэкономическим связям между государствами.

Наконец, распространение наркомании и незаконная торговля наркотиками наносят, если не прямо, то косвенно, ущерб отношениям сотрудничества между государствами, ибо нельзя игнорировать то обстоятельство, что это преступление далеко не в единичных случаях совершается либо при попустительстве, либо даже с благословения некоторых правительств. Примеров тому немало. Так, установлено, что в незаконной торговле наркотиками заинтересованы власти маоистского Китая, считающие распространение этого зла одной из статей дохода, идущего в бюджет государства.

В марте 1975 года в Нью-Йорке закончился судебный процесс над группой распространителей наркотиков. Все представшие перед судом приехали в США из Китая. Этот процесс был лишь первым из группы процессов по обвинению нескольких десятков китайцев, арестованных в Нью-Йорке, Сан-Франциско, Чикаго и канадском городе Ванкувере. Было установлено, что в этих городах орудует крупная международная шайка контрабандистов, имеющая опорные пункты в Гонконге, Сингапуре и Бангкоке. Им предъявлено обвинение в незаконном ввозе героина и опиума на сумму 25 млн. долларов. В качестве организатора выступил поддан-

ный КНР некий Сюй Винг, руководивший перевозкой и продажей этого зелья из КНР и Гонконга (не случайно власти КНР и не думают отказываться от статуса Гонконга как колонии, им это выгодно во всех отношениях, ибо Гонконг — средоточие преступного бизнеса, выгодного для определенных кругов маоистского Китая и используемого ими).

Перевалочной базой для наркотиков является китайский квартал в Нью-Йорке — Чайнтаун. Один американский исследователь — Стентон Кендлин прямо уличает маоистов в преступном распространении наркомании. Опубликовав одну из «опиумных директив» маоистов, составленную еще в 40-х годах, он пишет: «Мао участвовал в планировании производства опиума. Штаб Мао издал приказ изымать земельные наделы у тех крестьян, которые откажутся повиноваться, и передавать участки тем, кто подчиняется. Это было осуществлено под строгим военным контролем.

Мао накопил огромное количество опиума с целью продажи и разослал особо доверенных агентов к потенциальным покупателям. Агентам было приказано максимально замаскировать свои операции, чтобы избежать нежелательной огласки, особенно за границей»².

В январе 1977 года в Лондоне состоялся процесс над китайцами, изобличенными в торговле наркотиками в Англии. 13 человек приговорены к различным срокам лишения свободы.

В Шанской области Бирмы торгует опиумом подпольная организация «Белый флаг», организованная китайцами. Эта организация практически срывает государственные закупки опиума для фармацевтической промышленности³.

Пекин широко торгует с колонизаторами, извлекая выгоду и из распространения наркотиков. Так, китайцы занимались этим, поддерживая португальских колонизаторов в период борьбы ангольского народа за свою независимость. Газета «Пиплс уорлд» писала по этому поводу: «Пекин установил тесные связи с португальскими колонизаторами. Предметом торговли служит опиум, который завозится из Китая в Макао. Торговля этим наркотиком, которая строго запрещена законами многих государств, облегчает Португалии получение твердой валюты для продолжения коло-

ниальной войны против народов Анголы, Мозамбика и Гвинеи-Бисау»⁴.

2. Наркомания — древнее зло. Идет оно из тех мест, где произрастают наркотикосодержащие растения: опийный мак, различные виды наркотикосодержащей конопли и др. Местом сосредоточения наркомании издавна является Ближний и Средний Восток, Азия. По данным ООН, например, на долю Таиланда, Бирмы и Лаоса приходится две трети сырья опиума⁵. Немалая доля в распространении наркотического сырья падает и на страны Латинской Америки.

Западные криминологи, изучавшие проблему наркомании, полагают, что, несмотря на организованный ее характер, в мире нет пока какой-то единой преступной организации, синдиката преступников, организующего и направляющего всю торговлю и контрабанду наркотиков. Но в то же время этим преступлением занимаются однородные по составу и хорошо сформированные, подчас довольно крупные преступные объединения. Эта прочность зиждется прежде всего на том, что преступный бизнес приносит невероятные прибыли. Так, один из «королей» наркотиков в Италии, некий Антонино Коньюгато, нажил миллионное состояние в течение каких-нибудь девяти лет занятия этим преступным промыслом⁶.

Кроме того, прочность этих преступных организаций покоится на невероятной жестокости, характерной как для подавления конкурирующих групп, так и для внутренних отношений в организациях. Запугивание, пытки и убийства — норма их жизни.

Сбыт наркотиков осуществляется по всем правилам крупной оптовой торговли — через поставщиков, посредников, крупных и мелких торговцев, агентов по распространению и т. д. Этот вид распространения наркомании и незаконной торговли наркотиками представляет наибольшую опасность. «Осколки» преступного бизнеса — различные мелкие спекулянты и торговцы наркотиками — это как бы отражение основного преступления. И хотя в капиталистическом мире совсем немало этих мелких распространителей зла и безумия, не они определяют опасность преступления. Данный вид распространения наркотиков получил специальное название: «муравьиная торговля», и занимаются ею те, кто хочет разбогатеть на наркотиках, включая некоторую часть

студенчества, туристов, которые добывают наркотики мелкими дозами, а затем спекулируют ими.

Организованные преступные группы ввозят в Западную Европу и США колоссальное количество этого зелья. Можно привести следующие факты, относящиеся лишь к нескольким месяцам 1974 года.

4 января в г. Утрехте (Нидерланды) было конфисковано 1150 кг гашиша, доставленного на грузовике из Ирана; 11 января в аэропорту Вены конфисковано 17 кг героина⁷. В этот же день в аэропорту Брюсселя конфисковано 22,5 кг героина. Все самолеты, на которых были обнаружены наркотики, летели из г. Куала-Лумпур (Малайзия) в Амстердам; 18 января в аэропорту Цюриха конфисковано 2 кг героина на самолете, прилетевшем из Сингапура. 20 января в г. Штайнах (Австрия) обнаружен оклад, где хранилось 1175 кг гашиша, доставленного торговцами наркотиками из Ирана. 25 января в аэропорту Брюсселя конфисковано 3,4 кг героина, доставленного из Малайзии. 30 января в Дании конфисковано 70 кг гашиша, доставленного из Ирана. 21 февраля в Роттердаме конфисковано 1600 кг гашиша, доставленного из Ирана на голландском грузовике. 7 марта в Бельгии конфисковано 1050 кг гашиша, доставленного из Марокко на яхте. 26 марта в Роттердаме конфисковано 549 кг гашиша, доставленного на турецком судне из Турции. 1 апреля в аэропорту Брюсселя конфисковано 2,7 кг героина, доставленного из Таиланда. 2 апреля в аэропорту Цюриха конфисковано 1,2 кг героина, доставленного из Гонконга. В первом полугодии 1975 года в Алжире были арестованы преступники, переправлявшие 1097 кг гашиша из Марокко в Нидерланды⁸. Это, конечно, лишь незначительная часть наркотиков, рекой текущих в страны-потребители.

Летом 1976 года большая международная банда распространителей наркотиков была арестована в Бангкоке. Преступники были задержаны в момент, когда в обыкновенные почтовые голубые конверты прятали порошки наркотиков, изготовленные в «золотом треугольнике» (горные районы Бирмы, Таиланда, Лаоса). Обнаружили этот способ транспортировки наркотиков случайно, когда один из конвертов попал в воду и размок. В дальнейшем операция по ликвидации банды проходила одновременно в 20 странах — от Таиланда до

Канады. Было арестовано более ста человек, конфисковано наркотиков на сумму свыше 3 млн. долларов⁹.

В Гонконге восемь лет полиция выслеживала синдикат распространителей наркотиков. В 1976 году у них было изъято героина на сумму 233,5 млн. долларов¹⁰.

Анализ раскрытых преступлений показывает, что в Западную Европу гашиш попадает преимущественно из Афганистана, Ливана, Марокко, Пакистана и Турции; марихуана (разновидность гашиша) — из некоторых стран Африки; героин — из Гонконга и Китая, Малайзии, Таиланда; кокаин — из Южной Америки. Причем нелегальная доставка этого смертоносного груза осуществляется в основном неевропейскими преступными группами.

Кроме того, что распространение наркотиков и незаконная торговля наркотиками являются видом бизнеса и даже статьей дохода в бюджете некоторых правительств, старательно скрывающих это, существуют и объективные трудности борьбы с этим преступлением. Речь идет, в частности, о положении, складывающемся в странах — производителях наркотиков. Несмотря на то, что все страны мира присоединились к международным соглашениям, предусматривающим контроль за производством наркотиков, на практике эти меры осуществлять в ряде стран довольно трудно, особенно там, где производство наркотиков является традиционной отраслью национальной экономики, а возможности правительств в осуществлении контроля ограничены вследствие национальных особенностей. Так, в Бирме, Лаосе и Таиланде большие зоны, где выращивается опиумный мак, находятся не под контролем правительства, а под контролем отдельных племен, чьи узкоплеменные интересы противоречат национальным (и тем более международным) интересам.

В феврале 1977 года вспыхнула «опиумная война» между бирманскими мятежниками («шанские сепаратисты») и остатками проживающих в Бирме гоминдановцев.

По мнению западных специалистов, центром торговли наркотиками в Европе ныне стала Голландия, а центром притяжения, своего рода мишенью для сбыта — ФРГ.

Произошло это после того, как совместные усилия правительств США, Франции и Турции привели к со-

кращению потока опия-сырца во Францию, где производился героин. Вакуум сейчас же заполнили китайцы. Цены на героин утроились. И на «рынок» хлынул так называемый «коричневый сахар» (неочищенный героин) из Китая, Гонконга, Малайзии. В 1974 году доходы главарей китайских преступных объединений торговцев наркотиками составили 10—20 млн. долларов. Голландская полиция подсчитала, что в 1974 году в страну было завезено не менее 500—600 кг неочищенного героина, из которого можно приготовить 15—16 млн. человеко-доз.

В ФРГ до 1970 года героин практически не был известен. В последнее время торговля наркотиками возросла в стране на 550 %.

В сентябре 1975 года в Париже состоялась межправительственная конференция стран Западной Европы по борьбе с наркоманией. В ее работе приняли участие министры девяти стран «Общего рынка» и Швеции. Вопрос шел об усилении координации в борьбе с распространением наркомании и поисках эффективных средств лечения наркомании.

Не остаются в стороне от вопросов борьбы с наркоманией и другие регионы. В октябре 1975 года в Джакарте было проведено совещание по борьбе с наркоманией. Там были оглашены данные о распространении наркомании в странах Юго-Восточной Азии. Больше всего наркоманов зарегистрировано в Таиланде — 400 тыс.; во Вьетнаме и Гонконге — 100 тыс.; на Филиппинах — 10 тыс. морфинистов и 22 тыс. наркоманов, употребляющих марихуану и гашиш.

На совещании отмечалось, что провинция Давао на Филиппинах стала основным перевалочным пунктом, через который идет транспортировка наркотиков. В г. Таракан (Индонезия) была, в частности, конфискована партия героина на сумму 60 тыс. долларов, предназначенная для перевозки в Давао.

Не могут оставаться в стороне от борьбы с наркоманией и страны-поставщики. Например, в Гонконге — крупнейшем центре производства и продажи наркотиков в 1972 году полицией было конфисковано 4896 кг опиума, 479 кг морфия, 67 кг героина, 19 кг каннабиса¹¹. По сравнению с количеством наркотиков, которыми «снабжает» мир Гонконг, это, конечно, капля в море.

Из стран этого района, да и из других стран капиталистического мира, буржуазные криминологи выделяют Японию. Они утверждают, что исторически население этой страны не употребляло наркотиков. По свидетельству официальных лиц, японская администрация, используя островное положение страны, опираясь на национальные традиции и особенности, повела резкую борьбу против наркомании. Как сообщал журнал «Kriminalistik», в Японии сделали упор на разоблачение и суровое наказание организаторов распространения наркомании и торговли наркотиками. До начала 60-х годов в стране ежегодно арестовывалось и подвергалось проверке около 50 тыс. преступников, входящих в различные организованные группы. В 1970 году японские власти сообщили о разгроме всех известных групп распространителей и торговцев наркотиками. Они утверждали также, что частичное сокращение числа американских военнослужащих, в больших масштабах занимавшихся потреблением наркотиков и распространением их, также способствовало в значительной степени улучшению положения. Таковы официальные данные о состоянии борьбы с наркоманией. Однако достоверность их вызывает, мягко говоря, сомнение. Достаточно вспомнить историю с компанией «Локхид» и, в частности, гангстера Кодаму, о котором мы писали выше, доход которого от спекуляции наркотиками только в 1975 году составил 8,6 млрд. иен. Если в Японии разгромлены организованные преступные группы распространителей наркотиков, то откуда у Кодамы такие доходы? Не миф ли это, как и уже развеянный миф о низком уровне преступности в Японии?

Впрочем, чтобы быть точными, следует сказать, что действительность за последнее время напроочь опрокинула очередную легенду об идеальных порядках в Японии. В конце 1976— начале 1977 года по всей Японии прокатилась волна арестов распространителей наркотиков. Проведенное расследование выявило то, что тщательно скрывалось: большой размах подпольного бизнеса; официально признано, что в Японии имеется не менее 100 000 наркоманов¹².

В 1975 году состоялось совещание в Латинской Америке, в боливийском городе Кочабамба. В нем приняли участие представители Аргентины, Боливии, Бразилии, Парагвая, Перу и Чили. Инициатором совеща-

ния стала Боливия, потому что наркомания превратилась для нее в национальное бедствие. Там, в частности, было раскрыто несколько подпольных кокаиновых фабрик, конфисковано более 11 кг сульфата кокаина, 1,34 кг его хлоргидрида и 182 кг марихуаны.

Резко возросло производство и потребление наркотиков в Колумбии и других странах¹³. События, связанные с распространением наркомании в странах Латинской Америки, показывают интересную картину. С одной стороны, США страдают от потока нелегально доставляемых и распространяемых в стране наркотиков из стран Азии и некоторых других, с другой стороны, американцы сами активно распространяют наркоманию и торгуют наркотиками. Достаточно, например, сказать, что из всех арестованных в Колумбии за продажу наркотиков иностранцев 90% составляли американцы. Более того, американцы используют для преступного бизнеса секретные взлетные площадки, созданные контрабандистами в районе Льянос Ориенталес и ряде других районов страны. Колумбийские власти задержали два американских самолета «В-26», принадлежавших частным лицам, и изъяли большое количество кокаина и марихуаны. Как выяснилось, правительство США продает устаревшие самолеты частным лицам, которые затем используют их в преступных целях, в частности для перевозки наркотиков. В сентябре 1975 года президент Колумбии обвинил США в том, что они превратили территорию Колумбии в перевалочную базу для поставщиков наркотиков.

Приведенные факты свидетельствуют, что данный вид преступления не только является преступлением международного характера по своим особенностям, связям преступников и т. п., но может оказать негативное влияние на отношения между государствами, в частности, если страны, принявшие на себя обязательства бороться с распространением наркомании и незаконной продажей наркотиков, будут их игнорировать.

Говоря о преступлениях, связанных с наркотиками, нельзя не отметить тот колоссальный вред, который наносят наркотики здоровью населения, моральным устоям человеческого общежития.

В ряде западных стран каждое третье преступление молодых людей совершается лицами, пристрастившимися к наркотикам.

Все сказанное позволяет прийти к выводу, что борьба с этими тягчайшими преступлениями с помощью юридических мер должна выражаться прежде всего в выявлении и устранении организаторов подпольного бизнеса, распространителей наркомании.

3. Законодательство о борьбе с наркоманией, как национальное, так и международное, складывалось постепенно. Можно сказать, что по мере распространения наркомании национальные законодательства сближались, а затем вырабатывались совместные межгосударственные соглашения. Причем развитие законодательства шло по линии установления: а) уголовно-правовых мер и соответственно уголовных наказаний, б) мер административно-правового принуждения и в) мер медицинского характера.

Однако все попытки запретить потребление наркотиков (это пытались сделать в Турции в XVI в., в Китае в XVIII в.) окончились неудачей. В то же время эпидемия наркомании сначала медленно, а затем все стремительнее стала распространяться.

Первым международным органом по борьбе с наркоманией стала Шанхайская опиумная комиссия 1909 года. Вслед за ней появились новые комиссии; были заключены международные соглашения, регулировавшие различные стороны проблемы, главным образом с точки зрения контроля за наркотиками. ООН включилась в борьбу с наркоманией в 1946 году. В 1971 году Генеральная Ассамблея ООН приняла решение об учреждении фонда ООН по контролю над наркотиками; последний в 1972 году образовал в Женеве Центр подготовки Отдела по наркотикам ООН.

Если говорить об основных законодательных актах, действующих в настоящее время, то следует сказать о двух документах, которые практически поглотили все ранее заключавшиеся международные соглашения: Единую конвенцию 1961 года о наркотических средствах и Конвенцию о запрещении незаконной торговли наркотическими средствами от 26 июня 1963 г.

Все государства подчиняются Международному комитету по контролю над наркотиками, а с 1965 года представляют ему расчеты потребности в наркотиках в соответствии с Единой конвенцией 1961 года.

Для нашего исследования представляет интерес ст. 36 Единой конвенции 1961 года. В ней говорится о

наказуемости культивирования, производства, изготовления, извлечения, приготовления, хранения, предложения с коммерческими целями, распределения, покупки, продажи, доставки на любых условиях, маклерства, отправки, переправки транзитом, перевоза, ввоза и вывоза наркотических средств, произведенных в нарушение постановлений Конвенции, и любых иных действий.

Нетрудно заметить, сколь широк круг деяний, подлежащих наказанию. Каждое из положений ст. 36 Конвенции, конечно, нуждается в толковании, разъяснении, ибо необходим единый подход к исполнению ее предписаний, единое толкование конкретных составов преступлений, перечисленных в ней, хотя и составляющих единый общий состав злоупотребления наркотиками, но в то же время самостоятельных. Причем самостоятельных не только по их месту в системе, но разных и по степени опасности. В национальном законодательстве это проявляется в различии наказаний за их совершение.

Под культивированием, например, Конвенция понимает выращивание опийного мака, кустов коки или каннабиса; под ввозом и вывозом — передачу наркотиков из одного государства в другое или с одной территории государства на другую того же государства; под изготовлением понимаются все иные, кроме производства, процессы, с помощью которых могут быть получены наркотические вещества, включая очищение и преобразование одних веществ в другие; под приготовлением понимается изготовление любых — жидких или твердых — веществ либо смесей, содержащих наркотики; под производством понимается изготовление опиума, кокаина, каннабиса и каннабийской резины из наркотикосодержащих растений.

Другие термины разъяснения не получили, хотя следовало бы иметь их единое толкование. Впрочем, в практике национального законодательства при этом особых трудностей не возникает: подход к конструированию составов преступлений единообразен. Это тем более важно, что Конвенция, давая принципиальные установки, предлагаемый перечень преступлений не считает исчерпывающим, предоставляя право устанавливать наказуемость и за другие деяния. В п. 4 ст. 36 прямо говорится, что конкретные составы преступлений, связанных с нар-

котиками, — прерогатива внутреннего национального законодательства.

Классификация этих составов позволяет выделить группы, связанные с: а) производством наркотиков, б) куплей и продажей их, в) транспортировкой наркотиков и г) их потреблением.

Меры наказания за указанные деяния, как правило, достаточно суровы, что вполне оправдано высокой опасностью преступлений и тяжестью последствий⁴⁴.

Приведем несколько примеров того, как законодательство оценивает данные преступления. Согласно УК Японии подлежат наказанию ввоз, изготовление, продажа, хранение с целью продажи опиума, а также приборов, служащих для курения опиума; курение опиума; предоставление помещения для курения опиума. Наказание — каторжные работы на различные сроки.

Суровые законы действуют в Гонконге. Пожизненное заключение назначается лицам, уличенным в торговле одним из 97 видов наркотиков, а также в посредничестве, изготовлении наркотиков или владении ими в целях торговли. До 15 лет лишения свободы может быть назначено за подготовку к торговле наркотиками или за участие в импорте-экспорте наркотического сырья, а также за руководство или участие в консорциумах, занимающихся импортом-экспортом. До 10 лет лишения свободы назначается другим соучастникам преступлений, связанным с торговлей наркотиками, и до 3 лет лишения свободы лицам, виновным во владении наркотиками или их потреблении.

Законом установлено количество наркотика, превышение которого позволяет предполагать, что лицо хочет торговать им: опиума — 3,78 г, морфия и морфина — 0,5 г, марихуаны — 5 г, гашиша — 2 г.

В Сингапуре за хранение более 16 г героина или 30 г морфия предусматривается смертная казнь.

В Индонезии за наиболее тяжкие преступления, связанные с наркотиками, предусмотрены следующие меры наказания: смертная казнь, лишение свободы на срок до 20 лет или штраф на сумму 200 тыс. долларов.

В Алжире за торговлю наркотиками предусмотрены разные сроки лишения свободы, возможно и применение смертной казни.

В Голландии в связи с обострением обстановки, связанной с необычным размахом торговли наркотиками,

обсуждается вопрос об ужесточении уголовных законов. В частности, за торговлю наркотиками внутри страны предлагается ввести наказание в виде лишения свободы на срок до 8 лет, за международную торговлю — 12 лет.

В США за тяжкие виды торговли наркотиками, организованную их продажу предусматривается смертная казнь или 20 лет каторги. Другие, менее тяжкие виды преступлений, связанные с наркотиками, в том числе потребление наркотиков, караются длительными сроками лишения свободы. Аналогично уголовное законодательство и других стран.

В то же время нельзя не отметить весьма тревожный симптом, появившийся в США. Подавленные небывалым размахом преступности многие ученые, да и администрация США, поговаривают о «декриминализации» многих явлений, о том, что им нужно дать иную, более мягкую оценку. Так, городской совет Вашингтона одобрил законопроект, предусматривающий смягчение наказания за хранение марихуаны: за хранение одной унции этого наркотика назначается такое же наказание, как за нарушение правил уличного движения (!). Виновные могут быть оштрафованы на сумму до 100 долларов, причем даже без административного ареста,

Гуманность, конечно, всегда должна приветствоваться, но уж если к кому и проявлять гуманность, так это к потребителям наркотиков, жертвам той системы общественных отношений, которая делает их наркоманами; но гуманность по отношению к распространителям зла нам представляется абсолютно неоправданной.

Как видно из изложенного, в капиталистическом мире в силу, как говорил К. Маркс, «основных условий его существования» сложилось чрезвычайно сложное положение. Общественные отношения рожают преступность, в том числе и тяжкие ее формы. Более того, весь образ жизни, основанный на частной собственности и стремлении к обогащению, извлечению прибыли любым путем и во все возрастающих размерах, с неизбежностью ведет к тому, что для получения этой прибыли капитализм не брезгует ничем, в том числе и совершением преступлений, ибо преступность постепенно становится бизнесом. С другой стороны, преступность захлестывает капиталистическое общество, мешает его нормальному функционированию, разлага-

ет людей, наносит им непоправимый вред, наносит ущерб отношениям государств в сфере международного сотрудничества. На примере рассматриваемых преступлений это видно чрезвычайно ярко.

Для борьбы с преступностью принимается весьма суровое законодательство, заключаются международные соглашения. Но эффективность этих мер в капиталистических странах по-прежнему остается низкой.

Там более, что те, кто непосредственно ведет эту борьбу — органы полиции, правосудия, часто сами связаны с преступным миром, торгующим наркотиками, находятся у него на содержании.

4. Существенный вклад в борьбу с преступлениями международного характера, в частности в борьбу с распространением и незаконной торговлей наркотиками, вносят социалистические страны. В силу преимуществ общественного строя — это прежде всего необходимо отметить — в этих странах, в том числе в Советском Союзе, наркомания не получила широкого распространения, отсутствуют и те специфические черты этого вида преступности, о которых мы писали выше.

Однако Советский Союз и другие социалистические страны, будучи членами международного сообщества государств, соблюдая принятые на себя по международным соглашениям обязательства, ведут работу, связанную с профилактикой таких преступлений, как распространение наркомании и торговля наркотиками, совершенствуют свое законодательство. При этом они исходят из того, что профилактика этих преступлений в силу их общественной опасности должна вестись постоянно, а законодательство должно быть достаточно суровым, особенно для распространителей, торговцев, спекулянтов и расхитителей наркотиков. В то же время советский законодатель сообразует меры наказания с теми мерами, которые существуют применительно к тяжким видам преступности, связанной с наркотиками, в других странах.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 апреля 1974 г. санкции за преступления, связанные с наркотиками, в значительной степени унифицированы (различна лишь ответственность за потребление наркотиков).

Так, за незаконное изготовление, приобретение, перевозку или пересылку, а также незаконный сбыт наркотических веществ предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до 10 лет с конфискацией имущества или без таковой.

За квалифицированные виды этих преступлений (повторно, по предварительному сговору, ранее судимым за эти преступления, крупный размер) наказываются лишением свободы на срок от 6 до 15 лет с конфискацией имущества.

Хищение наркотиков влечет наказание до 5 лет лишения свободы с конфискацией имущества или без таковой.

Квалифицированные виды хищения — от 3 до 10 лет. Особо тяжкие виды хищений (совершенные рецидивистом или путем разбоя) — от 7 до 15 лет с конфискацией имущества.

Посев или выращивание запрещенных культур, содержащих наркотические вещества, наказывается лишением свободы на срок до 5 лет, а совершение этого преступления повторно или ранее судимым за это же преступление — от 3 до 8 лет.

Организация или содержание притонов для потребления наркотиков влечет наказание на срок от 5 до 10 лет лишения свободы с конфискацией имущества или без таковой (следует сурово наказывать не потребителей, а тех, кто втягивает людей в потребление наркотиков).

Эти же цели преследует и наказание тех, кто склоняет к потреблению наркотиков (лишение свободы на срок до 5 лет, а за склонение к потреблению двух и более лиц, а также несовершеннолетних — лишение свободы на срок до 10 лет).

Наказуемы также незаконное изготовление, приобретение, хранение или пересылка наркотиков даже без цели сбыта, нарушение установленных правил производства, приобретения, хранения, учета, отпуска, перевозки или пересылки наркотических веществ, заранее не обещанное укрывательство преступлений, недонесение об известных готовящихся или совершенных наиболее тяжких видах преступлений этого рода.

Таким образом, отличительной чертой советского законодательства является суровость по отношению к распространителям, расхитителям и т. п. и забота о

лечении и воспитании тех, кто втянут в потребление наркотиков.

По законодательству ЧССР недозволенное изготовление, хранение наркотиков может влечь лишение свободы на срок до 5 лет. В Болгарии в некоторых случаях — свыше 5 лет. В КНДР изготовление, сбыт и торговля наркотиками влекут лишение свободы на срок до 2 лет; в МНР — до 3 лет; в Румынии — до 5 лет, в Югославии — до 5 лет и т. д.

Потребление наркотиков наказуемо по УК Азербайджанской ССР, Армянской ССР, Казахской ССР, Таджикской ССР, Узбекской ССР. Объясняется это рядом причин.

Во-первых, когда вводилась уголовная ответственность за преступления, связанные с наркотиками, действовала, мы бы сказали, инерция традиции. Ведь в большинстве (если не во всех) стран потребление наказуемо.

Во-вторых, учитывался тот факт, что в этих республиках обычай потребления наркотиков уходил в глубь веков, существовал как вредная традиция, приносящая немало бед и несчастий. Но в то же время УК этих республик наряду с наказанием предусматривают меры медицинского характера, в частности принудительное лечение.

Законодательство РСФСР, ужесточив меры наказания в отношении расхитителей, спекулянтов, распространителей наркотиков, отказалось от применения уголовного наказания в отношении потребителей наркотиков, перенеся эту ответственность в сферу административного принуждения (когда, допустим, человек курит гашиш в общественном месте) и сделал основной упор на лечении лиц, пристрастившихся к наркотикам. В этом проявляется социалистический гуманизм советского уголовного законодательства.

В то же время Советское государство уделяет большое внимание профилактическим мерам. Проводится большая работа по уничтожению дикорастущих наркотикосодержащих растений; развернуты исследовательские работы по выведению сортов конопли, пригодных для промышленности, но не содержащих наркотических веществ; широко развернут фронт поисков наиболее эффективных методов лечения от наркомании. Активно ведется индивидуальная воспитательная работа с лица-

ми, которые еще не стали наркоманами, но употребляют наркотики. Наконец, государство всю суровость уголовного закона направляет на расхитителей, спекулянтов, торговцев наркотиками, используя и строгость и предупредительную силу уголовного закона.

В силу особенностей социалистического строя к этой работе привлечены широкие массы общественности, ибо сила общественного мнения, его воспитательное значение чрезвычайно велики.

Советский Союз, будучи участником международных конвенций по борьбе с наркоманией, активно способствует борьбе с такими преступлениями международного характера, как распространение наркотиков и незаконная торговля ими. При этом, однако, следует учитывать, что преступные организации торговцев наркотиками, существующие и действующие в капиталистическом мире, в Советском Союзе бессильны. Долгое время практика не сталкивалась с преступлениями, выходящими за пределы Советской страны. Собственно говоря, тех форм преступности, о которых мы писали выше, охвативших практически все страны мира, кроме социалистических, нет и сейчас. Однако с расширением связей между государствами, особенно туризма, возникают определенные вопросы. Они заключаются не только в том, что некоторые туристы (в частности, из США, ФРГ, некоторых стран Азии) пытаются торговать мелкими дозами наркотиков, т. е. заниматься «муравьиной торговлей», но прежде всего в том, что некоторые лица пытаются перевозить на самолетах наркотики через территорию Советского Союза в другие страны, на Запад, причем перевозят самые опасные виды наркотиков и самые дорогостоящие на черном рынке бизнеса, типа героина¹⁵.

Советские компетентные органы задержали, а суды в полном соответствии с советскими законами и подписанными СССР международными конвенциями осудили ряд иностранных граждан, пытавшихся контрабандным путем провезти наркотики через Советский Союз. Так, в 1975 году в аэропорту Шереметьево были задержаны за попытку провезти 20 кг гашиша два пассажира, летевшие рейсом из Бангкока в Лондон. Они осуждены к длительным срокам лишения свободы.

В июне 1976 года в чемоданах американских граждан Берна, Бравера и Амстера было обнаружено

28 515 г героина. Эти преступники-бизнесмены летели из Куала-Лумпура (Малайзия) в Париж.

Уроженец Австралии Д. Э. Сли пытался провезти гашиш. До этого он побывал в Таиланде, Бирме, Непале и малайзийском городе Пенанге, известном как перевалочная база для транспортировки и продажи наркотиков. Там он и запасся своим смертоносным грузом.

Незадолго до этого за попытку провоза героина через СССР были арестованы лица китайского происхождения, некий Ли Ким Тек и его партнерша Теа Мой Енг. Как показало расследование, они тоже были связаны с пенангскими организованными преступными группами торговцев наркотиками¹⁶.

Для социалистических стран вообще и для Советского Союза в частности опасность распространения наркомании часто связана с деятельностью международных спекулянтов и торговцев наркотиками. Так, владелец транспортной фирмы из ФРГ Хорст Кьоллер возил для НАТО грузы из Мюнхена в Измир, а обратно многотонные «мерседесы» везли наркотики. Маршрут проходил через территорию Болгарии. Болгарские таможенники обнаружили в холодильнике около 2 т гашиша. За три месяца 1977 года были предотвращены 33 попытки контрабандного провоза свыше 4 т наркотиков, список контрабандистов включал в себя граждан многих стран, в частности ФРГ, Турции, Ливана.

Все сказанное свидетельствует о том, что, хотя характер преступности, связанной с наркотиками, в Советском Союзе и других социалистических странах отличен от того, с чем имеет дело капиталистический мир, Советский Союз и другие социалистические страны вносят свой вклад (и будут его вносить впредь) в борьбу с таким опасным преступлением международного характера, как распространение наркомании и незаконная торговля наркотиками, используя для этого международные соглашения и внутреннее законодательство.

В связи с этим мы хотели бы высказать следующее соображение. Многие капиталистические (и некоторые социалистические) страны входят, как уже было сказано, в «Интерпол». Советский Союз не входит в эту организацию прежде всего потому, что преступления,

присущие миру капитализма, не характерны для Советского Союза. Преступники, совершающие преступления в буржуазных странах, в Советском Союзе скрываются не пытаются: это абсолютно безнадежно для них. Однако нам думается, что отношение к вхождению в «Интерпол» следовало бы пересмотреть. Прежде всего потому, что появляются такие виды преступлений, информация о которых, а также о лицах, их совершающих, у нас явно недостаточна. Это касается преступлений международного характера, и в частности связанных с распространением наркотиков. «Интерпол» имеет в этом отношении довольно обширную информацию, которую в интересах укрепления международного сотрудничества могли бы использовать и советские органы, ведущие борьбу с преступностью. Небезынтересны для улучшения дела борьбы с преступностью и те технические и иные новинки, которые имеются в распоряжении «Интернационала». Как мы подчеркивали выше, «Интерпол» занимается только уголовными преступлениями, избегая вопросов политического характера. Последнее, конечно, нужно воспринимать критически, но польза от установления контактов с этой организацией для усиления борьбы с преступлениями международного характера, на наш взгляд, очевидна.

Контрабанда и нелегальная эмиграция

Если контрабанда как вид преступности, в том числе международного характера, известна давно, то нелегальная эмиграция — сравнительно новое явление, причем распространенное повсеместно, характерное лишь для некоторых регионов, однако затрагивающее интересы многих государств, что позволяет считать ее преступлением международного характера.

По своим объективным признакам контрабанда и нелегальная эмиграция — различные преступления. Мы рассматриваем их одновременно потому, что в некоторых своих проявлениях они связаны: они посягают на порядок в области внешней торговли, наносят ущерб экономическим отношениям между государствами, нарушают государственный суверенитет, часто нелегальная эмиграция отягчается контрабандой.

Кроме того, при определенных обстоятельствах указанные преступления являются питательной средой для более тяжких преступлений международного характера, в частности терроризма.

1. Под контрабандой в уголовном праве понимается незаконное перемещение каких-либо предметов, товаров или ценностей через границы государства. Национальному законодательству всех стран известен такой состав преступления, как контрабанда. Обычно предусматривается простая контрабанда и контрабанда, отягченная квалифицирующими признаками (крупные размеры; контрабанда, совершаемая организованными преступными группами; с применением оружия и т. д.). Некоторые виды контрабанды предусмотрены в качестве признаков других тяжких преступлений. Примером может служить рассмотренная нами выше контрабанда наркотиков. В этом случае не требуется квалификации содеянного по двум составам, ибо более тяжкий вид, специально указанный в законе, поглощает менее тяжкий.

Контрабандисты всегда учитывали «спрос» на те или иные товары, предметы, ценности. Корыстная цель, стремление извлечь выгоду из преступных операций составляют неотъемлемые черты контрабанды. Контрабанда, таким образом, наносит ущерб экономике государств, нарушает монополию внешней торговли (там, где она установлена). Субъектами контрабанды являются частные лица (если такими неблагоприятными делами занимается государство, то к нему должны применяться санкции международно-правового характера). Конкретные лица, задержанные за контрабанду, даже если их действия инспирированы государством, подлежат уголовной ответственности на обычных для уголовных преступников основаниях. Таковы общие принципиальные положения.

В то же время контрабанда стала приобретать новые черты, делающие ее более опасной. Не только потому, что более распространенной становится организованная контрабанда, совершаемая большими группами; не только потому, что контрабандисты чаще, чем ранее, используют оружие при совершении преступлений. Но, пожалуй, потому, что те, кто руководят ныне организованной контрабандой, внимательно следят за экономическим положением в различных странах и ре-

гионах и стремятся нанести удары в самые уязвимые места.

Так, в 1973—1974 гг. в огромных масштабах была развернута контрабанда риса в Бангладеш. Контрабандисты, учитывая тяжелое продовольственное положение в этом районе, практически дезорганизовали усилия правительств. Контрабандисты проникали из голодных районов Бангладеш в более обеспеченные продовольствием районы Бирмы и своими действиями наносили огромный ущерб экономическому положению этого района¹⁷.

Из Араканской области Бирмы в соседние страны идет контрабанда рисом в больших масштабах. Причем организована она во много раз лучше, чем торговля рисом официальным путем. Контрабанда риса идет по суше, по морю и даже под вооруженным конвоем с тем, чтобы правительственные войска или другие силы не помешали контрабандистам¹⁸.

В 1975 году контрабандисты вывезли из Аргентины за границу больше товаров, чем при нормальном экспорте. Стоимость товаров, вывезенных контрабандным путем, оценивалась в 2,5 миллиарда долларов (!). Нелегально за границу перебрасывалось все, что высоко оценивалось: от предметов роскоши до корма для скота и птиц. У одного из контрабандистов, например, было изъято 250 т корма для птиц.

Начальник главного таможенного управления Аргентины Доминкуэз утверждал, что «в период серьезных экономических затруднений прошлого года контрабанда стала наиболее доходной областью экономики»¹⁹.

В условиях экономических трудностей контрабанда может быть следствием и других преступлений, в частности краж. В Западной Европе, где проезд через границы многих государств осуществляется без особого контроля (особенно на автомашинах), кражи могут совершаться для последующей контрабанды товаров в другие страны. Западные исследователи отмечают во всех западноевропейских странах рост краж автомашин, груженных различными товарами. Способы совершения преступлений позволяют предполагать, что ими занимаются организованные группы преступников, совершающие хищения в одной стране и сбывающие похищенное — в другой. Специалисты полагают также,

что хищения эти совершаются не без участия служащих торговых фирм. Очевидно, такие кражи не самоцель. Тем более, что ежедневно исчезают десятки груженых товарами автомашин. Конечно, часть похищенного реализуется в стране, где совершено преступление, но остальная часть, вероятно, более значительная — в другой, ибо от такой контрабандной продажи можно получить значительно большую прибыль²⁰.

Следует указать еще один аспект контрабанды, делающий ее в современных условиях опасным преступлением международного характера, часто смыкающимся с иными опасными посягательствами, в том числе на финансовую систему государств. В 1976 году в Индии был арестован некий Чандо Нахат, слывший бизнесменом и даже почитателем искусств. Создав разветвленную сеть агентов, используя чистые бланки документов Резервного банка Индии (за деньги, конечно), он переводил крупные суммы государственных средств в иностранной валюте в банки США, Швейцарии, Гонконга. Там эти деньги обращались в золото, которое тайно ввозилось в Индию, где сбывалось по спекулятивным ценам, расшатывая экономику страны. Кроме золота контрабандным путем ввозились и другие товары. Причем контрабандисты имели свой флот и вооруженные отряды. Под стражей находилось 1300 опасных преступников и на 375 был объявлен розыск²¹.

Очевидно, что современные модификации контрабанды и связанных с ней других преступлений этим не исчерпываются. Преступники, занимающиеся таким промыслом, могут быть причастны и к финансовым махинациям, и к разграблению национально-культурных ценностей, и к другим преступлениям.

В свете сказанного очевидно, что «спокойное» отношение к контрабанде как преступлению международного характера, наносящему ущерб экономическим отношениям и сотрудничеству государств, должно смениться гораздо более строгим, прежде всего путем последовательного закрытия каналов, способствующих контрабанде, и использования силы внутригосударственного уголовного законодательства. Более того, вероятно, следовало бы заключить международное соглашение о борьбе с контрабандой. Это тем более важно, так как усилилась контрабанда оружия. Причем реакционные

силы снабжают контрабандным оружием различные экстремистские, правые, левацкие, откровенно фашистские группировки, террористов и просто уголовных преступников.

Например, маоисты и США контрабандным путем снабжали и снабжают оружием различные экстремистские группировки в Бирме. Практически все террористические группы и организации используют оружие, которым их снабдили контрабандисты. Неприглядна здесь роль США, чьи организации, даже официальные, занимаются практически контрабандой оружия. Так, при расследовании злоупотреблений, совершавшихся ЦРУ, о которых мы уже упоминали выше, было установлено, что заговорщики, «убравшие» доминиканского диктатора Трухильо, использовали оружие, включая пулеметы, доставлявшееся им в мешках для дипломатической почты.

На Ближнем Востоке, по признанию Хелмса, «удалось» сколотить целую группу находившихся наготове наемных убийц, вооруженных контрабандным оружием.

Кстати, террористические израильские организации также снабжаются контрабандным путем оружием, доставляемым из США через средиземноморские порты, в частности через Неаполь. Упомянутые выше Элкинс и Амир, характеризуя размах контрабанды в Израиле, рассказывали о том, что террористическая организация «Хагана» организовала контрабандную доставку оружия из Нью-Йорка, где процветает коррупция.

Партнеры упомянутого, недавно умершего американского гангстера Меира Лански — Басти Сегал и Микки Коэн покупали оружие для организации «Иргун цвай леуми» — террористической организации, отделившейся от «Хаганы» в начале 40-х годов.

На контрабанде оружием наживается еще один израильский миллионер, некий Тибор Розенбаум, названный в 1968 году журналом «Лайф» банкиром преступного мира. Кстати, этот международный преступник был казначеем Всемирного еврейского конгресса и председателем финансового комитета Международной сионистской федерации.

Такова характеристика контрабанды как преступления международного характера в современных усло-

виях, свидетельствующая о повышенной ее опасности и необходимости усиления борьбы с ней.

В то же время необходимо отметить, что ни экономически вредные последствия, о которых мы говорили, ни контрабанда оружия не характерны для социалистических стран. Контрабанда в этих странах носит иной характер, мы бы сказали, индивидуальный и не столь крупный. Однако транзитные перевозки через территории этих стран со стороны преступников, орудующих в капиталистических странах, существуют. Именно эта сторона проблемы должна учитываться органами, ведущими борьбу с преступностью в социалистических странах, в том числе в Советском Союзе. Одновременно необходимо оказывать помощь другим государствам в борьбе с этим преступлением, особенно в тех случаях, когда оно служит питательной средой для более тяжких преступлений, в частности терроризма, когда оно подрывает отношения дружбы и мирного сотрудничества между государствами.

2. Нелегальная эмиграция — новое явление, становящееся проблемой для многих стран. Ее нельзя сравнивать со стихийной либо организованной миграцией, которая была присуща развитию капитализма в период захвата им чужих территорий. Нельзя ее сравнивать и с передвижением мигрантов, перемещающихся из страны в страну в поисках работы. Основная особенность последнего вида миграции заключается в том, что в иммигрантах заинтересованы хозяева капиталистических предприятий, ибо они получают дешевую рабочую силу (притом почти бесправную). Известно, что во многих странах Западной Европы количество иностранных рабочих весьма велико. Их первых увольняют, когда в этом возникает необходимость, заработная плата у них ниже, чем у рабочих данной страны, они не являются членами профсоюза, фактически бесправны.

В ФРГ, например, каждый десятый трудящийся — иностранец, в Бельгии и Швеции — каждый двадцатый, во Франции насчитывается 3 млн. 200 тыс. иностранцев²². Не случайно в Заключительном акте Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе отражена идея о необходимости улучшения положения и обеспечения прав рабочих-иммигрантов.

Однако такую миграцию нельзя рассматривать как нелегальную эмиграцию и, тем более, как преступное деяние. Это — печальное следствие капиталистических общественных отношений, отношений классового неравенства, эксплуатации и угнетения людей. Следует иметь в то же время в виду, что сам факт использования капиталистами дешевых рабочих рук иностранных рабочих делает иногда переброску иностранных рабочих не иммиграцией, а нелегальной эмиграцией. Это характерно, в частности, для Европы. Во многих странах такая «переброска» носит организованный характер, созданы различные подпольные конторы (в ФРГ, во Франции и других странах). Иногда таких рабочих везут под видом туристов. Есть, например, такой маршрут, самый старый и часто используемый (через Марокко и Испанию): морем — до Агадира или Касабланки, оттуда в Бильбао или Барселону, потом через Пиренеи во Францию и далее — кто куда.

Такой вид нелегальной эмиграции имеет «экономическую» подоплеку.

Другой ее вид — противозаконная деятельность политического характера, часто скрывающая истинные намерения государств, внешне стоящих в стороне от этого явления, на деле же стимулирующих незаконную эмиграцию, скрывая свои в конечном счете экспансионистские устремления. Поскольку здесь речь идет о нарушении прав и интересов государств, мы полагаем, что этот вид противозаконной деятельности приобрел ныне черты преступной деятельности международного характера.

В настоящее время не существует каких-либо межгосударственных соглашений о борьбе с нелегальной эмиграцией. Каждое государство, которое затрагивается этим явлением, ведет с ним борьбу своими силами, используя свое законодательство. При этом государству приходится сталкиваться с большими трудностями: оно вынуждено заботиться о массах людей, которым нужно дать хотя бы какую-нибудь работу, кров, одежду, пищу. Приток нелегально прибывающих людей наносит ощутимый ущерб экономическому положению страны, попавшей в разряд «потерпевших» от нелегальной эмиграции, создает дополнительную армию безработных. Нельзя отвлекаться и от того, что нелегальная эмиграция ведет к напряженности в отношениях между

государствами, ибо одно государство по ряду соображений, в том числе не высказываемых вслух, не препятствует нелегальной эмиграции, а другое — терпит от нее ощутимый ущерб. Причем нелегальная эмиграция нередко является скрытой поддержкой различных экстремистских групп. Это характерно для деятельности террористических группировок на Ближнем Востоке, инспирируемых Израилем. Нелегальным перемещением людей занимался упомянутый нами американский гангстер Меир Лански и его подручные.

Особо крупный размах нелегальная эмиграция приобрела на Азиатском континенте. В качестве примера можно привести такие факты. За последние годы большие группы людей стали нелегально переходить границы соседних государств. Особенно активно в этом смысле действуют маоисты. Интенсивному нашествию нелегальных эмигрантов в последнее время подвергаются Лаос, Таиланд и Бирма. В Бирме на 1 марта 1975 г. зарегистрировано (а регистрация далеко не полностью отражает истинное положение дел) 265,7 тыс. иностранцев. Китайцев — подавляющее большинство. Город Лашио называют бирманским Гонконгом не только потому, что он стал средоточием проституции, преступности, различных противозаконных махинаций, но и по составу населения. Нелегальная эмиграция привела к тому, что количество лиц китайской национальности в этом городе за последние 25 лет возросло в четыре раза.

В Бирме же, в районе Маунго, из 237 тыс. населения 199 тыс. составляют нелегальные эмигранты, преимущественно из Бангладеш.

Нетрудно понять, какие трудности и проблемы возникают в связи с этим в Бирме (как и в любой другой стране), подвергшейся, образно говоря, нашествию нелегальных эмигрантов.

В связи с рассматриваемым вопросом хотелось бы вновь обратить внимание на роль, которая отводится Гонконгу маоистским Китаем. Не говоря уже о том, что на этой колонии маоисты ежегодно «зарабатывают» до 3 млрд. долларов посредством различных торговых спекуляций, в том числе торговли наркотиками, Гонконг стал для маоистов перевалочной базой для нелегальных эмигрантов. За последние шесть лет свыше 200 тыс. китайцев (из КНР) официально перебра-

лись в Гонконг и 80 тыс. проникли в эту колонию нелегально. Но на этом процесс не приостанавливается. Дальше идет нелегальная эмиграция в другие страны, в основном в районы Юго-Восточной Азии. В последнее время только индонезийские власти арестовали 1252 гражданина КНР, нелегально проникших в страну²³.

Еще раньше газета «Правда» отмечала со ссылкой на индонезийскую газету «Мердека», что за последние годы в Индонезию проникли нелегально свыше 10 тыс. китайцев. Часть из них на допросах показали, что бежали из КНР вследствие тяжелых условий жизни. В то же время значительная часть заброшена, по мнению газеты «Мердека», из политических соображений. Учитывая экспансионистскую политику маоистского руководства, «Мердека» призывает усилить контроль за проникновением в страну китайцев²⁴.

Проблема нелегальной эмиграции в печати ряда стран получает острую оценку. Анализируя процессы, с ней связанные, газета «South China Morning Post» указывает, что нелегальная эмиграция — это продуманная политика, в частности, со стороны Пекина, связанная с его экспансионистскими устремлениями. Она заключается в планомерном просачивании китайцев в соседние страны, «разбавлении» местного населения китайцами, создании внутри других стран китайских поселений, через которые можно проводить экспансионистскую политику. Эти действия маоистов получили даже специфическое название: «тихая оккупация»²⁵.

Таким образом, нелегальная эмиграция является гораздо более опасным явлением, чем может показаться на первый взгляд, она может быть связана с прямой подрывной деятельностью против государства.

Мы уже подчеркнули, что нелегальная эмиграция — новое явление. Поэтому оно и недостаточно осмысленно, и о нем нет международных (хотя бы региональных) соглашений. Но очевидно, что вопрос этот назревает.

В настоящее время государства могут вести борьбу с нелегальной эмиграцией путем укрепления пограничной службы, что далеко не для всех государств, особенно небольших, возможно. Могут они вести борьбу с этим злом путем совершенствования законов о гражданстве. Могут вести борьбу и с помощью уголовно-

правовых мер. Во многих государствах незаконный переход государственной границы влечет уголовное наказание. Согласно ст. 83 УК РСФСР (и соответствующим статьям УК других союзных республик) к уголовной ответственности привлекаются лица, перешедшие границу Советского государства (как из СССР, так и в СССР) по личным мотивам. Если же устанавливаются мотивы антисоветского характера, то ответственность наступает по соответствующим статьям УК о государственных преступлениях.

Однако такие нормы имеются далеко не во всех странах, в том числе азиатских, где это явление получило наибольшее распространение. Конечно, когда установлено, что целью нелегальной эмиграции является проведение подрывной деятельности или шпионажа, тогда вопрос ясен. Но, во-первых, это установить, подчас, довольно трудно, эта направленность деятельности «нелегальных эмигрантов» может выявиться только через определенное время. Во-вторых, можно привлекать к уголовной ответственности отдельных лиц, когда границу нелегально переходят единицы. Если же идет массовая нелегальная эмиграция, то привлечение к уголовной ответственности не может разрешить проблему.

По нашему мнению, учитывая опасный характер этих преступных действий, необходимо употреблять силу уголовного закона, в том числе совершенствуя законодательство, принимая соответствующие законы, ибо нелегальная эмиграция как явление несет открыто вредные последствия и скрытые намерения, явно находящиеся в противоречии с уважением государственного суверенитета, носящие в ряде случаев экспансионистский характер.

Уголовно-правовая защита интересов подвергшегося нелегальной эмиграции государства, безусловно, носит прогрессивный характер и должна использоваться для защиты его суверенитета и в конечном счете — для дела сохранения мира.

Сама же нелегальная эмиграция должна быть квалифицирована как преступление международного характера. Борьбу с ним необходимо, по нашему мнению, вести как с помощью международно-правовых принципов и норм, так и с помощью уголовного права, в частности национального законодательства.

Фальшивомонетничество всегда относилось внутригосударственным уголовным законодательством к тяжким преступлениям, ибо наносило ущерб экономике и финансовым отношениям. С тех пор как в человеческом обществе натуральный товарообмен был заменен денежным, появилось и фальшивомонетничество. Впрочем, подделка предметов, служивших мерилем ценности обмениваемых товаров либо иных предметов, имела место и до того, как появились деньги. Большой размах подделка денег получила, когда в оборот были широко пущены благородные металлы.

Войны между государствами нередко сопровождались стремлением нанести ущерб экономике противника. Одним из методов был выпуск фальшивых денег. Так, в период подготовки Наполеоном I нападения на Россию миллионами печатались фальшивые ассигнации. Особенно широко фальшивомонетничество распространилось в период установления капиталистических отношений. С развитием капитализма методы подделки денег становились изощреннее; они применялись и к различным ценным бумагам, имеющим хождение на валютном рынке.

В современный период развитые капиталистические государства часто выпускают фальшивые деньги других, слаборазвитых государств. Л. Н. Галенская, со ссылкой на «International Criminal Police Review», приводит следующие данные: в 1966 году были обнаружены подделки валюты 27 стран, в 1967 году — 25, в 1967 году в Париже была обнаружена подпольная фабрика, которая печатала банкноты Республики Заир. На этой фабрике были подделаны банкноты на сумму 15 млн. франков²⁶.

Фальшивомонетничество и подделка ценных бумаг получают все более широкое распространение не только как средство подрыва экономики слаборазвитых государств. Так, федеральная полиция США совместно с полицией ФРГ обнаружила планы одной из таких организаций, намеревавшейся сбыть краденые и фальшивые ценные бумаги на сумму 18 млн. долларов в Ватикан. Преступники рассчитывали получить от этой операции около 40 млрд. долларов²⁷.

Полиция Франции в 1976 году конфисковала 41 тысячу поддельных банкнот достоинством по 100 франков. Источник изготовления в большинстве случаев остался неизвестен. В стране обнаружено также фальшивой иностранной валюты на 53 млн. франков (в основном доллары), отобрано у преступников поддельных золотых монет на сумму более 1 млн. франков.

Такое же положение и в других странах. В Англии, например, в начале 1977 года Скотланд-Ярд обнаружил подпольную типографию и изъял 10 млн. поддельных долларов в 20- и 50-долларовых банкнотах²⁸.

«Интерпол» ведет активную исследовательскую работу по совершенствованию методов обнаружения подделок. Этой организации удалось за период с 1946 по 1972 год обнаружить и классифицировать 5991 тысячу подделок в 89 странах мира²⁹. Цифра поистине впечатляющая, но далекая от истины. Западные криминологи, исследующие эту проблему, пришли к выводу, что в области фальшивомонетничества и подделки ценных бумаг действуют хорошо организованные преступные группы во многих странах мира. Они также полагают, что этот вид преступлений международного характера становится монополией организованной преступности, в том числе преступности «белых воротничков». По мнению специалистов из ФРГ и Нидерландов, одно из самых распространенных преступлений экономического характера в этих странах — подделка векселей.

С древности и до наших дней подделка денег чрезвычайно сурово наказывалась. «Русская правда» рассматривала подделку денег как тяжкое преступление, влекущее лишение жизни. При московских князьях и царях Василии Ивановиче, Иване Грозном и после них за фальшивомонетничество лили в рот олово и отсекали руки. Аналогично законодательство Греции и Египта, Древнего Рима; суровые, порой бесчеловечные нормы содержало законодательство средневековой Франции, Германии и других стран. Законодатель предусматривал такие наказания, как отсечение частей тела, разрезание преступника на мелкие куски, разные виды смертной казни.

Суровые наказания были всегда и во все времена, но взгляд на подделку денег как на преступление менялся. Первоначально оно рассматривалось как прес-

тупление, совершаемое частными лицами в целях наживы, позднее и до настоящего времени — как посягательство на интересы государства; действия фальшивомонетчиков справедливо квалифицируются как преступления, выходящие за рамки частного интереса.

В советском уголовном законодательстве состав фальшивомонетничества находится в главе об иных государственных преступлениях (ст. 87 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик). Согласно закону наказуемы изготовление с целью сбыта, а также сбыт поддельных государственных казначейских билетов, билетов Государственного банка СССР, металлической монеты, государственных ценных бумаг или иностранной валюты.

Принципиальным для практики является вопрос: подделка всяких ли денежных знаков влечет ответственность по данной статье закона? Советское уголовное законодательство рассматривает как фальшивомонетничество подделку денег, находящихся в обращении. Такой подход к проблеме представляется правильным. Не находящиеся в обращении денежные знаки цены не имеют. Если кто-либо вручает их как действующие, то налицо мошенничество, а не фальшивомонетничество, несмотря на то что изъятые из обращения денежные знаки были подделаны (законодательство некоторых стран предусматривает ответственность и за подделку денег, изъятых из обращения).

Советский законодатель считает также, что для состава фальшивомонетничества необходимо не просто изготовление поддельных денег, но и изготовление их с целью сбыта. Состав преступления налицо и тогда, когда человек сбывает поддельные деньги, зная об этом, хотя изготовлены они другим лицом. Ответственность в этом случае несет и тот, кто сбывает деньги, и тот, кто изготовил их.

Наказуемыми по советским законам являются подделка и сбыт не только советских денежных знаков, но и любой иностранной валюты, причем ответственности подлежат как советские граждане, так и иностранцы и лица без гражданства. Очевидно также, что фальшивомонетничество — деяние умышленное.

Советский закон считает фальшивомонетничеством ввоз в СССР или вывоз из страны фальшивых денежных знаков с целью их сбыта. Это позволяет ставить

вопрос о выдаче преступников, скрывшихся в другом государстве, в полном объеме.

Таким образом, советское законодательство учитывает межгосударственные интересы, что соответствует принятым на себя обязательствам по международным соглашениям о борьбе с фальшивомонетничеством.

Советский Союз является участником Международной конвенции по борьбе с подделкой денежных знаков, заключенной в Женеве 20 апреля 1929 г.³⁰.

Следует отметить, что ряд положений Конвенции устарел и не отвечает современному положению. Так, Конвенция предусматривает подделку бумажных денег и металлических монет (ст. 2), хотя наибольшее распространение получила подделка ценных бумаг типа векселей, знаков почтовой оплаты, чеков, аккредитивов и т. д. Группа преступников получила деньги по поддельным чекам американского банка в Марокко, Испании, Италии, Швейцарии и Турции. Преступникам было выплачено 250 тыс. американских долларов³¹. Если рассматривать их действия с точки зрения формулировок Женевской конвенции, то они не наказуемы как фальшивомонетничество. Очевидно, что этот пробел должен быть восполнен. Необходима, вероятно, многосторонняя конвенция по этому вопросу.

Действующая Конвенция не предусматривает наказуемости вывоза фальшивых денег за пределы государства. Наказуемость только ввоза денег, предусмотренная Конвенцией, не отвечает ни характеру самого преступления, ни степени его опасности.

Говоря о недостатках Конвенции, мы, конечно, не хотим принизить ее значение. Она играла, да и сейчас играет, положительную роль в борьбе с подделкой денег; ее пробелы государства вынуждены восполнять двусторонними соглашениями, особенно тогда, когда речь идет о подделке ценных бумаг.

В современных условиях все государства, независимо от характера социально-политической системы, заинтересованы в охране своих экономических интересов, финансовой политики и денежных средств от преступных посягательств. Объектом же этого преступления международного характера могут быть экономические и финансовые отношения любого государства.

При этом следует учесть, что фальшивомонетничество и подделка ценных бумаг стали важной отраслью

бизнеса организованной преступности капиталистических стран и средством подрыва экономики слаборазвитых государств с целью их порабощения, а также одним из методов деятельности различных экстремистских групп. В конечном счете этот вид преступной деятельности наносит ущерб сотрудничеству государств в условиях мирного сосуществования.

Преступления, посягающие на окружающую человека среду

1. Проблема охраны окружающей человека природной среды становится все более злободневной. Это — комплексная проблема, включающая прежде всего меры экономического, технологического, социального, медицинского, административного, хозяйственного порядка (включая соответствующие правовые нормы, регулирующие названные области отношений). Лишь в последнюю очередь проблема эта должна разрешаться с помощью столь строгих мер принуждения, какими являются меры уголовно-правового характера. Очевидно, что при решении сложных социальных проблем принуждение всегда носит вспомогательный характер. В то же время становится все более очевидным, что без него обойтись невозможно.

Охрана окружающей человека природной среды стала ныне проблемой международной, затрагивающей интересы всех государств мира. Однако сразу же выявились серьезные противоречия в методах ее решения, проистекающие прежде всего из наличия сложнейшего клубка противоречий, присущих капиталистическим общественным отношениям и, в частности, позиции капиталистических монополий, не останавливающихся ни перед чем ради достижения наивысших прибылей. В ряде случаев действия капиталистических монополий, нарушающие экологическое равновесие, наносящие, подчас, необратимый ущерб природе, являются явно преступными.

В настоящее время еще нет стройной системы международных соглашений в области охраны окружающей среды, не сложилась, соответственно, и система санкций за нанесение ей ущерба, тем более санкций уголовно-правового характера.

Методы использования богатств окружающей человека среды, средства и методы ее охраны принципиально отличны в социалистическом и капиталистическом обществе. Это важно иметь в виду, ибо основа защиты окружающей среды — меры внутригосударственные. Различия в средствах и методах проистекают из характера и системы общественных отношений, бережного отношения к природе, определяемого целью социалистического производства: повышение благосостояния и улучшение условий жизни человека, в противовес хищническому извлечению прибыли из природных богатств в условиях капитализма. Именно поэтому проблема охраны окружающей среды есть проблема социальная, а не чисто экономическая или технико-экономическая.

Однако при всем различии методов решения данной проблемы Советское государство придает большое значение межгосударственным мерам охраны окружающей среды, активно участвуя в деятельности ООН и различных международных организаций, занимающихся этими вопросами.

В докладе на XXV съезде КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев говорил, что решение проблемы охраны окружающей человека среды будет «оказывать все более заметное влияние на жизнь каждого народа, на всю систему международных отношений. Наша страна, как и другие страны социализма, не может стоять в стороне от решения этих проблем, затрагивающих интересы всего человечества»³².

2. Говоря об охране окружающей человека среды, следует иметь в виду, что уже сейчас человек нанес многим ее компонентам существенный вред и задача состоит в том, чтобы приостановить эти негативные процессы, не дать им развиваться. Нельзя, например, не учитывать, что человек истребил 150 видов животных; тысяча видов животных находится под угрозой гибели.

Очевидно, что в приостановлении этого процесса существенную роль могут сыграть и нормы уголовного права.

За последние годы весьма реальной стала угроза морю и биосфере. В Европе «умирает» одна из главных водных артерий — Рейн. Близка к этому река По.

На конференции, посвященной охране окружающей среды, проведенной Международной Ассоциацией юристов-демократов (МАЮД) в 1974 году в Герцег Нови (Югославия), отмечалось, что, как установили ученые, в верхнем течении Рейна на 1 куб. миллиметр приходится около 100 вредных бактерий, а в нижнем — 100 тысяч.

Известно немало фактов, когда благодаря небрежному хранению нефти, сбросу ее в водоемы наносится непоправимый вред. Установлено, что 1 т нефти способна покрыть поверхность воды площадью в 10 кв. км. Естественно, что живые организмы гибнут. Не секрет также, что во многих реках рыба хотя и есть, но непригодна к употреблению, ибо пропитана нефтью и отходами нефтепродуктов³³.

В капиталистических государствах родилось сейчас так называемое экологическое право, им особенно тщательно занимаются ученые прогрессивных направлений³⁴. С его помощью они хотят создать барьер на пути всему, что несет вред окружающей человека среде.

Однако в условиях капиталистического хозяйства, стремления монополий к извлечению прибыли законодательство не всегда может оказать надлежащее воздействие.

Борьба ведется с поверхностными, бросающимися в глаза явлениями, но не затрагивает глубинных процессов.

В ряде случаев буржуазные специалисты по проблемам окружающей среды становятся фаталистами, полагая, что человеку только и остается, что ждать своей гибели. На конференции МАЮД в Герцег Нови отмечалось, что в тех случаях, когда нарушения равновесия окружающей среды становятся особенно угрожающими, как, например, в Англии, разрабатываются планы «для того, чтобы остаться в живых». Существующий в Италии «Римский клуб», занимающийся вопросами «развития» цивилизации и научно-технического прогресса, сделал мрачный вывод: через 100 лет все природные ресурсы будут исчерпаны и человечество погибнет; прогрессивная часть участников этого клуба отмежевывается от этих выводов, полагая, что негативные последствия можно приостановить, в том числе с помощью права.

Одним из условий улучшения окружающей среды, например, был бы перевод многих существующих предприятий на совершенно новый режим работы, на что, однако, ни один капиталист свои деньги тратить не хочет, а у капиталистического государства нет на это средств. Очень убедительно говорили об этом в январе 1975 года на X конгрессе Международной Ассоциации юристов-демократов в Алжире представители Японии. Известно, что Япония — одна из самых опасных зон с точки зрения загрязнения окружающей среды. Японцы страдают от хищничества монополий, их безобразного отношения к окружающей среде. Известна, например, трагедия, постигшая японцев от заражения моря ртутными отходами. При этом монополии отделались «легким испугом», а многие трудящиеся потеряли здоровье. Неизвестно еще, как болезни нынешнего поколения окажутся в будущем³⁵. Японские делегаты, а затем и Международная Ассоциация юристов-демократов в специальной резолюции поддержали мнение советских юристов о том, что национальное законодательство должно предусматривать уголовную ответственность за подобные преступные действия³⁶.

О печальных последствиях загрязнения окружающей среды говорит трагедия итальянского города Севезо, где химический завод выбросил в воздух газ диоксин. От него погибли растительность, животные, получили тяжелые болезни люди. Жить в этом районе нельзя будет около 7 лет. Впрочем, о тяжести последствий сейчас даже нельзя судить. Итальянцы назвали трагедию Севезо «маленькой Хиросимой». Завод принадлежал швейцарской компании, изготавливающей смертоносный газ для нужд НАТО. Это — своеобразная колонизация развитой страны, ибо на территории других стран изготовление диоксина не разрешено.

Кстати, диоксин применялся США во Вьетнаме для уничтожения всего живого, в частности растительности; его применение полностью нарушило экологическое равновесие на огромных территориях.

3. Представляется необходимым, хотя бы кратко, сказать о том, как Советский Союз решает проблему охраны окружающей человека среды, ибо, мы подчеркиваем это, успех в решении проблемы будет зависеть прежде всего от того, какие меры будет принимать

каждое государство, какой вклад будет вносить в общие усилия по защите окружающей среды.

Очень ярко выразил сущность отношения социалистического общества к окружающей человека среде в докладе на XXV съезде КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев: «... использовать природу можно по-разному. Можно — и история человечества знает тому немало примеров — оставлять за собой бесплодные, безжизненные, враждебные человеку пространства. Но можно и нужно, товарищи, облагораживать природу, помогать природе полнее раскрывать ее жизненные силы... Это наш, социалистический путь»³⁷.

Лишь только за последние годы Верховный Совет СССР, Совет Министров СССР приняли ряд законодательных актов, имеющих принципиальное значение. Достаточно упомянуть, что в СССР действуют Основы земельного и Основы водного законодательства, Основы законодательства о недрах, о здравоохранении. В РСФСР еще ранее был принят Закон об охране природы³⁸.

Правительством СССР принят ряд постановлений о мерах по дальнейшему улучшению охраны природы и рациональному использованию природных ресурсов, по защите Каспийского, Черного, Азовского морей, бассейнов рек Волги и Урала, по сохранению богатств озера Байкал. В развитие постановлений правительства разрабатываются проекты генеральных схем размещения отраслей народного хозяйства, промышленных комплексов с соблюдением всех правил охраны окружающей среды. Только прямые вложения в области охраны природы в ближайшее пятилетие составят 11 млрд. руб. «Таков наш, социалистический путь решения проблемы окружающей среды и таковы конкретные усилия, которые предпринимаются в нашей стране в этом направлении. Характерно, что здесь увязываются воедино технико-экономические и технологические, социально-политические и гуманистические аспекты и стороны проблемы»³⁹.

Советские ученые, занимающиеся проблемами охраны окружающей человека среды, раскрывая содержание деятельности социалистического общества, всегда подчеркивают полную возможность защиты окружающей среды при бережном к ней отношении. «Экологи-

ческие системы, — пишет С. С. Шварц, — в индустриализованном и урбанизированном мире не могут быть сохранены в первозданности, естественном состоянии, но нет никаких объективных причин для их неизбежного ухудшения»⁴⁰.

Советское государство активно участвует в международных переговорах по этой проблеме, подписывает соответствующие соглашения. Так, во время переговоров Л. И. Брежнева с руководителями США, Франции, ФРГ и других стран вопрос о совместных мероприятиях по охране окружающей среды занимал значительное место. В договоре о развитии экономического, технического и промышленного сотрудничества, заключенном между СССР и Финляндией, также предусматривается сотрудничество в области охраны окружающей среды. Советским Союзом подписана Конвенция об охране ресурсов Балтийского моря. Сотрудничество по проблемам охраны окружающей среды предусматривается положениями и договоренностями, зафиксированными в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в Хельсинки. Причем Советский Союз выступил инициатором проведения общеевропейских конгрессов или межгосударственных совещаний по проблеме охраны окружающей человека среды.

В качестве одного из рычагов, способствующих усилению охраны окружающей среды, в Стране Советов используются и уголовно-правовые меры, в том числе предусмотренные международными соглашениями.

Так, в соответствии с Конвенцией об охране ресурсов Балтийского моря в Уголовный кодекс РСФСР внесены две новые статьи. Одна из них (ст. 167¹) предусматривает ответственность за нарушение правил охраны естественных богатств континентального шельфа СССР, другая (ст. 223¹) — за загрязнение моря веществами, вредными для здоровья людей или для живых ресурсов моря.

Статья 167¹ сложна по своей структуре и содержит перечень деяний, за которые устанавливается уголовное наказание. К их числу относятся возведение сооружений и иных установок на континентальном шельфе СССР, а также создание вокруг них зон безопасности, без надлежащего на то разрешения; необеспечение охраны сооружений и иных установок на континентальном шельфе СССР, поддержания постоянных средств

предупреждения об их наличии и ликвидации сооружений и установок, эксплуатация которых окончательно прекращена, а также непринятие в зоне безопасности мер по защите живых ресурсов моря от вредоносных отходов; исследование, разведка, разработка естественных богатств и иные работы на континентальном шельфе СССР, проводимые с нарушением установленных требований. Наказание за эти преступления — лишение свободы на срок до 1 года и (или) штраф до 10 тыс. руб.

Статья 223¹ несколько более однородна по объективной стороне, однако она достаточно полно предусматривает возможные действия, связанные с загрязнением моря. Статья предусматривает два вида нарушений: собственно загрязнение и непринятие мер к предотвращению потерь вредных веществ либо смесей (в последнем случае необходимо, чтобы вредные вещества в смесях превышали норму).

Закон устанавливает ответственность за загрязнение вод открытого моря вследствие сброса с советских судов и других плавучих средств или непринятия необходимых мер к предотвращению потерь ими указанных веществ либо смесей в нарушение международных соглашений, в которых участвует СССР. Деяния эти могут быть совершены как умышленно, так и неосторожно.

Наказание — лишение свободы на срок до 2 лет, или исправительные работы на срок до 1 года, или штраф до 10 тыс. руб.

Предусмотрена ответственность за данное деяние, совершенное при наличии квалифицирующих признаков. К ним относится причинение существенного вреда здоровью людей или живым ресурсам моря. Существенным вредом можно, например, считать нанесение ущерба большому числу людей, или гибель значительного количества рыбы и других ценных морских животных, или загрязнение большого пространства моря, вследствие чего гибнет все живое в этом районе, и т. п.

Наказание — лишение свободы на срок до 5 лет или штраф до 20 тыс. руб.

Придавая большое значение охране моря от загрязнения, законодатель предусматривает ответственность и за несообщение о преступных действиях, причем речь идет не только о совершенном загрязнении, но и о

возможном (например, когда судно оказывается неисправным).

При характеристике данного состава преступления важно учитывать еще один момент. Потери вредных веществ, в результате чего происходит загрязнение моря, должны быть неотвратимыми. Это значит, что личный состав судна или другого плавучего средства должен сначала сделать все для того, чтобы предотвратить загрязнение. Если это при наличии имеющихся техники, средств и возможностей невозможно, тогда наступает состояние неотвратимости, о чем и должен сообщить капитан судна.

Предполагается, что сообщение должно следовать непосредственно с самого судна или другого плавучего средства по радио, телеграфу или другому средству связи.

Если это невозможно, то сообщение должно быть передано через судно или другое транспортное средство, первым оказавшееся на месте происшествия, или по приходе в ближайший порт — немедленно, чтобы тогда же можно было принять меры, способствующие хотя бы частичной нейтрализации последствий загрязнения моря.

Наказание за недонесение (несообщение) — исправительные работы на срок до 1 года или штраф до 500 руб.

Ограничиваясь анализом приведенных норм, подчеркнем, что советское уголовное законодательство устанавливает ответственность и за другие виды нанесения вреда природной среде. Очевидно, что внутреннее законодательство должно совершенствоваться, имея в виду не только нужды страны, но и заключенные международные соглашения об охране окружающей среды.

Активно стала заниматься этой проблемой Организация Объединенных Наций. В 1972 году, например, в Стокгольме была проведена конференция по этому вопросу; в 1976 году в г. Найроби (Кения) проходила четвертая сессия Совета управляющих программы ООН по окружающей среде (ЮНЭП), обсуждавшая стратегию деятельности ЮНЭП, выполнение программы фонда 1975 года, стимулирующую роль ООН в охране окружающей среды и другие вопросы.

При обсуждении проблемы охраны морской среды в районе Балтийского моря в марте 1974 года в Хель-

синки речь шла о суверенитете государств и его ограничении, которое так или иначе несут в себе международные соглашения. Однако очевидно, что добровольное заключение соглашений есть не что иное, как проявление суверенитета государства; если соглашения подобного рода отвечают интересам всех государств, пришедших к соглашению, то это и есть высшее выражение суверенности, ибо реализация положений таких соглашений способствует улучшению природной среды, окружающей государство, охраняет жизнь людей и сохраняет природные ресурсы и саму жизнь природы.

Нарушение международных соглашений по охране окружающей среды, не полностью достигнутая договоренность по конкретным вопросам могут повести к осложнениям отношений между государствами. Об этом свидетельствует, например, конфликт между Грецией и Турцией, возникший летом 1976 года. Турецкое исследовательское судно «Сейсмик-1», производя работы в Эгейском море, по мнению греческого правительства, нарушило границы греческого континентального шельфа и правила работы на нем. В ответ на ноту правительства Греции Турция ответила, что такая граница точно не установлена. Тогда правительство Греции обратилось в Совет Безопасности ООН и Международный суд с просьбой рассмотреть конфликт. Дело осложнилось. «Сейсмик-1» стали сопровождать турецкие военные самолеты, а греческие военные корабли двинулись в район спора. Турция заявила, что будет продолжать работы и что нет оснований для беспокойства. Однако, как сообщила печать, в боевую готовность были приведены самолеты на ряде авиабаз⁴¹.

4. Проблема охраны окружающей человека среды имеет еще один аспект, который придает ей особо опасный оттенок. Речь идет об испытаниях ядерного и других видов оружия массового уничтожения. Для дела сохранения мира, а не только для охраны окружающей среды первое место среди международных соглашений занимает Договор о запрещении ядерных испытаний в трех сферах. Очевидно, что этот договор лишь первая ступень на пути более радикальных решений.

Советский Союз последовательно ведет борьбу за запрещение ядерного оружия, его уничтожение, полное запрещение его испытаний, за всеобщее разоруже-

ние, за то, чтобы энергия атома служила лишь мирным целям. Среди прочих вредных последствий ядерных испытаний далеко не последнее место занимает загрязнение окружающей среды, наносящее непоправимый ущерб здоровью людей. Можно привести много примеров того, как небрежное захоронение ядерных отходов влекло тяжелые последствия. Достаточно напомнить, что заражение распространялось даже на центральные части некоторых американских городов. Последствия ядерного взрыва в Хиросиме, хотя после него прошло более тридцати лет, проявляются и сейчас. Не случайно испытание маоистами ядерного оружия, родившее огромное радиоактивное облако, затронувшее территорию Японии, вызвало бурную реакцию со стороны японской и мировой общественности.

Нельзя допускать злоупотреблений тем, что дает наука, постигая тайны атомного ядра. Очевидно, что многие формы этих злоупотреблений и небрежности могут и должны быть наказуемы в уголовном порядке. Нельзя отвлекаться от того, что подобные преступления могут поставить мир на грань катастрофы; действия людей, манипулирующих ядерным оружием, должны расцениваться как преступления против мира и человечества и влечь самую суровую уголовную ответственность. Наряду с этим, по нашему мнению, должна быть предусмотрена ответственность за пропаганду разжигания ядерной войны, за призывы к применению ядерного оружия.

Сейчас для всех здравомыслящих людей ясно, какие блага человечеству несет разрядка международной напряженности. Не случайно весь мир приветствовал оптимистический тон ответов Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева в связи с годовщиной Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе корреспонденту газеты «Правда» по поводу сущности разрядки и ее перспектив для дела мира. В этом свете очевидно, что проблема законодательного запрещения ядерного оружия, его испытаний, пропаганды разжигания ядерного психоза, призывов применения ядерного оружия в открытой либо завуалированной форме должна найти свое дальнейшее развитие и разрешение. Причем решение этих вопросов должно идти по двум направлениям: путем заключе-

ния соответствующих международных и межгосударственных соглашений и путем принятия законодательных актов внутри государств. «Потребительское, рваческое отношение к природе, — пишет Г. Волков, — это в современных условиях «социальное членовредительство», форма социального каннибальства, преступление против жизни и здоровья настоящих и будущих поколений людей. И это следует осознать со всей бескомпромиссностью»⁴².

5. Как мы отметили выше, в настоящее время еще не сложилась стройная система правовых норм международно-правового характера, регулирующих охрану от загрязнения окружающей человека среды. Однако государства, международные организации, в том числе ООН, несмотря на многие разногласия и спорные вопросы, идут к этому. Жизнь, мирное сосуществование государств с различным социально-политическим строем показывают, что данная проблема с каждым днем становится все более острой, что игнорировать ее нельзя.

Постепенно в национальном уголовном законодательстве начинают формулироваться составы преступлений, влекущие ответственность за загрязнение окружающей человека среды; некоторые — как результат заключенных международных соглашений.

Жизнь показывает, что составы преступлений, предусматривающие уголовную ответственность за загрязнение окружающей человека среды, хотя и принимаются национальным законодательством, имеют международный характер, ибо загрязнение, например, Балтийского моря затрагивает интересы всех государств, выходящих своими берегами к нему. Подобные преступления являются преступлениями международного характера, некоторые из них при определенных условиях могут превращаться в международные преступления. Очевидна и роль уголовного права, которое наряду с другими отраслями права способствует охране природы. Можно предполагать, что наряду с выработкой общих мер охраны окружающей среды постепенно могут быть приняты соглашения об уголовной ответственности за преступные действия в этой сфере.

Серьезным шагом к международному урегулированию охраны окружающей среды является соглашение, достигнутое Комитетом по разоружению в Женеве ле-

том 1976 года — проект Конвенции о запрещении военного или любого иного враждебного воздействия на природную среду. Он обсуждался на XXXI сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

На очереди решение вопросов о запрещении разработки и производства новых видов оружия массового уничтожения, новых систем такого оружия, запрещение наиболее опасных, смертоносных химических средств ведения войны, а в конечном счете — полное запрещение химического оружия.

Конвенция конкретизирует понятие «средств воздействия на природную среду», подчеркивая, что оно охватывает все действия, ставящие целью путем преднамеренного манипулирования природными процессами вызвать изменения в природе, в состоянии ионосферы, озонового слоя и т. п.

Чрезвычайно важно, что наряду с запрещением указанных действий Конвенция вменяет в обязанность государствам-участникам содействовать развитию международного экономического и научно-технического сотрудничества, активному обмену опытом в области охраны и мирного использования природной среды.

На XXXI сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 1976 года Советский Союз выступил с рядом предложений, в частности с проектом о полном запрещении химического оружия, а также разработки и производства любых новых видов оружия массового уничтожения, например лучевого, инфразвукового, генетического и др.⁴³

Важное значение для судеб человечества имела специальная сессия Организации Объединенных Наций, посвященная проблемам разоружения (май — июнь 1978 г.). В ходе ее работы Советский Союз еще раз продемонстрировал подлинную заботу об интересах всех народов, предложив широкую, всеобъемлющую программу разоружения. В числе этих предложений были предложения, направленные и на охрану окружающей человека среды, непоправимый вред которой может быть нанесен ядерным и другими видами оружия массового уничтожения людей и всего живого на земле. Все миролюбивые силы имели возможность сопоставить советские предложения и практически бессодержательную, не имевшую позитивных предложений речь вице-президента США Мондейла.

Но очевидно и другое. Обсуждение вопроса о разоружении в ООН показало не только заинтересованность подавляющего большинства государств в мирном развитии, но и стремление к созданию практической программы и установлению эффективного контроля за разоружением.

Посягательства на национально-культурное наследие народов

1. В последние годы человечество столкнулось с чрезвычайно острой проблемой. Речь идет о различных посягательствах на национально-культурное достояние стран и народов. Причем эти посягательства совершаются внутри страны как гражданами, так и иностранцами. В ряде случаев граждане способствуют иностранцам, вывозящим культурные ценности из данной страны в другие государства.

Побудительные мотивы к этому различны: от простого разграбления, завладения тем, что «плохо лежит», не охраняется, с целью обогащения и дальнейшей продажи до краж и хищений из музеев, государственных хранилищ, ограбления частных коллекций с целью нанесения ущерба данной стране (и в том и в другом случае основное — корысть). Западные миллионеры, коллекционирующие различные культурные ценности, закрывая глаза на то, что часто получают их от лиц, занимающихся преступным промыслом, устраивают выставки этих ценностей, не придавая значения тому, что это фактически награбленное имущество, что эта «демонстрация» стала возможной благодаря преступлению, которое нанесло ущерб не только и не столько частным лицам, сколько государствам и народам. Не следует упускать из виду, что подобные действия подрывают государственный суверенитет, право государства и народа на собственные культурные ценности, представляют собой не что иное, как организованное разграбление национальных богатств, создаваемых веками.

Национальное достояние, памятники древней (и не только древней) культуры становятся разменной монетой на рынке капиталистического бизнеса. Нельзя не

сказать, что кроме всего прочего это оказывает отрицательное влияние на неустойчивых людей и в социалистических странах; ради получения материальных выгод последние вступают в преступные связи с крупными и мелкими бизнесменами-грабителями из капиталистических стран, поднимающими руку на народное достояние.

Говоря об этом явлении как сравнительно новом, мы должны сделать оговорку: новое по размаху, но, безусловно, существовавшее и ранее. Ряд юристов и деятелей культуры неоднократно пытались привлечь к нему внимание.

В связи с этим необходимо сказать о роли замечательного русского художника Н. К. Рериха, явившегося инициатором принятия важнейшего международно-правового документа о защите памятников культуры от уничтожения, получившего наименование Пакта Рериха, проект которого впервые был опубликован в 1929 году.

Вокруг этого документа шла длительная борьба. В результате в 1935 году США и 25 государств Латинской Америки подписали договор об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников. Волокита в Лиге Наций не позволила подписать его другим государствам.

В ходе второй мировой войны выяснилось, что гитлеровцы пытались уничтожить все, что создавалось народами Европы в течение веков. Поэтому проблема защиты памятников прошлого, истории народов от современных варваров встала со всей остротой. В настоящее время появились последователи гитлеровцев, ополчившиеся на культуру и искусство прошлого и настоящего, культуру и искусство демократические и гуманистические. Так поступают современные фашистские режимы типа чилийской хунты и некоторые родственные им по духу режимы в Латинской Америке и в Азии. По этому пути идет, например, реакционное правительство Уругвая. Там и в некоторых других местах, как было в недавнем прошлом, начали пылать костры из книг. Правящая диктатура душист культуру своей страны, уничтожает памятники культуры других стран. Книги перемалываются на бумажную массу. Упоминания об изречениях национального героя Уругвая Хосе Артигаса запрещены. Издания всех прогрес-

сивных писателей, писавших на испанском языке и о Латинской Америке — Гарсиа Лорки, Пабло Неруды, Антонио Мачадо, Николаса Гильена, Сесара Вальехо и других, запрещены и подлежат уничтожению.

За сохранение национально-культурного наследия нужно бороться. Его уничтожение как внутри какой-либо страны, так и на международной арене — преступно.

14 мая 1954 г. были подписаны Гагская конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта и протокол к ней. Ее ратифицировали более 60 государств. Однако события, связанные с войной во Вьетнаме, на Ближнем Востоке, вновь заставляют ставить вопрос о недопустимости варварского отношения к памятникам культуры и об ответственности за их порчу и уничтожение.

При всей ее важности Гагская конвенция 1954 года имеет существенный недостаток. Она регулирует вопросы, связанные лишь со случаями вооруженного конфликта. Все иные виды посягательств на национальное богатство и культурное наследие, совершенные в мирное время, остаются в стороне. О том, как защищать это богатство, как государства должны помогать друг другу в охране культурных ценностей, ни в Гагской конвенции, ни в других межгосударственных соглашениях не говорится (если не считать упомянутого выше Пакта Рериха, имеющего локальный характер и, кстати, плохо соблюдающегося). Между тем обстановка в мире настораживает. Так, в странах Латинской Америки толпами кочуют «любители древностей», они крадут находящиеся под охраной культурные ценности, что довольно трудно и опасно, но главным образом производят «изыскания» в местах раскопок древних индейских племен — майя и ацтеков. Поскольку эти ценности и не охраняются, и официально не приняты государством под охрану, преступники растаскивают их. Можно сказать, что в руки ученых попадает меньше ценностей, чем в руки грабителей. Не случайно многие коллекционеры древностей в США и Западной Европе с гордостью демонстрируют редчайшие предметы древней культуры ацтеков и майя. По свидетельству очевидцев, многие места раскопок в странах Латинской Америки после нашествия «любителей древностей», а попросту говоря, грабителей напоминают пустыню.

Деяния этих преступников остаются безнаказанными, ибо формально то, что обнаружено при раскопках, не является собственностью государства, хотя обнаруженные предметы в большинстве случаев настолько ценны, что трудно даже определить их стоимость. Мы не говорим о моральном ущербе, который наносится странам, где разграбляется национальное достояние, а предметы культуры — гордость нации — рекой текут на капиталистический рынок, становятся предметом спекуляции.

Не менее показательна судьба древних памятников культуры Колумбии. Известно, что около тысячи лет до новой эры на склонах Анд расцвела высоко развитая цивилизация, погибшая по неизвестным причинам. Остатки ее культуры, культуры одного из племен карибских индейцев, сохранились в виде так называемых «августинских изваяний» (по имени города Сан-Августин, в окрестностях которого они были найдены) и других предметов искусства, сделанных, в частности, из золота. Под предлогом изучения около 20 статуй было вывезено в Европу, в Гамбург. Та же участь постигла вещи, сделанные из золота. В национальном музее Колумбии находится только пять статуэток из золота. Остальные незаконно вывезены. Так, голландский принц Бернард вывез на личном самолете огромное количество древних произведений искусства индейцев и исторических памятников времен завоевания Америки. Сейчас эти ценности находятся в Амстердаме, хотя их место в Колумбии.

В Колумбии действуют банды международных преступников, совершающие нападения на католические храмы. Они совершили кражу из старинной церкви Ла-Пенья, расположенной на восточных холмах Боготы, и еще из 20 храмов. Похищено в общей сложности не менее 150 картин знаменитых художников. Есть данные о том, что эти произведения искусства попадают в руки американских богачей — коллекционеров⁴⁴.

Лихорадка разграбления национальных ценностей и торговли ими охватила практически все страны. Например, в Дели полиция отобрала у частных коллекционеров и темных дельцов набор произведений древнего искусства стоимостью 70 тыс. долларов. Официальные чины полиции считают доказанным, что цель вывоза этих

произведений — продажа за границей. Среди конфискованных ценностей были, например, бронзовая фигурка Будды и каменная фигурка Шивы, относящиеся соответственно к VIII и X векам. Куплены они были за крайне низкую цену, а специалисты-археологи дали заключение, что стоимость этих двух фигурок равна 20 тыс. долларов.

Из известного индийского музея Салар-Джунга в городе Хайдерабад были украдены произведения искусства на сумму 24 тыс. долларов. Миниатюрная живопись стоимостью 860 тыс. долларов исчезла из дворцового музея Джайпура. Специалисты считают, что убытки, понесенные Индией от краж произведений древнего искусства, за последние годы равны 133 млн. долларов⁴⁵. Сумма колоссальная, но, вероятно, далекая от истинных потерь, которые просто неизвестны и, конечно, гораздо больше.

Владение культурными ценностями других стран, практически присвоение этих ценностей противоречит резолюции ЮНЕСКО о возврате национально-культурных ценностей стране-владельцу. Отказ от ее выполнения может вызвать и вызывает осложнения отношений между государствами. Это проявилось, например, в споре о драгоценном камне Ко-хи-нор. Находится он в Англии, но вывезен либо из Индии, либо из Пакистана. Во всяком случае, Пакистан предъявил Англии претензию о возврате. В то же время на него претендует Индия. В любом случае, хотя камень и в Англии, не английская королева — хозяйка этой восточной драгоценности.

Разграблению подвергаются и национальные богатства Египта. Недавно в Каире были арестованы три американца, пытавшиеся вывезти произведения искусства эпохи фараонов. Поскольку грабеж, официальный и нелегальный, начался давно (в XVII в. или ранее), неудивительно, что огромное количество произведений искусства Египта находится за рубежом, в частности в Англии.

В Египте похищаются ценности, обнаруженные при раскопках. В апреле 1976 года, например, в подвале одного из домов Александрии полиция обнаружила 30 тыс. незарегистрированных произведений древнего искусства, подготовленных к вывозу из страны. В мае 1975 года у одного антиквара из Луксора конфисковали

приготовленные для продажи за границу художественные ценности на сумму более миллиона долларов⁴⁶.

Расхищение произведений искусства и народного творчества продолжает расширяться. Так, путешествующие в Океании туристы избрали своим объектом Меланезию, Новые Гебриды, Новую Каледонию. Они скупают по дешевке, а часто и просто воруют предметы искусства и старины. Не щадят даже древние захоронения. Как пишет парижская газета «Монд», похищенные ценности рано или поздно появляются в магазинах, специализирующихся на торговле произведениями так называемого «примитивного» искусства. Такие магазины есть почти в каждом большом городе Западной Европы и Америки; недавно в швейцарском городке Невшателль была выставлена коллекция деревянной скульптуры, незаконно вывезенная из Океании и Индонезии.

Несмотря на то что США и Западная Европа служат рынком сбыта награбленных ценностей, составляющих национальное культурное достояние других стран, их тоже не миновала эпидемия расхищения произведений искусства.

Италия, например, является страной, обладающей богатейшими культурными ценностями. Без преувеличения о ней (как и о Франции) можно говорить как о стране, развитие культуры которой дало толчок к развитию культуры всей Европы. Весь мир знает имена Микельанджело, Рафаэля, Бенвенуто Челлини и Леонардо да Винчи, неповторимы памятники погибших городов Помпеи, Геркуланума, ими по праву гордится не только итальянский народ, но и весь мир. Между тем культурное наследие итальянского народа потихоньку расхищается. Так, из одной частной коллекции в 1976 году было похищено более двух десятков полотен Рафаэля, Рубенса, Тициана, Веласкеса и других великих художников. Эти бесценные произведения искусства до сих пор не найдены.

В 1974 году две картины выдающегося итальянского живописца Тинторетто были украдены из музея в Италии. Полиция не нашла преступников, не обнаружила и каналов, по которым эти картины были вывезены из страны. В то же время картины удалось обнаружить в Японии в художественной галерее г. Осаки. Они были проданы неизвестными лицами Осакскому музею за 360 тыс. долларов. Как безусловно положительный сле-

дует оценить факт возвращения Японией картин их владельцу — Италии.

Вывоз из Италии произведений искусства без специальной государственной лицензии запрещен.

Возникает другой вопрос. Когда картины или другие произведения искусства или предметы национальной культуры покупают частные владельцы, не спрашивая, откуда эти вещи или предметы, это еще можно понять (но не оправдать). Когда же такие вещи покупают государственные органы, этого ни понять, ни объяснить нельзя. Очевидно, что в национальном законодательстве должны быть соответствующие нормы.

Франция, давшая миру замечательные образцы культуры, прекрасные произведения человеческого гения, также является объектом пристального внимания любителей торговать культурными ценностями. Конечно, Лувр или Эйфелеву башню, Дом Инвалидов, музей Родена или скульптуры с площади Согласия не украдешь, но посягательства на национальные богатства и культурные ценности, хранящиеся в музеях этой страны, приобрели большой размах.

Так, в январе 1976 года из папского дворца в Авиньоне было похищено 118 картин Пабло Пикассо. Преступники были вооружены и действовали весьма уверенно. Через восемь месяцев часть грабителей полиции удалось задержать (непосредственных исполнителей) и картины возвратили музею. Преступники собирались их продать за 30 млн. франков. Среди преступников были выходцы из Голландии, Западной Германии, Франции. Но кто стоял за их спиной — осталось неизвестным⁴⁷.

По данным журнала «Интерпол» (№ 294), в 1973 году во Франции из музеев и других хранилищ культурных ценностей было совершено 22989 краж. Аналогично положение и в других странах.

Нельзя, в частности, не отметить пристрастие некоторых израильских руководителей к национальному достоянию других государств, в частности арабских. Один из таких «любителей», грабящих соседние страны, в частности Иорданию, — небезызвестный Моше Даян. В Иордании производятся раскопки и восстановление древних городов, однако значительная часть этих ценностей утекла к Моше Даяну. Видимо, этому генералу не дают покоя лавры Геринга, грабившего Европу.

Из картинной галереи университета г. Калгари (Ка-

нада) похищено 20 картин великого художника эпохи Возрождения Альбрехта Дюрера. Они оценены в 750 тыс. долларов. Это, конечно, лишь продажная их цена, не отражающая подлинной художественной ценности произведений.

В свете изложенного нетрудно видеть, что посягательства на предметы национально-культурного наследия приобрели черты преступления международного характера.

2. Следует сказать, что преступления такого рода затрагивают и интересы СССР. Практика показывает, что преступлениями, связанными с посягательствами на предметы старины и культурные ценности, занимаются как иностранцы (в том числе, к сожалению, работники некоторых посольств), так и пораженные стремлением к наживе советские граждане, пренебрегающие интересами государства. Эти лица встали ради извлечения материальной выгоды на преступный путь. В их деяниях весьма отчетливо проявляются разлагающее влияние западного образа жизни, связанного со стремлением к обогащению, и частнособственнические пережитки, привычки, нравы, традиции.

Деяния подобного рода служат иллюстрацией нашей концепции о причинах преступности. В частности, они свидетельствуют о влиянии эксплуататорской общественно-экономической формации и ее пережитков. Анализ рассматриваемых деяний позволяет ощутить действие этой причины, которая в данном случае предстает не в абстрактном, а в совершенно конкретном выражении: преступные деяния совершаются под влиянием общей причины (наличие эксплуататорской формации, присущего ей образа жизни со всей сложностью такого влияния) и конкретных пережитков частнособственнической психологии.

Предметом преступления служат, в частности, иконы, церковная утварь, часто ценные не только как произведения искусства, но и потому, что они изготовлены из серебра, золота с вкраплениями драгоценных камней.

Скупкой предметов старины и провозом их за границу, как мы отметили, занимаются многие иностранные граждане. Провезти за границу стараются все: иконы и картины, изделия, представляющие художественную ценность, старинные книги, рукописи, скульптуры и т. д. Так, был задержан итальянский гражданин, который

спрятал на спине старинную икону. Некий Луи Диэ и стюард из Венесуэлы Хосе Гомес пытались вывезти две иконы⁴⁸. Такие примеры далеко не единичны. Но это — иностранцы-одиночки; вывезти много они не могут, хотя должны отвечать по всей строгости советских законов, карающих за контрабанду.

Что же касается советских граждан, то необходимо отметить различные по характеру деяния этого рода. Есть люди, которые по разным соображениям покидают свою Родину. Эту сторону их поведения мы затрагивать не будем. Здесь важно другое, то, что при этом нередки случаи, когда уезжающие стремятся вывезти из страны ценности, золото и предметы национальной культуры. В таких случаях возникает вопрос об уголовной ответственности похитителей. Так, некий гражданин Н., переселившийся на постоянное местожительство в США, пытался вывезти из страны 29 предметов, не заявленных в таможенной декларации, имеющих большую художественную ценность, среди них были иконы, позолоченные браслеты старинной работы, ажурный серебряный пояс и другие редкие и ценные вещи. Такие же попытки имели место и со стороны некоторых людей, выезжавших в Израиль. Но это — одна сторона проблемы.

Другая — более общественно опасна. Органами МВД были арестованы, а затем судами осуждены преступники, которые занимались кражами из музеев в различных городах, ограблением квартир отдельных граждан, коллекционировавших предметы старины. В Ленинграде, например, была арестована группа преступников, совершивших ограбление квартиры К. — заведующего кафедрой одного из институтов. В его коллекции было немало предметов старины, ценных и по стоимости, и по фактической оценке как предметов, которые могли стать украшением государственных музеев. Расследование показало, что преступники находили скупщиков этих ценных предметов и, более того, специально выискивали в Москве скупщиков из числа советских граждан и иностранцев либо для продажи за иностранную валюту, либо для продажи за границу за крупные суммы денег. Некоторые предметы, принадлежавшие К., были обнаружены у итальянского подданного в аэропорту Шереметьево советскими таможенниками. Расследование показало, что ленинградские грабители имели связи с московскими сбытчиками краденых ценностей, «клиентами» послед-

них были преимущественно иностранцы. Так была установлена связь между уголовными преступниками и «честными» иностранными гражданами, приезжавшими в нашу страну для того, чтобы нажиться на предметах старины и искусства.

В одном из северных городов группа преступников совершила крупную кражу из помещения краеведческого музея, расположенного в здании старинного монастыря. Украдены были в основном иконы и церковная утварь. Через некоторое время в Москве был задержан преступник, пытавшийся продать эти иконы иностранцам. Вслед за этим были установлены его соучастники — жители Харькова. Причем один из них был ранее судим, второй имел высшее образование и занимал довольно ответственный пост в одном из советских учреждений. Кстати, именно на работе он сталкивался с иностранцами и «понял», где и на чем он и его дружки могут нажиться. Выявилось, что краденое скупали вроде бы честные люди, не интересовавшиеся в то же время, откуда эти ценности. Другие скупщики никаких иных целей, кроме продажи ценностей за границу, не имели. В качестве «экспертов» выступали нередко «непризнанные гении». Они же выступали и в качестве наводчиков и пособников при совершении краж и спекуляций.

Таким образом, между преступниками, совершающими преступления внутри нашей страны, и преступниками, занимающимися разграблением и продажей культурных ценностей за рубежом; прямых организационных связей как будто и нет. Однако есть связь «идейная», основанная на стремлении к наживе.

При расследовании дел такого рода выявилось, что «информаторами» о спросе выступают не только туристы и иностранцы хапуги-одиночки, но и официальные лица, причислять которых к этому роду бизнеса (просто неудобно, они-то и выступают, образно говоря, в качестве агентов грабительского бизнеса, процветающего за рубежом. Кроме того, в подобных аферах принимали участие некоторые работники посольств капиталистических стран. Используя дипломатическую почту и дипломатическую неприкосновенность, они занимаются контрабандой. В процессе расследования такого дела в одной пограничной с СССР стране были задержаны граждане этой страны, а также советская гражданка; у них было изъято большое количество икон. Задержанные показа-

ли, что им помог вывезти эти предметы старины дипломат одного государства, который немедленно убыл из страны, бросив приобретенные и вывезенные ценности: часть предметов они вывезли сами, скупив их у людей, занимавшихся кражами из музеев и обиранием церквей, которые не охранялись и были безнадзорными. Таких памятников старины в СССР, кстати, не так уж мало. Очевидно, что вопрос об их охране становится весьма существенным.

Часть вывезенных ценностей была возвращена, поскольку была доказана их принадлежность конкретному музею. Но часть по формальным основаниям не была возвращена. В связи с этим возникает весьма серьезный вопрос, который выше мы лишь наметили. Если принадлежность вещи конкретному лицу, музею не может быть установлена, но **установлено**, что она является произведением искусства той страны, откуда она вывезена, то, как нам представляется, такие предметы старины, искусства либо иные культурные ценности должны возвращаться государству, которому они принадлежат (откуда они вывезены). К сожалению, каких-либо международных соглашений по этому поводу нет.

3. Необходимо отграничивать посягательство на национально-культурное наследие как преступление международного характера от посягательства на национально-культурное наследие, являющегося составной частью такого международного преступления, как геноцид. Выше мы говорили, что А. Н. Трайнин относил **уничтожение** национальной культуры, ее достижений и богатств к геноциду, рассматривая это как его третью форму.

Вторая мировая война показала, что уничтожение культуры и национальных богатств было составной частью гитлеровской программы порабощения народов, подчинения всего мира нацизму. Известно, что те народы, которые должны были «уступить» свое «жизненное пространство», подлежали уничтожению (в лучшем случае — низведению до уровня рабов), уничтожению подлежало и все то, что было этим народом создано. Гитлеровцы вывозили из захваченных стран, особенно из нашей страны, все, что составляло какую-то ценность, все, что можно было вывезти. Достаточно напомнить, например, судьбу знаменитой янтарной комнаты из пригорода Ленинграда г. Ломоносова, уничтожение такого замечательного произведения искусства, как фигура Самсона

и Льва — фонтана в Петродворце, поджоги пригородных дворцов и вывоз ценностей из-под Ленинграда, Москвы, Киева, осквернение Ясной Поляны и т. п. Всего не перечесть. Гитлеровцы методично оставляли после себя пустыню. Драгоценности, произведения культуры и искусства захватывали нацистские генералы, гауляйтеры и т. п., пополняя свои коллекции и подвалы с драгоценностями. Гитлеровцы были не прочь поживиться и произведениями искусства своих союзников — итальянцев. На тайных переговорах между Даллесом и нацистским генералом Гофманом в конце войны «обсуждался» и такой вопрос, кому и какие ценности других народов, в частности итальянцев, достанутся.

Очевидно, что с точки зрения юридической похищение национального богатства и ценностей культуры и искусства в подобных случаях не самостоятельное преступление для организаторов агрессивной войны, а составная часть геноцида. Для рядовых же гитлеровцев, грабивших население, воровавших ценности, уничтожавших их и т. п., ответственность наступала за эти конкретные преступления: за убийства, истязания, изнасилования и т. п. Так этот вопрос был решен на Нюрнбергском процессе и «а всех других процессах, где нацисты отвечали за свои преступления.

Те формы посягательств на национально-культурное наследие, которые мы рассмотрели выше, отличаются во-первых, тем, что они самостоятельны как преступные деяния; во-вторых, тем, что они избирательны, не являются средством уничтожения всей культуры вообще; в-третьих, тем, что эти посягательства совершаются тайно, между тем как посягательства гитлеровцев были открытыми; в-четвертых, они часто сопровождаются выплатой хотя бы небольшого вознаграждения со стороны тех, кто хочет завладеть ценностями, тем, кто их похитил.

Таковы основные черты, отличающие посягательство на национально-культурное достояние народов как уголовное преступление международного характера от международного преступления — геноцида.

4. Подводя итог оказанному, мы полагаем, что можно сделать следующие выводы. Международные соглашения по этому вопросу, действующие сейчас, решают только часть проблемы защиты национальных богатств, памятников старины и культурных ценностей от преступ-

ных посягательств на них. Следовало бы поэтому тщательно изучить этот вопрос и достичь соглашений, отражающих степень опасности указанных преступных посягательств. Очевидно, что вести борьбу с такими преступными деяниями, которые затрагивают межгосударственные интересы, являются преступлениями международного характера, необходимо и с помощью совершенствования внутреннего законодательства, в особенности уголовного. Это не исключает, а, напротив, предполагает разработку на международной основе охраны культурных ценностей и других профилактических мер.

Об огромном внимании Советского государства к охране национально-культурного наследия свидетельствует принятие пятой сессией Верховного Совета СССР в ноябре 1976 года Закона СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» и постановления о порядке введения в действие этого Закона. В них нашли отражение различные методы охраны памятников истории и культуры нашей Родины, в частности было названо и такое средство, как привлечение к уголовной ответственности. Принятые акты настоятельно требуют совершенствования конкретных узаконений, в том числе уголовно-правовых. Ибо следует учитывать, что ряд посягательств подпадает под действующее законодательство (например, кража), но некоторые деяния остаются вне воздействия уголовного закона (например, растаскивание ценностей в местах раскопок, из неохраняемых церквей и т. п.)

Кроме того, мы полагаем, что при выработке международных соглашений (или конвенции) следовало бы, во-первых, специально указать на то, что посягательство на национально-культурное наследие есть преступление международного характера, и, во-вторых, рекомендовать государствам принять соответствующие уголовно-правовые акты, карающие за эти преступления.

Касаясь советского законодательства, мы полагали бы возможным высказать следующие соображения. Посягательства на национально-культурное достояние представляют повышенную общественную опасность, они наносят непоправимый, подчас, ущерб нашей стране, ее культурному наследию. При этом нельзя отвлекаться и от большого морального ущерба, который несут такие преступления. Поэтому подобные преступные деяния

должны быть, по нашему мнению, предусмотрены самостоятельными нормами (подобно тому как кража оружия выделена в специальный состав), включая ответственность не только за кражу, сбыт краденого, контрабанду, но и за иные виды посягательств, которые связаны с присвоением предметов, представляющих культурную ценность, в частности в местах раскопок. Целесообразным представляется и усиление мер наказания; в качестве дополнительных мер наказания следовало бы предусмотреть конфискацию имущества, крупный денежный штраф и т. п.

Все сказанное объясняется не только важностью объекта посягательства, которым является национально-культурное достояние, но и тем, что это — преступление международного характера; последствием его могут быть осложнения отношений между государствами (например, когда одно государство не будет возвращать другому — потерпевшему государству -- принадлежащие ему по праву предметы национальной культуры).

Глава V

ПРЕСТУПЛЕНИЯ, НАНОСЯЩИЕ УЩЕРБ ЛИЧНОСТИ, ЛИЧНОМУ И ГОСУДАРСТВЕННОМУ ИМУЩЕСТВУ, МОРАЛЬНЫМ ЦЕННОСТЯМ

Торговля людьми

Под этим обобщенным названием мы объединяем несколько составов преступлений международного характера. К ним относятся: рабство, работорговля (включая институты и обычаи, сходные с ними), а также торговля женщинами (в том числе эксплуатация проституции), торговля детьми и так называемый принудительный труд.

1. Рабство и связанная с ним работорговля издавна существуют в человеческом обществе. Будучи наследием рабовладельческого строя, рабство и работорговля не исчезли с разрушением рабовладельческой общественно-экономической формации, а сохранились и в модифицированном виде существуют как позор человеческого общества и доныне.

Работорговля как специфический промысел процветала в XVIII—XIX вв. Победа Севера в гражданской

войне в США привела к отмене рабства, а следовательно, и к сокращению рынка сбыта рабов. Первым осудил торговлю неграми в международном плане Венский конгресс 1815 года. Затем в Аахене в 1818 году торговля неграми была запрещена и признана преступной. Однако долгое время эти заявления были лишь декларациями, не подкрепленными никакими практическими мерами. Государственные деятели возмущались, а работорговля продолжалась. Был спрос (в том числе в тех государствах, государственные деятели которых возмущались тем, что рабство и работорговля существуют), были и «предложения». Работорговцы буквально охотились за людьми, главным образом за неграми, не гнушаясь, **впрочем**, и любым другим «товаром», в том числе *я с белым цветом кожи*.

На Брюссельской конференции 1890 года был выработан акт, предусмотревший ряд конкретных мер борьбы с работорговлей, в том числе установлен «подозрительный пояс», куда были включены западная часть Индийского океана, Красное море и Персидский залив как артерии, через которые из Африки шли караваны с людским товаром и где военные корабли договаривающихся сторон получили право задерживать и осматривать все подозрительные суда. Следует при этом отметить, что меры, принимавшиеся >в тот период, были направлены только на борьбу с работорговлей, но не на борьбу с рабством.

Лишь в XX в. и, как правильно отмечает Л. Н. Галенская, под влиянием идей и самого существования Советской страны появились документы, запрещающие не только работорговлю, но и само рабство.

Одним из таких важных международно-правовых документов, подписанных и Советским Союзом, является Конвенция о рабстве от 25 сентября 1926 г.¹.

Следует отметить, что к этому времени те грубые и неприкрытые формы рабства и работорговли, которые существовали до начала XX в., стали меняться. Исходя из этого, в ст. 5 Конвенции впервые речь шла не только о рабстве как таковом, но и о принудительном или обязательном труде, который может привести к созданию положения, аналогичного рабству. При этом государства обязались применять такой труд только в общественных целях, а если он применялся в иных целях, они должны были согласно Конвенции «постепенно и в **возмож-**

но короткий срок положить ему конец». Однако колониальные державы (вплоть до последнего времени) продолжали и продолжают искать лазейки для фактического сохранения рабства и возможности торговать людьми. Они весьма неохотно принимали участие в межгосударственных усилиях по борьбе с этим позорным явлением. Фактически Конвенция 1926 года не запретила рабство.

После окончания второй мировой войны начался бурный процесс освобождения народов от колониальной зависимости, а значит и от рабства. Был принят ряд документов, фиксирующих это. В первую очередь следует назвать ст. 4 Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1946 г.: «Никто не должен содержаться в рабстве или подневольном состоянии; рабство и работорговля запрещаются во всех их «видах». Рабство было осуждено и запрещено. Однако Международная конференция по правам человека в 1947 году констатировала, что в мире насчитывается 9 млн. рабов. Борьба за полную отмену рабства продолжалась; в 1956 году в Женеве была принята Дополнительная конвенция об упразднении рабства, работорговли и обычаев, сходных с рабством². Этот документ имеет, безусловно, прогрессивное значение. Он содержит определение рабства, повторяющее текст Конвенции 1926 года, согласно которому рабство — это «состояние или положение человека, над которым осуществляют атрибуты права собственности или некоторые из них». В то же время Дополнительная конвенция фиксирует еще три вида подневольного состояния: долговую кабалу, крепостное состояние и домашнее рабство. Дальнейшие исследования показали, что есть и иные формы такого состояния, например содержание лиц в целях проституции, различные формы эксплуатации женщин, некоторые брачные традиции. При этом ЭКОСОС констатировал, что рабство, работорговля и сходные с ним обычаи продолжают существовать не только в развивающихся но и в развитых странах, например в Японии и Испании.

Важное значение имела резолюция 1126(XLI) от 26 июля 1966 г. ЭКОСОС о внесении дополнений в понятие рабства. К нему была отнесена практика апартеида и колониализма³. Таким образом, если апартеид отнесен к категории преступлений против человечества, о чем мы писали выше, то, следовательно, и рабство явля-

ется не преступлением международного характера, а преступлением против человечества. Из этого вытекают и все правовые последствия для тех, кто сохраняет рабство.

Вот еще один пример, когда преступное деяние практически перешло из категории преступлений международного характера в категорию международных преступлений, хотя это и не общепризнано.

Поскольку колониализм приравнен к рабству, следовательно, он должен рассматриваться как международное преступление. Разница между рабством и колониализмом лишь в том, что в рабстве можно содержать отдельных лиц, группы людей, а в колониальной зависимости — целые народы.

Уже встал вопрос и о признании расовой дискриминации международным преступлением.

Рассмотрим понятие работорговли.

Дополнительная Конвенция определяет, что работорговля есть перевозка или попытка перевозки рабов из одной страны в другую, а также соучастие в этом преступлении.

Работорговля может существовать самостоятельно и быть составной частью рабства. Когда торговцы рабами действуют в единстве с рабовладельцами, их деятельность следует рассматривать как рабство.

Если же работорговля является промыслом на основании изучения «спроса» вообще, то это самостоятельный вид преступления. Весьма важно при этом указать, что как работорговлю следует квалифицировать и соучастие в ней (соучастник мог выступать в качестве «подсказчика», где можно продать раба, кому, в качестве посредника при купле-продаже и т. д.).

Современное капиталистическое общество рождает новые, скрытые формы работорговли, лежащие на стыке нелегальной эмиграции, торговли людьми и такого не являющегося преступлением явления, как использование дешевых рук иностранных рабочих. Приведем пример. В 1976 году во Франции, недалеко от итальянской границы, потерпела аварию грузовая автомашина. По документам, она везла швейные машины. Полиция же обнаружила в ней 59 африканцев, перевозимых для продажи в качестве дешевой рабочей силы. Делец, проводивший эту новейшую работорговую операцию, зарабатывал на африканских рабочих 765 тыс. франков в год⁴.

Специфической формой работорговли в ряде случаев следует считать похищение и последующую продажу детей. Такое вроде бы обычное преступление общеуголовного характера в западных странах модифицируется ныне в вид работорговли. От обычного похищения из каких-либо личных целей похищение детей, представляющее один из видов работорговли, отличается прежде всего тем, что цель преступников — продать ребенка людям, которые в последующем будут использовать его в качестве рабочей силы, лишив собственного имени, превратив в инструмент рабского труда. На Западе сложился негласный «черный рынок», на котором продаются дети. Издающийся во Франции журнал «Полис насъональ» (1976 г. № 100) пишет, что особое беспокойство вызывает черный рынок по продаже детей. В Калифорнии, например, ребенок на таком рынке стоит от 5 до 50 тыс. долларов. Так новоявленные работорговцы создают армию людей подневольного труда. Для принудительного труда похищаются и взрослые люди. По свидетельству того же журнала, в Италии в 1974 году было похищено 190 человек, а в 1975 году — 299.

Очевидно, что ликвидация рабства, в том числе скрытого, приведет и к уничтожению работорговли. Представляется логичным поэтому рассматривать работорговлю как международное преступление.

2. В современных условиях принудительный труд можно рассматривать как разновидность рабства. Корни этого явления уходят в самую систему эксплуататорского общества. Принудительный труд — наиболее интенсивная форма эксплуатации человека; причем правовое положение лиц, занятых принудительным трудом, сходно рабству.

В 1930 году была принята Конвенция № 29 относительно принудительного или обязательного труда⁵. Принудительный или обязательный труд определялся как состояние, в связи с которым человек выполняет «всякую работу или службу, требуемую от какого-либо лица под угрозой какого-либо наказания и для которой это лицо не предложило добровольно своих услуг».

Конвенция предусмотрела исключения из этого понятия в случаях, если выполняется: 1) работа или служба, требуемая в силу закона об обязательной военной службе и применяемая для работ чисто военного характера; 2) всякая работа или служба, являющаяся частью обыч-

ных гражданских обязанностей граждан полностью самоуправляющейся страны; 3) всякая работа или служба, требуемая от какого-либо лица по приговору, вынесенному компетентным судом, при условии, что эта работа или служба будет производиться под надзором и контролем государственных властей и что указанное лицо не будет уступлено или передано в распоряжение частных лиц, кампаний или обществ; 4) всякая работа или служба, требуемая в условиях чрезвычайных обстоятельств, т. е. в случаях войны или бедствия, как-то: пожар, наводнение, голод, землетрясение, сильная эпидемия или эпизоотия, нашествие вредных животных, насекомых или паразитов растений и вообще обстоятельства, ставящие под угрозу или могущие поставить под угрозу жизнь или нормальные жизненные условия всего или части населения; 5) мелкие работы общинного характера, т. е. работы, которые выполняются для прямой пользы коллектива членами данного коллектива и которые поэтому могут считаться обычными гражданскими обязанностями членов коллектива при условии, что само население или его непосредственные представители имеют право высказать свое мнение относительно целесообразности этих работ.

Причем и эти виды принудительного труда согласно Конвенции должны осуществляться под контролем государственной власти и не должны быть, как правило, связаны с удалением граждан от их места жительства. Кроме того, запрещается применять такой труд для выполнения подземных работ в шахтах или в качестве наказания коллектива за преступление, совершенное кем-либо из его членов. Имеется и ряд других ограничений.

Контроль за соблюдением Конвенции осуществляет Международная организация труда (МОТ). Как окончательную Конвенция провозглашает цель: упразднение принудительного и обязательного труда во всех его формах, установив и переходный к ликвидации срок — пять лет. Прошло уже много пятилетий после принятия Конвенции, а принудительный труд процветает скрыто и открыто во многих капиталистических и слаборазвитых государствах. Очевидно, полное уничтожение такого труда возможно только после ликвидации отношений эксплуатации и угнетения.

Понимая невозможность полного осуществления Конвенции, Советский Союз, однако, ведет постоянную

борьбу за уничтожение принудительного Труда. Следует иметь в виду, что Конвенция — один из самых «признанных» международно-правовых документов: ее подписали 143 государства.

Рабство, а также принудительный труд запрещены таким важным документом, как Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. В ст. 8 Пакта говорится, что никто не должен содержаться в рабстве, что рабство и работорговля запрещаются во всех видах. Никто не должен содержаться в подневольном состоянии, не должен принуждаться к принудительному или обязательному труду.

В отличие от Конвенции № 29 Пакт допускает применение каторжных работ по приговору суда и ничего не говорит о допустимости мелких работ общинного характера. Очевидно, различия в толковании некоторых понятий могут породить различную практику, а следовательно, возможные конфликты, что, конечно, нежелательно. Как нам представляется, законодательство о запрещении обязательного и принудительного труда нуждается в дальнейшем совершенствовании; неясности порождают иной раз спекуляции вокруг понятий принудительного и обязательного труда.

Советский Союз, будучи участником всех международных конвенций, заключенных по вопросам борьбы с рабством, работорговлей, принудительным и обязательным трудом, делает все для того, чтобы законодательство и международные соглашения по этим вопросам были более совершенны, действительно применялись на практике.

3. Уголовное законодательство СССР не содержит упоминаний о рабстве. Вполне очевидно, что социализм, уничтожив эксплуатацию человека человеком, ликвидировал социальные корни для существования такого явления, как рабство, и, соответственно, работорговля. Поэтому советский уголовный закон не знает и таких составов преступлений.

В то же время советский уголовный закон сохранил наказуемость ряда деяний, в основе которых лежат вредные обычаи прошлого. В частности, советский уголовный закон берет под защиту женщину, оберегая ее от «домашнего рабства», либо иных обычаев, ставящих женщину в зависимое положение, предусматривает ответственность за продажу, скрытую или открытую (уп-

лата калыма); за принуждение женщины к вступлению в брак или продолжению брачного сожителства либо воспрепятствование женщине вступить в брак, а также похищение женщины для вступления с нею в брак (ст. 233 УК РСФСР).

Советский законодатель установил ответственность за эти преступные деяния, исходя из социалистических принципов, согласно которым недопустимо насилие над личностью, тем более ее эксплуатация, в каких бы то ни было формах. Кроме того, социализм принес полное равноправие женщинам и мужчинам. Система социалистических общественных отношений не допускает такого отношения к женщине, которое ставит ее в неравноправное, подневольное, наконец, просто унижительное положение. Уголовный закон закрепил принципиальную позицию защиты этой группы социальных отношений, установив наказание за подобные деяния, как представляющие значительную общественную опасность.

Советский уголовный закон содержит нормы, определяющие ответственность за нарушение законодательства о труде (ст. 138 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик). Право на труд — конституционное право советских людей. Обязанность трудиться — конституционный принцип. Конституция СССР и Основы законодательства о труде закрепили завоевания, которые принес социалистический строй советским людям в области трудовых отношений

Уголовный закон защищает трудовые права граждан, устанавливая наказание за наиболее тяжкие нарушения этих прав и действующего трудового законодательства, заботясь о том, чтобы труд советских людей был действительно свободным, чтобы конституционные гарантии полностью соблюдались. Поэтому естественно, что в условиях социалистического общества не может быть места принудительному труду.

4. Такое преступление международного характера, как «торговля женщинами», возможно в двух формах. Первая — фактическая продажа женщин и детей в рабство. Это позорное явление существует многие века и отражает бесправное положение женщин в эксплуататорском обществе. Рабовладельцы — ранние и поздние — продавали, меняли женщин вместе с детьми либо, отрывая детей от матерей, дарили их. Рынки невольниц, особенно в странах Африки и Востока, были естественным

явлением, как и фруктовый рынок. Однако постепенно люди стали понимать унижительность этого вида эксплуатации. Последовали ограничения, затем соглашения между государствами о борьбе с торговлей женщинами и детьми. В чистом виде эта торговля подпадала под понятие рабства и работорговли.

Вторая форма продажи женщин — продажа для занятия проституцией.

Проституция — спутник эксплуататорских обществ. Бесправное, нищенское положение толкнуло женщину на улицу добывать средства к жизни, торгуя своим телом. В полном соответствии с закономерностями эксплуататорского общества родилась такая форма эксплуатации, как продажа женщин для занятия проституцией. Появились конторы, занимающиеся этим промыслом.

Двойная мораль буржуазного общества клеймила позором женщин, занимавшихся «недостойным» промыслом, но объявляла проституцию самой древней женской профессией, презрительно отворачивала от «падших» (по чьей вине?) женщин и в то же время широко пользовалась их «услугами», формально запрещала и фактически поощряла развитие проституции.

Эксплуатация женщин при этом приобрела такой размах и такие формы, что господствующие классы вынуждены были принимать какие-то меры, чтобы успокоить общественное мнение. Многие писатели, общественные деятели клеймили общество, породившее проституцию, его лицемерие. Достаточно вспомнить такие шедевры, как «Блеск и нищета куртизанок» Бальзака, «Нана» Золя, небольшую, но удивительно глубокую новеллу Ги де Мопассана «Пышка», наконец, «Яму» Куприна, чтобы понять, насколько глубоко волновала эта проблема прогрессивно мыслящих людей.

После многих предварительных шагов в 1910 году была подписана Международная конвенция о пресечении торговли женщинами. В Конвенции был сформулирован ряд составов преступлений, в частности склонение или вовлечение в разврат несовершеннолетних и совершеннолетних женщин и девушек, даже если отдельные действия, являющиеся частями этого преступного деяния, были совершены в разных странах. В отношении совершеннолетних женщин указанные действия считались преступными, если имел место обман, насилие, угрозы, злоупотребление властью или иной способ принуж-

дения. В то же время Конвенция указала, что договаривающиеся правительства могут устанавливать ответственность и за другие деяния подобного рода. Важное значение имела норма, согласно которой виновные в этих преступлениях должны наказываться лишением свободы и выдаваться по требованию других государств.

К сожалению, в Конвенции имелось немало пробелов, например отсутствовало указание об ответственности за насильственное задержание женщины в доме терпимости (такой нормы нет и в законодательстве многих буржуазных государств, что, впрочем, неудивительно, учитывая двойную мораль общества эксплуатации, не стремящегося довести борьбу с проституцией до логического конца). Конвенция не установила ответственности за сам факт продажи женщины.

В 1921 году заключается новая Конвенция — Женевская — о запрещении торговли женщинами и детьми. Она рекомендует государствам привлекать к уголовной ответственности лиц, вовлекающих женщин в занятие проституцией, занимающихся торговлей женщинами и детьми. В период до второй мировой войны был принят ряд актов, не сыгравших существенной роли в борьбе с этим преступлением международного характера.

После окончания второй мировой войны этой проблемой занялась ООН. 21 марта 1950 г. подписывается Конвенция о борьбе с торговлей людьми и эксплуатацией проституции третьими лицами. СССР присоединился к Конвенции в 1954 году, сделав при подписании заявление о том, что в СССР устранены социальные условия, порождающие подобного рода преступления, но, разделяя беспокойство других государств, Советский Союз как член международного сообщества государств, заинтересован в борьбе с этими преступлениями⁶.

Конвенция признала преступлениями международного характера следующие деяния:

1) сводничество, склонение или соращение в целях проституции другого лица, даже с его согласия;

2) эксплуатацию проституции другого лица, даже с его согласия;

3) содержание дома терпимости или управление им, а также сознательное финансирование и участие в финансировании дома терпимости;

4) сдачу в аренду «ли наем здания, или другого места, или части такового, зная, что они будут использо-

ваться в целях проституции третьими лицами;

5) покушение на совершение вышеуказанных действий, а также подготовку к ним;

6) умышленное соучастие в этих действиях.

Примечательно, что Конвенция не признала преступлением само занятие проституцией и, более того, предложила отменить практику регистрации проститутток и выдачу проституткам какого-либо специального документа.

Нельзя не отметить, что в Конвенции 1950 года нет ни одной статьи, которая устанавливала бы наказуемость торговли женщинами в целях проституции (хотя в названии ее говорится о торговле людьми). Представляется, что есть необходимость бороться за ее совершенствование.

5. Советское уголовное законодательство предусматривает ответственность за преступления против нравственности и социалистического уклада в области половых отношений. В частности, ст. 210 УК РСФСР карает за вовлечение несовершеннолетних в занятие проституцией, ст. 226 карает за сводничество и содержание притонов разврата. Ответственность за сводничество и содержание притонов разврата, как и за вовлечение в проституцию, наступает при том непереносимом условии, что виновный стремился извлечь из этого материальную выгоду.

В связи с этим необходимо подчеркнуть, что советское законодательство не употребляет термина «занятие проституцией». Дело в том, что проституция как явление, характерное для эксплуататорского общества, как профессия, с помощью которой женщина добывает себе средства к существованию, как явление, позволяющее извлекать наживу третьим лицам, в социалистическом обществе ликвидирована.

В ст. 210 законодатель, употребляя термин «вовлечение в проституцию», имеет в виду несовершеннолетних. При этом лица, вовлекающие несовершеннолетнюю девушку в разврат, наживаются на этом, т. е. не только толкают ее на путь разврата, но и извлекают из этого какую-либо материальную выгоду. Несовершеннолетняя, ставшая на этот путь, ответственности не подлежит. Таким образом, термин «проституция» в данном случае не имеет традиционного значения. Безусловно, это не означает, что в социалистическом обществе нет женщин, ко-

торые ведут себя аморально. Но это свидетельствует об их распушенности, а не о необходимости торговать своим телом, что характерно для традиционно понимаемой проституции. Борьба с аморальным поведением таких женщин — составная часть воспитательной работы Советского государства. Острые же уголовной репрессии законодатель направляет на тех, кто занимается сводничеством, вовлекает женщин, и особенно несовершеннолетних, в разврат.

Таким образом, в советском уголовном законодательстве, которое последовательно оказывает свое влияние на эту сферу общественных отношений, нет и не может быть большинства из тех преступлений, которые перечислены в соответствующих международных конвенциях. Тем не менее Советский Союз оказывает посильную помощь всем государствам в борьбе с последними, в частности путем совершенствования международных соглашений, с тем чтобы благородные положения Декларации прав человека реально действовали.

6. В законодательстве социалистических государств имеются статьи, карающие за преступления типа рабства, работорговли или незаконного принудительного труда. Как и в советском законодательстве, эти нормы являются, с одной стороны, отражением борьбы с пережитками старого общества, а с другой — ответом на международные соглашения по этим животрепещущим для человечества вопросам.

Так, законодательство ЧССР предусматривает ответственность за торговлю женщинами, в том числе (и главным образом) для занятия проституцией (мера наказания до 10 лет лишения свободы).

В Югославии в соответствии с международными конвенциями, а также с учетом того, что иного рода работорговли быть не может, законодатель предусматривает такой состав, как незаконная торговля белыми рабами; в данном случае речь, как видим, идет не о традиционном рабстве «цветных», а о рабстве людей с белым цветом кожи. Еще одна из форм — торговля женщинами в целях принуждения к занятию проституцией в другой стране (мера наказания — до 15 лет лишения свободы). Здесь тоже особенность: закон презюмирует, что в самой Югославии такой вид торговли женщинами исключен.

В Румынии за торговлю женщинами предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до 10 лет.

Пиратство

Пиратство у людей вызывает двойное чувство. С одной стороны, с этим явлением связаны представления о чрезвычайной жестокости морских разбойников. С другой — представления о пиратах связаны с романтическим ореолом вокруг людей этой «профессии», часто выступавших в качестве благородных мстителей за народные страдания или занимавшихся пиратством, чтобы мстить за собственные жизненные невзгоды и неудачи, как правило, людям, вышестоящим по своему общественному положению или положению в государстве. Многие известные писатели свои произведения посвящали «благородным» пиратам. Достаточно назвать таких писателей, как Джордж Гордон Байрон, Роберт Льюис Стивенсон, Луи Жаколио.

Имена многих пиратов известны не меньше, чем имена государственных деятелей, вошли в историю. Причем было немало людей, именовавшихся пиратами, которые, как выяснилось при более внимательном отношении к их жизни, вовсе таковыми не являлись. Достаточно вспомнить печальную историю капитана Кидда, который был послан на борьбу с пиратами английским королем Вильгельмом III для защиты судов Ост-Индской компании, добился успехов в борьбе с подлинными пиратами, а затем сам был необоснованно обвинен в пиратстве и окончил свою жизнь на виселице.

Не менее известной фигурой был прославивший грозой морей англичанин капитан Дрейк. Судьба, правда, была к нему более благосклонна. Много лет рыскавший по морю, то ли пират, то ли слуга английской короны — история не очень точно характеризует его — в конце жизни он был обласкан английской королевой и получил высшие знаки отличия английского королевства.

Пиратство в древности и в средние века было явлением чрезвычайно распространенным. Помимо владельцев судов, занимавшихся морским разбоем, на Адриатике (нынешнем побережье Югославии), на Средиземноморском побережье Италии, Северной Африки и других стран были пиратские поселения, жители которых существовали только за счет занятия этим преступным промыслом. Широко процветало пиратство на Ближнем и Среднем Востоке, в морях, омывающих Китай, Индонезию, Филиппины, Японию. Столь распространенный

преступный промысел наносил большой ущерб мореплаванию, которое становилось все более интенсивным средством общения и торговли между государствами. Пиратов считали опасными преступниками и вели с ними жестокую борьбу.

Следует отметить, что морским разбоем занимаются и в настоящее время. Достаточно сказать, например, что в 50-х годах Япония потеряла в результате пиратских нападений около 120 судов. Некоторые авторы указывают, что в 1961 году в районе острова Целебес было совершено несколько пиратских нападений на морские суда⁷.

Занимаются пиратством и по сей день. Так, в районе Малаккского пролива недавно была отмечена вспышка активности пиратов. По данным газеты «Стрейтс тайме», в 1976 году официально зарегистрировано около 80 случаев вооруженных нападений на суда.

Пираты отбирали деньги и добычу у рыбаков, деньги в судовых кассах и, хорошо ориентируясь в лиманах Сингапурского и Малазийского побережья, после совершенного нападения скрывались⁸.

Борьба с пиратством регулируется Женевской конвенцией об открытом море 1958 года. До ее принятия пиратство считалось преступлением по обычному праву, но трактовалось оно по-разному⁹. Мы подчеркнем лишь некоторые положения. В Женевской конвенции речь идет не только о судах-пиратах, но и о летательных аппаратах.

И до Женевской конвенции, и в какой-то степени после ее принятия в литературе и на практике шел спор: пираты — это частные лица или возможно «государственное пиратство»? Конвенция вполне определенно считает, что пиратскими могут быть действия только частновладельческих судов или летательных аппаратов¹⁰. Истории известны случаи, когда военные суда различных государств занимались морским разбоем. Достаточно вспомнить период войны в Испании, которую вели немецкие и итальянские фашисты, поддерживая клику Франко. Суда многих нейтральных стран, торговые суда подвергались нападениям фашистских военных судов. Как известно, тогда погибли и три советских парохода — «Комсомол», «Благоев» и «Тимирязев».

В 1937 году, как реакция на эти разбойные нападения, было подписано Нионское соглашение, установив-

шее, что нападение на нейтральное судно должно рассматриваться как пиратство. Стороны, подписавшие это соглашение (среди них был и Советский Союз), договорились распространить принципы этого соглашения на нападения, совершенные надводными судами и самолетами¹¹. Однако соглашение не получило всеобщего признания, да и из текста его не очень ясно, какие именно суда (самолеты) должны признаваться пиратствующими.

Вновь возник этот вопрос после известного нападения и захвата чанкайшистами советского танкера «Туапсе». Советский Союз в 1954 году поставил в ООН вопрос о признании таких действий преступными. Однако империалистическое большинство под нажимом делегации США «утопило» этот вопрос, передав его в комиссию международного права, которая впоследствии признала, что действия военных кораблей в открытом море нельзя считать пиратством¹².

Нам представляется, что, несмотря на тяжесть последствий, вряд ли нападения военных судов (или самолетов) можно квалифицировать как пиратство, хотя действия эти, безусловно, преступны. Женевская конвенция 1958 года, при всей спорности и неполноте ряда ее положений, вобрала в себя многовековой опыт борьбы с преступлениями в открытом море. Пираты всегда действовали самостоятельно, на свой страх и риск. Целью пиратства были захват людей, часто для продажи или эксплуатации, захват грузов и ценностей для обогащения. Именно благодаря этому могли существовать целые пиратские поселения и города.

Такие действия военных судов, как нападения немецких и итальянских фашистов в период войны в Испании или нападения чанкайшистов на советский танкер «Туапсе», как и любое подобного рода нападение, не преследуют тех целей, которые ставили перед собой пираты. Кроме того, пираты были частновладельцами. Они не подчинялись никакой власти и не по ее указанию совершали свои преступления. Поэтому все государства всегда были заинтересованы в борьбе с этим преступлением.

Действия же военных кораблей только внешне выглядят как пиратство, ибо они нападают на беззащитные суда. На самом же деле и правительство фашистской Германии, и правительство фашистской Италии были не только заинтересованы в таких нападениях, но давали на этот счет вполне определенные указания. Такие дей-

ствия нельзя квалифицировать как пиратство, это слишком мягкая квалификация, не соответствующая ни характеристике содеянного, ни степени его опасности для международного общения.

Кроме того, в подобных случаях одна группа государств выступает с враждебными действиями против других. Следовательно, нет заинтересованности всех государств в борьбе с такими нападениями. Поэтому правы, на наш взгляд, те авторы, которые полагают, что действия военных судов не могут рассматриваться как действия отдельных, частных лиц, а должны квалифицироваться как агрессивные действия со стороны государства, которому принадлежат совершившие нападение военные корабли¹³.

«Невозможно оспаривать противоправность нападений государственных судов и военных кораблей на суда других стран в открытом море, -- пишет Л. Н. Галенская. — Однако бороться с такими действиями надо не путем подведения их под понятие пиратства, обычного уголовного преступления, а квалифицируя их как акты агрессии, то есть как опаснейшее международное преступление, чреватое угрозой миру и безопасности народов. Как и любые другие акты агрессии, нападения такого рода должны влечь за собой политическую и материальную ответственность государств и уголовную ответственность непосредственных исполнителей»¹⁴.

Сказанное нуждается лишь в одном уточнении: пиратство не обычное уголовное преступление, а преступление международного характера.

Такая позиция чрезвычайно важна и для отграничения международных преступлений от преступлений международного характера, ибо в обычном «классическом» виде пиратство не может быть отнесено к международным преступлениям.

Женевская конвенция 1958 года признает пиратством «любой неправомерный акт насилия, задержания или грабежа». Пиратством на практике и в литературе считают также потопление судна, обстрел, бомбардировку с воздуха, убийство членов экипажа или пассажиров подвергнувшегося нападению корабля. Наконец, пиратством признают и самый факт задержания судна и находящихся на нем людей. Причем следует подчеркнуть, что все эти действия совершаются в личных целях, главным образом с целью обогащения.

В связи с этим возникает вопрос: правомерно Ли считать пиратством бомбардировку с воздуха и обстрел? Традиционное понятие пиратства связано с захватом людей, захватом имущества и т. д., т. е. с извлечением определенной выгоды. Чего достигает «пират», когда обстреливает корабль либо путем налета с воздуха уничтожает корабль и людей? Сходство с пиратством лишь в одном: действия совершаются в открытом море. На этом сходство кончается. По традиции такие действия называют пиратством. Однако представляется, что в подобных случаях есть основания для иной квалификации. Действия преступников, уничтожающих корабль и людей, «а нем находящихся, путем налета с воздуха, скорее сходны с действиями террористов. Налет на людей на земле, убийства из пулеметов, нападение вслед за этим на аэродром с тем, чтобы, взяв заложников, скрыться с места преступления, мы ивалифицируем как терроризм. Такое же, по сути дела, убийство людей в открытом море и уничтожение или повреждение корабля называют пиратством, хотя оно мало чем отличается от действий «наземных» террористов. Различно только место совершения преступления, но не цель и не характер его. При этом у преступников, действующих на море, есть одно, но существенное преимущество. Сделав свое дело, они безнаказанно, не боясь быть схваченными, скрываются с места преступления.

Конечно, такие действия могут быть совершены из мести. Но, во-первых, мотив сам по себе не определяет состава преступления; во-вторых, вряд ли можно всерьез говорить о мести, когда в результате бомбардировки гибнут десятки или сотни ни в чем не повинных людей, подавляющее большинство которых (а может быть и всех) преступники и не знают.

Вопрос становится еще более серьезным, если такие действия совершает организованная группа людей.

Все сказанное позволяет нам предложить квалифицировать некоторые виды деяний, относимых к пиратству, как терроризм.

Хотя последствием пиратства могут быть и человеческие жертвы, и материальный ущерб, все же это менее опасное, чем терроризм, преступление. Выше, подчеркивая опасность «государственного терроризма», т. е. агрессии, мы стремились показать, как важно дать точную юридическую квалификацию внешне сходным, но

различным по характеру и объективной стороне преступным деяниям, ибо преступление международного характера может перерасти в международное преступление. Эти соображения существенны и в данном случае.

Женевская конвенция разрешает задержание пиратского судна любому государству. В ст. 19 Женевской конвенции по этому поводу говорится: «В открытом море или в любом другом месте, находящемся за пределами юрисдикции какого бы то ни было государства, любое государство может захватить пиратское судно, или пиратский летательный аппарат, или судно, захваченное посредством пиратских действий и находящееся во власти пиратов, арестовать находящихся на этом судне или летательном аппарате лиц и захватить находящееся на нем имущество». Подобные действия могут осуществлять военные корабли или самолеты, а также суда и самолеты, находящиеся на государственной службе и на тоуполномоченные.

Таким образом, ответственность за пиратство виновные должны нести в соответствии с национальным законодательством.

Советское законодательство не предусматривает ответственности за пиратские действия. Нам представляется, что сам факт ратификации Женевской конвенции об открытом море 1958 года предполагает необходимость установить уголовную ответственность за подобные действия. Причем это должно выглядеть и как форма помощи другим государствам, и как акт укрепления международного сотрудничества.

В законодательстве большинства социалистических государств ответственность за пиратство также не предусмотрена. Исключением является уголовное законодательство Румынии, где довольно детально дается описание состава пиратства. Понятие пиратства распространяется на воздушные суда и на те случаи, когда воздушное судно нападает на судно морское. Пиратство, совершенное с целью ограбления, влечет наказание в виде лишения свободы на срок до 10 лет, пиратство, сопряженное с насилием над пассажирами, — лишение свободы на срок до 12 лет или пожизненные каторжные работы.

Субъектом такого преступления, как пиратство, могут быть граждане любого государства. Это означает, что ответственность по законодательству любой страны

несет в равной степени как гражданин этой страны, так и иностранец. Для капиталистических стран это существенно. Для социалистических, в том числе для Советского Союза, такое положение имеет лишь принципиальное значение, ибо общественные отношения социализма, гуманистические принципы и идеалы, на которых воспитаны члены общества, исключают подобное преступление.

Распространение порнографии

1. Латинские слова *pornos* — неприличный, *grafire* — писать легли в основу понятия, означающего неприличное изображение половых сношений. Порнография включает не только само изображение, но все возможные способы отображения половой жизни: изготовление предметов порнографического содержания, изображение сцен половой жизни, написание произведений, в которых в неприкрыто оголенном, неприличном виде изображается половая жизнь, и т. д. В последнее время особое распространение в западных странах получили кинокартины порнографического содержания.

Немного истории о международных соглашениях, направленных на борьбу с порнографией. Откровенные сцены из половой жизни мы можем найти и в памятниках древности. Например, среди развалин Помпеи есть настенные изображения, имеющие неприличный характер.

Возбуждая нездоровый интерес /к сексуальным отношениям, эксплуататорские классы всегда стремились отвлечь человека от социальных и тем более классовых проблем. Опошляя интимные отношения между людьми, они стремились исказить взгляды человека на жизнь, представить ее как нечто чисто личное, даже животное, вне общества стоящее.

Однако в преступности, как и во всех социальных явлениях, есть грани, переходить которые не может даже буржуазное общество, ибо мораль большинства народа не может смириться с двойной моралью господствующих классов. Порнография, как противоестественное явление, вызвала возмущение, требования ее запрета, что и привело к заключению международных соглашений. Первым таким соглашением было соглашение от 4 мая

1910 г., заключенное 15-ю государствами в Париже. В нем шла речь о взаимной информации с целью облегчения розыска преступников, а также ознакомления с законодательством и состоявшимися судебными процессами. Вопрос о конкретных видах преступлений, связанных с распространением порнографии, не рассматривался.

В 1923 году в Женеве заключается Международная конвенция о пресечении обращения порнографических изданий и торговли ими¹⁵. В ней, в частности, перечислен ряд деяний, которые объявлены наказуемыми в уголовном порядке и которые, соответственно, должны найти отражение в национальном законодательстве. Это: 1) изготовление, хранение порнографических изданий с целью их продажи, распространения или публичного выставления; 2) ввоз, провоз, вывоз (лично или через другое лицо) в вышеуказанных целях таких изданий или пуск их в обращение; 3) торговля (даже не публичная), распространение, публичное выставление, сдача в прокат в качестве профессии порнографических изданий; 4) анонсирование или оглашение путей, через которые эти издания можно достать.

В Конвенции имеется примерный перечень порнографических изданий, который может быть дополнен национальным законодательством. Это — сочинения, фильмы, открытки, рисунки, гравюры, картины, печатные издания, изображения, афиши, эмблемы, фотографии. Советский Союз присоединился к Конвенции в 1935 году. В уголовные кодексы союзных республик были включены нормы (ст. 228 УК РСФСР и соответствующие статьи УК Других союзных республик), предусматривающие уголовную ответственность за изготовление или сбыт порнографических изделий.

Женевскую конвенцию ратифицировали 63 государства (в современных условиях этого явно недостаточно). Однако попыток к расширению сферы действия Конвенции не предпринимается. Кроме того, и это главное, Конвенция практически не выполняется. Больше того, современная практика капиталистических государств в той области, которая именуется там искусством, подрывает эту Конвенцию, сводит ее положения на нет.

Все сказанное позволяет нам утверждать, что в международном плане не ведется борьба с распространением порнографии. Чтобы убедиться в этом, достаточно по-

сетить любой город капиталистической страны; со всех углов там кричат о вседозволенности так называемой сексуальной жизни, заменившей повсеместно общечеловеческое слово «любовь». Порнографические журналы, книги, фильмы заполнили капиталистические государства. Огромными тиражами выпускаются псевдоучебные фильмы о половой жизни. «Теоретики» художественного кино, проповедуя вседозволенность, делят эти фильмы на «игровые» и «натуральные». Разница между ними практически только в том, что вторые еще более откровенны, чем первые, хотя и первые вполне откровенны. Вместо того чтобы выполнять международные соглашения о борьбе с порнографией, выпускаются фильмы с такими, например, названиями: «Сексуальная жизнь в Дании», «Школа порнографии» и т. д.

С достойной сожаления настойчивостью столпы «массовой» культуры буржуазного общества оглушают население, выдавая моральное разложение за эталон поведения «современного человека», пропагандируя свободу сексуальной жизни, стремятся отвлечь трудящихся, особенно молодежь, от социальных и классовых проблем. Даже Рим, где католическая церковь имеет немалую силу, охвачен волной секса. Буржуазные теоретики во весь голос вещают об эре научно-технической революции, сочетающейся с так называемой сексуальной «революцией», которой оправдывается все, включая полный отказ от наказания за распространение порнографии.

Таким образом, мы приходим к выводу, что капиталистическое общество (общество, а не отдельные государства) игнорирует те обязательства, которые приняты в области борьбы с распространением порнографии, несмотря на колоссальный вред, который она приносит и который признается буржуазией (первые соглашения о борьбе с распространением порнографии были заключены еще до возникновения первого в мире социалистического государства). В связи с этим нельзя не оказать, например, об уголовном законодательстве Дании (хотя Дания стала ныне одной из законодательниц «порнографической моды»). В Уголовном кодексе предусмотрена наказуемость не только открытой порнографии, но и ее «смягченных» видов, которые «служат исключительно для спекуляции на возбуждении чувственности». Однако говорить о применении закона на практике давно уже не приходится. Такое положение характерно для всех капи-

талистических стран. В Австрии, например, в марте 1950 года (с поправками 1952 года) был принят акт с весьма громким названием: «Закон о борьбе с непристойными публикациями и о защите молодежи от опасной нравственной порчи». Однако закон принят, но не применяется.

В то же время, когда у буржуазных государственных и политических деятелей появляется надобность свести счеты с кем-то из людей, пусть какое-то время заблуждавшихся, но в целом прогрессивных, «столпы общества» вспоминают о «благопристойности». По этой причине, например, был лишен избирательных прав на длительный срок прогрессивный итальянский кинорежиссер Бертолуччи, хотя его фильм, послуживший формальной причиной его наказания («Последнее танго в Париже»), не может быть даже сравнен с теми откровенно порнографическими фильмами, которые заполнили экраны той же Италии. Причина «отлучения» Бертолуччи глубже. Картина, за которую он лишен избирательных прав, вышла много лет назад, а новые его картины изобличают пороки буржуазного общества.

Лживость буржуазной морали проявляется в том, что она объявляет порнографию (как и проституцию) вредной, говорит о необходимости борьбы с ней, но в то же время поощряет распространение порнографии под видом «заботы» о свободе личности и свободе сексуальных отношений.

Представляется очевидным, что вести борьбу с распространением порнографии, как преступлением международного характера, разлагающе действующим на определенную часть населения, необходимо не только внутри государств, но и на международной арене, поскольку индустрия порнографии заполонила многие страны, перешагнула границы государств.

2. Советский Союз, выполняя обязательства, принятые на себя по международным соглашениям, сформулировал состав преступления, направленный на борьбу с распространением порнографии. Статья 228 УК РСФСР предусматривает ответственность за изготовление, распространение, рекламирование, торговлю и хранение порнографических изданий.

Таковыми считаются сочинения, изображения и т. д., в которых содержатся непристойные описания, воспроизведение обстоятельств, связанных с половыми **отноше-**

ниями, имеющие целью или могущие иметь своим результатом возбуждение половой страсти. Очевидно, что не все описания, изображения отношений между мужчиной и женщиной должны быть отнесены к порнографии. Речь идет о непристойных, неприличных, вульгарных изображениях этих отношений, вызывающих нездоровый интерес и половую страсть.

Под изготовлением порнографических предметов либо изображений понимается создание их целиком или частично любым способом (лепка, вырезание из дерева и т. п.), рисование или фотографирование как с натуры, так и с уже имеющегося оригинала. Изготовлены могут быть также пленки звукозаписывающей аппаратуры; непорнографические предметы или изображения могут быть переделаны в порнографические.

Распространение порнографических предметов и изображений — это их продажа или дарение с целью ознакомления многих (двух и более) лиц. Распространены могут быть как многие отдельные предметы и изображения, так и «опии с какого-нибудь одного предмета или изображения.

Корыстная цель, получение какой-либо платы для состава преступления значения не имеет. Важен сам факт распространения. Рекламирование сходно с распространением, но уже по своим последствиям, так как рекламу может видеть меньшее число людей.

Хранение порнографических изделий и изображений наказуемо только тогда, когда оно имеет целью последующую продажу или распространение. Хранение для личного пользования может быть признано безнравственным, но состава преступления, предусмотренного ст. 228 УК РСФСР, не образует и не влечет уголовной ответственности.

Изготовление, распространение или рекламирование порнографии и торговля ею наказываются лишением свободы на срок до 3 лет или штрафом до 100 руб. с конфискацией предметов порнографии и средств ее производства.

Названные положения советского уголовного закона имеют предупредительное значение и как норма внутреннего законодательства, и как мера борьбы с преступлением международного характера, вытекающая из принятых на себя Советским Союзом обязательств по международным соглашениям.

ИНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ХАРАКТЕРА

Разрыв или повреждение подводного кабеля

1. Конвенция об охране подводных телеграфных кабелей была заключена в марте 1884 года в Париже. Советский Союз является участником этой Конвенции. Необходимость охраны прокладываемых по дну моря кабелей как средства сообщения между государствами очевидна. Вопрос этот практически возник сразу же после того, как прокладка кабелей стала технически возможной и это средство связи стало все шире применяться.

Конвенция ставит под охрану кабель, проложенный в открытом море, за пределами территориальных вод. В ней содержится следующее указание: разрыв или повреждение подводного кабеля, произведенные умышленно или по преступной оплошности, могущие иметь последствием перерыв или приостановку, вполне или отчасти, телеграфных сообщений, подлежат наказанию, независимо от гражданского иска о возмещении издержек и убытков.

Эти положения не относятся к лицам, повредившим кабель в связи с необходимостью — охранить свою жизнь или безопасность своих судов, принявших предварительно все меры предосторожности для избежания таких разрывов или повреждений (ст. 2).

Следует подчеркнуть, что Конвенция действует только в мирное время.

Необходимо отметить некоторые особенности Конвенции как документа международного характера.

Во-первых, в ней отчетливо проводится принцип вины: разрыв или повреждение кабеля влекут ответственность только при наличии вины умышленной или неосторожной. Хотя термин «преступная оплошность» не очень точен, но можно считать, что он включает неосторожность как в форме небрежности, так и в форме самонадеянности.

Во-вторых, Конвенция содержит единственную в своем роде норму: государства обязаны установить за

разрыв или повреждение морского телеграфного кабеля такое наказание, как денежный штраф и арест.

В советском уголовном законодательстве при реализации положений Конвенции вопрос об ответственности за разрыв или повреждение подводного кабеля решается следующим образом.

Статья 205 УК РСФСР (и соответствующие статьи УК Других союзных республик) предусматривает наказание за неосторожное преступление. Ответственность наступает, когда разрыв или повреждение морского телеграфного кабеля вызвали или могли вызвать пере-рыв телеграфного сообщения.

Под разрывом понимается такое состояние кабеля, когда он теряет состояние целостности и требует либо полного соединения его частей, либо наращивания новой соединительной ткани.

Повреждение не связано с полной порчей морского телеграфного кабеля, но оно должно быть таким, какое вызвало или могло по своему характеру вызвать пере-рыв телеграфного сообщения.

В случаях умышленного разрыва или повреждения морского телеграфного кабеля ответственность наступает по ст. 98 УК РСФСР (и соответствующим статьям УК других союзных республик) как за уничтожение или повреждение государственного или общественного имущества. Ответственность наступает как при прямом, так и при косвенном умысле.

Если должностное лицо не выполняет или ненадлежащим образом выполняет возложенные на него обязанности по охране кабеля, ответственность наступает за должностное преступление. Такие случаи могут быть при производстве работ близ кабеля. Должностное лицо знает о том, что в районе работ или вблизи от них находится морской телеграфный кабель, но не принимает мер к его сохранности путем ограждения, в результате чего наступает повреждение или разрыв кабеля. Однако поскольку ст. 205 УК РСФСР (и соответствующие статьи УК других союзных республик) не поглощает собой состава уничтожения или повреждения государственного или общественного имущества (ст. 99 УК РСФСР), содеянное квалифицируется по совокупности ст.ст. 205 и 99 УК РСФСР. Мера наказания может назначаться либо по принципу поглощения, либо по принципу сложения наказаний.

Столкновение морских судов и неоказание помощи на море

1. Интенсификация мореплавания привела к тому, что стало необходимым установить правила судождения на море. Сначала такие правила принимали отдельные государства. Сейчас действуют Международные правила предупреждения столкновения судов на море 1948 года, содержащие различные технические правила; вопросы ответственности в случае столкновения судов регулируются Брюссельскими конвенциями 1910 года. Постановлением СНК СССР от 2 февраля 1926 г. они признаны действующими в СССР¹.

Преступления эти имеют свою специфику. В отличие от других преступлений международного характера они носят, мы бы сказали, черты должностных преступлений. Субъектом преступления могут быть лишь должностные лица: капитан, дежурный помощник или вообще лицо, которому в данное время доверено вождение корабля. Поэтому любые ненадлежащие действия такого лица не просто преступление, а деяние лица, которое исполняет возложенные на него должностные обязанности.

Указанные деяния (особенно столкновение морских судов) несут на себе черты и другой группы преступлений: нарушения правил техники безопасности.

Наконец, такое преступление, как столкновение судов, является нарушением правил безопасности и эксплуатации транспортных средств.

Таким образом, данный вид преступлений международного характера — своего рода комплексное преступление, несущее в себе признаки ряда преступлений.

Ответственность за столкновение судов наступает в случае виновного действия или бездействия лица.

Столкновение судов вследствие непреодолимой силы исключает ответственность за столкновение судов, но не исключает ответственности за неоказание помощи на море, если к тому была малейшая возможность.

Конвенция 1958 года об открытом море установила следующее правило: «В случае столкновения или какого-либо другого происшествия с судном при плавании в открытом море, вызывающего уголовную или дисциплинарную ответственность капитана или какого-либо другого лица на службе судна, какое бы то ни было уголовное или дисциплинарное преследование против этого ли-

ца может быть возбуждено только перед судебными или административными властями государства флага или того государства, гражданином которого это лицо является».

Поскольку возможно столкновение интересов государства флага и гражданства, это правило толкуется наукой. Наиболее правильной нам представляется точка зрения С. В. Молодцова, считающего, что государство флага судна является компетентным преимущественно, а вопрос о юрисдикции государства гражданства может наступить в том случае, если виновный избежал ответственности или государство, гражданином которого является виновный, лишит своего гражданина диплома или квалификационного свидетельства².

2. В советском уголовном законодательстве в соответствии с международными конвенциями существует ряд норм, регулирующих ответственность за совершение рассматриваемых преступлений.

Статья 204 УК РСФСР в соответствии с Брюссельской конвенцией 1910 года предусматривает ответственность за несообщение капитаном судна столкнувшемуся с ним судну названия порта приписки либо места своего отправления и назначения, несмотря на возможность сообщить эти сведения.

Данная статья УК распространяется на капитана того судна, который не виновен в столкновении. Речь идет об ответственности не за факт столкновения, а за несообщение о названии порта приписки либо места отправления и назначения капитану другого судна. Если капитан судна не сообщает указанных в законе сведений, он не позволяет тем самым установить подлинную картину событий, затрудняет принятие окончательного и правильного решения и по вопросам технического порядка, и по вопросам о мере, степени и формах ответственности участвовавших в событии капитанов и других должностных лиц.

Капитан судна, по чьей вине произошло столкновение, несет ответственность по ст. 85 УК РСФСР, предусматривающей наказание за нарушение правил безопасности и эксплуатации транспорта. Л. Н. Галенская полагает, что ответственность в данном случае наступает только при умышленной вине³. Мы полагаем, что при транспортных преступлениях возможна сложная форма вины, умысел при нарушении правил и неосторожность по отношению

к последствиям. Ответственность наступает и в случае неосторожной вины по отношению к нарушению правил, а не только по отношению к последствиям. Мы не можем согласиться с Л. Н. Галенской, которая исключает ответственность в этом случае. Более того, если капитан действовал умышленно и по отношению к нарушению правил, и по отношению к последствиям, то его действия следует квалифицировать как умышленное повреждение имущества, а иногда и по совокупности как убийство (причем многих людей).

Таким образом, сложились два близких по характеру и месту совершения преступления — столкновение судов и неоказание помощи на море. Они могут быть связаны друг с другом, например, когда происходит столкновение судов и менее поврежденное судно уходит с места происшествия, не оказывая помощи терпящим бедствие. Но каждое из них может быть самостоятельным преступлением. Если после столкновения, виновные в нем оказывают помощь потерпевшим, спасая их, это не освобождает от ответственности за столкновение, хотя спасение потерпевших может и, вероятно, должно рассматриваться как смягчающее обстоятельство.

3. Если столкновение судов на море может быть следствием технической неисправности, плохой видимости, недостаточной квалификации капитана или лица, в момент столкновения управлявшего судном, и т. п., то неоказание помощи на море — это преступление всегда умышленное, свидетельствующее либо о трусости, либо о низком моральном уровне виновных, наконец, о том, что они умышленно предают забвению традиционную для мореплавателей профессиональную обязанность помогать людям, терпящим бедствие. Безусловно, при этом действует общий принцип, согласно которому вред, предотвращаемый должен быть большим, чем вред, который может наступить. Поэтому в международных конвенциях предусматриваются конкретные правила, которые должны соблюдаться при происшествиях на море, когда возникает обязанность оказания помощи терпящим бедствие.

Одна из Брюссельских конвенций 1910 года содержит некоторые правила оказания помощи и спасения на море. Она возлагает на капитана обязанность, «насколько он может это сделать без серьезной опасности для своего судна, своего экипажа, своих пассажиров, ока-

зять помощь всякому лицу, даже враждебному, встреченному в море, в опасности погибнуть» (ст. 11). Таким образом, Конвенция обязывает оказывать помощь даже враждебному лицу, если оно терпит бедствие на море. При этом безразлично, о каком судне — военном, пассажирском или ином — идет речь. Буквальное толкование Конвенции приводит к выводу, что помощь должна оказываться судну государства и в том случае, если судно-спаситель принадлежит государству, находящемуся в состоянии войны со спасаемым. Однако это правило, как показал опыт первой мировой войны, не соблюдается. Кайзеровская Германия не только не помогала тонущим судам, но варварски топила пассажирские суда. Достаточно вспомнить печальный пример огромного по тем временам пассажирского парохода «Лузитания». Наследники кайзеровской Германии — гитлеровцы активно занимались морским разбоем и не помышляли о соблюдении Брюссельских конвенций, как и вообще каких-либо норм международного права либо норм гуманности.

В государствах, где законодательство приведено в соответствие с Брюссельскими конвенциями и Конвенцией об открытом море, ответственность за неоказание помощи на море наступает, если: 1) в открытом море обнаружены погибающие, но им не оказана помощь; 2) капитаном судна получены сигналы бедствия, а он, находясь на расстоянии, позволяющем прибыть к месту происшествия, не сделал этого; 3) при оказании помощи не подвергаются серьезной опасности собственное судно, экипаж и пассажиры.

Последнее правило для советских моряков не всегда служит препятствием для оказания помощи потерпевшим на море. Известно немало случаев, когда советские моряки делали это с риском для собственной жизни.

Преступления, совершаемые на борту воздушного судна

Первым законодательным актом, регулирующим ответственность за преступления, совершаемые на борту воздушного судна, была Токийская конвенция 1963 года⁴. Ее принятие было обусловлено тем, что, с одной стороны, развитие авиации значительно облегчило эко-

номические и иные связи между государствами, способствовало укреплению сотрудничества между ними. С другой стороны, появились деяния, мешающие нормальному функционированию авиационной службы, в частности случаи использования самолетов в преступных целях. Такие деяния наносили ущерб общению между государствами, ставили в опасность жизнь многих людей.

Токийская конвенция лишь обозначила те действия, которые могли считаться преступными. Последующие события показали ее неполноту, ибо появились столь опасные преступления, как захват и угон самолетов с террористическими намерениями.

Однако совершенно очевидно, что необходимо вести борьбу не только с угоном самолетов, но и с любыми другими преступлениями, совершаемыми на борту воздушного судна. Преступные действия, совершенные на борту воздушного судна в условиях, когда опасность угрожает многим людям, когда эти действия практически могут привести к гибели людей, указывают на их повышенную опасность.

Какие же деяния, кроме угона самолетов, следует отнести к их числу? Конвенция исключает политические преступления, а также преступления, основанные на расовой или религиозной дискриминации, кроме случаев, когда этого требует безопасность судна, лиц и имущества, находящегося на борту (ст. 2). Из этого можно сделать, однако, вывод, что общеуголовные преступления, хотя бы совершенные по политическим мотивам, подпадают под действие Конвенции. Хотя в ней нет указания на конкретные составы преступлений (исключая указания на действия, направленные на захват самолета, находящегося в полете), представляется, что таковым может быть любое общеуголовное преступление. Недостаточная четкость формулировок порождает ряд вопросов. Так, из п. 1 ст. 11 следует, что преступным признается не только оконченное деяние, но даже наличие одного только умысла на его совершение. Но как установить этот умысел, по каким действиям, остается неясным.

Анализ текстов последующих соглашений по данному вопросу позволяет выделить положения, выработанные на Международной дипломатической конференции в Монреале 23 сентября 1971 г.

Статья 1 Конвенции об устранении незаконных действий, направленных против международной гражданской авиации и ее учреждений, назвала такие действия, когда преступник:

а) совершает акты насилия в отношении лица, находящегося на борту воздушного судна в полете, если это деяние может угрожать безопасности судна;

б) уничтожает воздушное судно на службе или производит такое повреждение, которое делает его неспособным к полету или может угрожать его безопасности в полете;

в) помещает в воздушном судне какие-либо вещества или предметы, которые могут уничтожить это судно либо повредить его;

г) уничтожает или повреждает оборудование воздушного судна или нарушает его работу;

д) передает неправильную информацию, угрожая этим воздушному судну в полете.

Конвенция дает толкование употребляемым терминам. Так, самолет считается находящимся в полете не только когда он летит, но и тогда, когда его вынудили приземлиться. Самолет считается находящимся на службе начиная с момента приготовлений к полету до истечения 24 часов после приземления.

Под действие Конвенции подпадают преступления на самолетах, совершающих международные или внутригосударственные рейсы; причем преступления, связанные с уничтожением или повреждением оборудования самолета, подпадают под действие Конвенции лишь в случае совершения самолетом международного рейса.

Таким образом, данная Конвенция помимо общеуголовных преступлений, которые могут быть совершены на борту воздушного судна, называет конкретные преступные деяния, отражающие специфику этого вида преступлений.

По действующему советскому уголовному законодательству эти деяния должны квалифицироваться следующим образом.

Акты насилия — это любое преступление против личности, включая захват чужого имущества с применением насилия; квалификация: от убийства до грабежа

Уничтожение судна, повреждение его — повреждение либо уничтожение государственного либо общественного имущества.

Помещение веществ или предметов, могущих уничтожить судно или повредить его — незаконная перевозка взрывчатых или легковоспламеняющихся веществ

Передача неправильной информации — незаконное радиовещание. По нашему мнению, любое деяние в подобных случаях должно считаться совершенным при отягчающих обстоятельствах, ибо оно опасно для жизни многих людей.

Положения настоящей Конвенции, как нам представляется, обязывают продумать вопросы совершенствования внутригосударственного уголовного законодательства, которое не всегда и не во всем отражает особенности этого вида преступлений международного характера, хотя общественная опасность их очевидна.

Этим исчерпываются составы преступлений, относящиеся к числу преступлений международного характера. Очевидно, что могут появляться новые группы отношений, которые необходимо будет защищать силой международного уголовного закона. Однако в настоящее время рассмотренные составы исчерпывают систему таких преступлений. Мы понимаем, что классификация, предложенная нами, не бесспорна, ее можно и нужно развивать и совершенствовать.

**ПРЕСТУПЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ХАРАКТЕРА
И УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ТЕОРИЯ**

Глава VII

**ПРОБЛЕМА ЗАКОННОСТИ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ
МЕЖДУНАРОДНОГО ХАРАКТЕРА**

1. Рассматривая проблему международной законности, следует иметь в виду ее особенности. Во-первых, закон в международном и международном уголовном праве отличен от закона в национальном праве (прежде всего по источнику возникновения). Закон во внутригосударственном праве, в том числе уголовный, — это акт власти государства. Для создания норм в международном праве нет органа, который бы издавал законы, обязательные для всех государств. В международном праве (и международном уголовном праве) закон принимается (и издается) на основе договора группой государств или международным сообществом. Ответственность за нарушение закона наступает тогда, когда об этом достигнута договоренность. На основе договоренности могут быть приняты международные акты либо внесены соответствующие изменения в национальное законодательство. Осуждение за преступление в последнем случае последует на основании нормы национального законодательства. Но источник этой нормы — договорные отношения. Мера наказания в договоре, как правило, не указывается, определить ее — прерогатива государства.

Попытка отождествить внутренние законы и международно-правовые акты была сделана на Нюрнбергском процессе адвокатами, защищавшими военных преступников. Они утверждали, что ответственность военных преступников возможна только при соблюдении принципа: никто не может быть наказан иначе как на основе закона, ранее изданного и опубликованного.

Очевидно, что этот принцип внутригосударственного права не может быть перенесен в международное уголовное право, отождествление внутренних уголовных законов с международными уголовно-правовыми нормами несостоятельно юридически.

Выступая на Нюрнбергском процессе, Главный обвинитель от Советского Союза Р. А. Руденко подчеркнул: «... как в сфере национальной приняты законодательными палатами и надлежаше опубликованный закон есть безусловное и достаточное легальное основание деятельности органов национальной юстиции, так в сфере интернациональной заключенный между государствами договор есть безусловное и достаточное законное основание для осуществления и деятельности созданных этими государствами органов интернациональной юстиции... Устав Трибунала существует и действует, и все его предписания имеют безусловную и обязательную силу»¹.

Для соблюдения законности необходимо, чтобы, с одной стороны, выполнялись международные договоры об ответственности за деяния, признанные преступлениями, и внутренние законы, принятые на основе договоров — с другой.

Во-вторых, разные социально-политические системы существующих в мире государств ведут к разному пониманию законности как принципа права. В буржуазном обществе формально-юридическое понимание законности даже в этом виде часто вступает в противоречие с интересами буржуазии, которая, иногда скрывая это, а иногда открыто, отказывается от соблюдения законности. В то же время создается видимость подлинной заинтересованности буржуазии в соблюдении законов.

Как известно, во времена французской буржуазной революции, борясь против феодализма, буржуазия, ее юристы и правовая наука разработали те принципы, которые были объявлены всеобщими и в значительной степени, хотя и короткое время, действительно были таковыми. Однако после прихода к власти буржуазия стала защищать себя от нового нарождающегося класса — пролетариата и законность стала ограничиваться, перестала соблюдаться либо стала носить двойственный характер: полностью для применения в интересах господствующего класса и в урезанном виде для тру-

дящихся. Все это положения известные, мы говорим о них лишь для того, чтобы подчеркнуть особенности буржуазной законности, характерные и для современных международных отношений. Причем в данной области отношений следует иметь в виду, что сильное буржуазное государство, соблюдая свои права, не слишком заботится о правах малых и более слабых государств и тем более о правах зависимых государств.

Процесс освобождения от колониализма и различных форм национального и расового угнетения больно бьет по «правам» ведущих капиталистических государств, которые в этих условиях не прочь вспомнить и о законности, «забывая», что приобретенные (точнее — присвоенные) ими права в своих истоках незаконны. Однако отказаться от своих «прав» (и законности) капитализм не хочет, что и находит свое выражение в попытках проведения политики силы и политики экономического порабощения.

В то же время буржуазное право выработало ряд принципов, действующих в международных отношениях, которые, безусловно, прогрессивны и приемлемы в современных условиях для всех государств. Среди них такой важный принцип международного права, как *pacta sunt servanda* (договоры должны выполняться). Хотя он стесняет экспансионистские силы в буржуазном обществе, но отказаться от него практически нельзя, ибо он удовлетворяет всем требованиям, которые возникают в процессе международного общения, без него была бы невозможна жизнь в международном сообществе.

Однако история знает немало примеров в международных отношениях (как и во внутренней жизни эксплуататорского общества), когда либо более слабым государствам навязывались неравноправные, а значит, и незаконные договоры либо договоры не соблюдались, превращаясь по воле агрессивных государств в клочок бумаги. Наиболее ярко это проявилось в практике фашистских и близких к ним по режиму государств.

В то же время неоднородность общественно-политических систем, возникновение СССР и социалистического содружества, постепенное освобождение угнетенных ранее стран от колониальной зависимости, становление их на путь национальной самостоятельности создали совершенно новую атмосферу в отношениях государств

на международной арене. Специалисты в области международного права справедливо говорят о новом этапе в развитии международного права как права эпохи мирного сосуществования². В результате сложилась система норм, которая составляет общепринятые нормы международного права; в них вошли и те принципы и нормы, которые характерны для социалистического права, ибо игнорировать изменения, происшедшие в мире, конечно, нельзя.

В международном праве все большее значение приобретают принципы мирного сосуществования: ненападения, мирного разрешения споров, самоопределения народов, разоружения, запрещения пропаганды войны, а также такие ранее сложившиеся общепризнанные принципы, как уважение государственного суверенитета, невмешательство во внутренние дела, равноправие государств, добросовестное выполнение международных обязательств и т. д. Борьба за соблюдение общепризнанных норм международного права, за режим международной законности одинаково важна для любых государств, особенно молодых, причем существование стран социалистического содружества служит гарантией их действительности.

Очевидно, что ничего, кроме вреда, не могут принести демагогические рассуждения маоистов о борьбе против буржуазного права (и социалистическое право они называют буржуазным), о необходимости низвергнуть его, ибо оно вредит молодым государствам, что нужен какой-то «новый правовой порядок». Подобные левацкие загибы в области международного права могут разрушить международные правоотношения, но ничего созидательного, полезного народам и делу мира в себе не несут. Подобные «левые» фразы в международных отношениях и в международном праве фактически скрывают агрессивные, шовинистические и гегемонистские устремления. Не случайно в Китае выпущены географические карты, которые без слов свидетельствуют о том, каково истинное лицо маоизма, и какие «международно-правовые принципы» он исповедует, почему он охотно признает законность реакционных, фашиствующего типа режимов, течений, учений.

В-третьих, проблема международной законности осложняется тем, что далеко не все государства борются за ее соблюдение. Мы имеем в виду случаи, когда на-

рушаются не только конвенции или соглашения либо принятые на их основе нормы национального законодательства, но и общепризнанные в международном праве, но не кодифицированные нормы.

Рассмотрим это положение на примере норм уголовно-правового характера. Как мы показали выше, апартеид официально признан международным преступлением. Но как соблюдается эта норма буржуазными государствами? Формально она признана. Просто уйти от признания апартеида преступлением — нельзя. Но в то же время мы не знаем ни одного случая, когда какое-либо буржуазное государство привело бы эту норму в действие. Более того, государства, где процветает апартеид — ЮАР и Южная Родезия, получают поддержку ведущих капиталистических государств, таких, как США, Англия, ФРГ и др. Об этом свидетельствуют переговоры летом 1976 года в Швейцарии между Киссинджером и Форстером и последующие контакты представителей администрации Картера с расистскими режимами.

Следовательно, для приведения в действие международных уголовных законов необходима соответствующая политическая обстановка, международно-правовой режим, далекий от потворства международным преступлениям.

Другой пример. Геноцид бесспорно признан международным преступлением. Однако проявления геноцида или замалчиваются, или не получают должной оценки. Всем памятна трагедия вьетнамского селения Сонгми и роль в ней американского лейтенанта Колли и его подручных. Их действия, безусловно, должны квалифицироваться как геноцид. Однако последствия (суд, осуждение, последующее освобождение преступника от ответственности) явно не соответствуют тяжести совершенного преступления.

Не менее характерна реакция определенных кругов западных государств на преступления нацистских преступников. Казалось бы, очевидно, что нацистские военные преступники, виновные в гибели многих и многих тысяч людей, должны нести ответственность за свои преступления, тем более что имеется закон о неприменении к ним сроков давности. Однако если в первые годы после принятия этого акта такие лица в ряде случаев привлекались к ответственности, с течением времени **наблю-**

дается все большее стремление нарушить законность: многие нацистские преступники уходят от ответственности. Один из ярких примеров — судьба Пайпера, уничтожившего итальянскую деревню Бовес, награжденно-го Гитлером за этот и другие подобного рода «подвиги» железным крестом с дубовыми листьями. В числе их был, например, приказ о расстреле 71 американского солдата, захваченных в плен в Арденнах. В его деле, как в зеркале, отражается модификация взглядов некоторых буржуазных деятелей на преступления нацистов. Пайпер был приговорен к смертной казни, затем смертная казнь была заменена длительным сроком тюремного заключения, потом этот срок превратили в короткий, а затем его вообще освободили от наказания. Более того, Пайпер получил выгодное местечко, а потом купил виллу... во Франции. Там он был опознан участниками движения Сопротивления. Протесты общественности против пребывания Пайпера во Франции результата не дали. Через некоторое время Пайпер оказался убитым. А может быть, был убит другой человек, ибо труп обезображен, обуглен, а сам Пайпер исчез? Это событие позволило профашистским силам во Франции (и не только во Франции) поднять кампанию против участников движения Сопротивления, особенно против коммунистов. Лица, опознавшие Пайпера, стали получать письма, в которых содержались нацистские лозунги и угрозы³.

Несколько иное положение складывается в случаях совершения преступлений международного характера, хотя и здесь далеко не все гладко и имеются свои сложности. Мы писали о таких преступлениях, как распространение наркомании и торговля наркотиками. Для разоблачения преступников делается как будто немало. Об этом свидетельствуют и цифры, и факты. Однако более активно применяется закон тогда, когда речь идет о «муравьиной торговле». Более или менее последовательны «Интерпол» и другие полицейские органы и суды в борьбе с организованными группами торговцев наркотиками, но тогда, когда они не связаны с сильными мира сего. Закон не действует, лишь только речь заходит о владельцах миллионов долларов, имеющих авторитет в мире бизнеса и монополии. Судьба упомянутых выше Меира Лански, Кодамы и других заправил преступного мира — яркое тому доказательст-

во. Принцип равенства всех перед уголовным законом явно нарушается (см. также дело голландского принца Бернарда, получившего от американской фирмы «Локхид» взятку в сумме 1 млн. долларов, а также присваивавшего культурные ценности других государств и отделавшегося порицанием без возбуждения уголовного дела).

В подобного рода карательной практике отчетливо проявляется противоречие, присущее эксплуататорскому обществу, которое касается и проблемы законности: преступность выгодна капиталистическому обществу, на ней наживаются многие заправилы этого общества, но в то же время с преступностью необходимо вести борьбу, ибо в обществе должен быть элементарный порядок, люди не могут жить в постоянном страхе за свою жизнь и имущество.

В международном уголовном праве это проявляется в игнорировании норм, согласно которым за явные международные преступления или преступления международного характера нужно привлекать к ответственности тех преступников, которым покровительствуют империалистические круги, связанные с международными монополиями.

В связи с изложенным невольно возникает вопрос: если некоторые государства так небрежно, мягко говоря, относятся к соблюдению уголовно-правовых норм, ставших общепризнанными, в значительной части предусмотренных в международных уголовно-правовых актах либо в национальном законодательстве, то возможно ли существование международной законности? Нам представляется, что, несмотря на все сказанное выше, нет оснований для отрицательного ответа.

Невозможно отказаться от медицины, хотя после лечения и несмотря на него люди умирают, нельзя отказаться от обучения людей, хотя кое-кто остается практически малограмотным или, обучившись, становится образованным хамом. Нельзя отказаться и от борьбы за международную законность из-за того, что она кем-то нарушается или не соблюдается. Необходимо активно бороться за нее и совершенствовать механизм контроля за соблюдением законности.

Наличие в международном сообществе социалистических стран, социалистические принципы международной законности, основой которых является уважение к

праву, закону, законности, активная роль неприсоединившихся государств открывают в этом отношении ранее невиданные перспективы. Теперь уже нельзя нарушать права малых либо развивающихся государств, открыто подчинять международную политику и международное право интересам капиталистических монополий. Стало невозможным открыто попираť международные уголовные законы либо полностью игнорировать их. На примере с наказанием лейтенанта Колли мы видели стремление обелить его и его подручных, освободить его от отбывания наказания, попытку квалифицировать его преступление не так, как это следовало бы, и т. п., но важно другое, главное: избавить его от ответственности было невозможно. Это уже большой шаг вперед по сравнению, в общем-то, с недавним прошлым, когда все зависело от усмотрения диктовавших свою волю «сильных» капиталистических государств.

Нельзя теперь игнорировать и позиции развивающихся стран, голос которых, часто вместе с социалистическими и неприсоединившимися странами, звучит достаточно весомо, служит одной из гарантий соблюдения международной законности. Свидетельством этому является суд над наемниками в Анголе.

Старый принцип *pacta sunt servanda* получает новое звучание. Принятые и ратифицированные конвенции и соглашения перестают быть формальностью. С ними приходится считаться даже тем, кто хотел бы этого не делать. Общепринятые нормы международного права благотворно влияют на международный правопорядок и международную законность. Формирующееся международное уголовное право становится составной частью охраны международного правопорядка, играет все большую роль в общей системе международной законности.

2. Международная законность включает прежде всего принципиальные положения национального законодательства. От того, какие принципы заложены в национальном, особенно в конституционном, праве, в значительной степени зависит и отношение государства к соблюдению принятых на себя обязательств в международном сообществе. В Конституции каждого государства имеются положения о суверенитете, о недопустимости вмешательства в дела государства. Это, конечно, оказывает влияние и на соблюдение общепринятых

норм международного права. Коль скоро государство требует уважения к себе, к своей самостоятельности и независимости, презюмируется и обратное: уважение прав и интересов других государств. В то же время мы не найдем в законодательстве современных капиталистических государств норм, с достаточной четкостью говорящих о преступности агрессивной войны, например, и даже о наказуемости пропаганды войны. Если буржуазными теоретиками выдвигаются идеи о примате норм международного права над правом внутренним, то толкуются они преимущественно в интересах государств, стремящихся диктовать свою волю другим странам и народам. Такая позиция зачастую наносит вред соблюдению тех норм международного права, которые стали общепринятыми. Там, где идея эта переносится в закон, как, например, в ФРГ, она, конечно, в силу существующей реальности отношений между государствами не может быть реализована.

В то же время включение в конституционное право положений и норм, способствующих обеспечению международной законности, вполне реальная задача. Очевидно, эти возможности и перспективы используются далеко не полностью.

Примером того, как национальное законодательство может способствовать укреплению международной законности, служит Конституция СССР 1977 года.

Выше мы подчеркивали большое значение главы о внешней политике государства развитого социализма, включение в текст Конституции всех принципов, согласованных и принятых Хельсинкским совещанием. Конституция подчеркивает, что внешняя политика СССР направлена на предотвращение агрессивных войн и последовательное осуществление принципа мирного сосуществования государств с различным социальным строем. Кроме того, и это в связи с рассматриваемым вопросом хотелось бы подчеркнуть особо, в Конституции сказано, что отношения СССР с другими государствами строятся на основе добросовестного выполнения обязательств, вытекающих из общепринятых принципов и норм международного права и заключенных СССР международных договоров.

Таким образом, речь идет не о формальном, неверном по существу, ущемляющем суверенитет и практически сводящем его на нет принципе «превосходства»

норм международного права над национальным правом, а о реальном признании и соблюдении общепринятых норм международного права и заключенных договоров. Таков вклад Советского Союза в укрепление международной законности.

Нам представляется, что режим международной законности может быть упрочен путем установления в национальном законодательстве всех государств таких принципов, которые были бы направлены к сохранению и укреплению мира на основе Устава ООН и общепризнанных норм международного права. При этом и принцип *pacata sunt servanda* получил бы новое и более полное звучание.

Важно подчеркнуть и следующее. Можно в законе записать прогрессивные принципы, но не соблюдать их. Сейчас некоторые государства, не только империалистические, но и именующие себя, подчас, социалистическими и даже коммунистическими, в международной практике занимаются скрытым или открытым подстрекательством к различным конфликтам и вооруженным столкновениям. Поэтому необходимо совершенствовать механизм соблюдения международной законности, используя прежде всего ООН, Совет Безопасности и другие органы, а также международное общественное мнение. В современных условиях очевидно, что для дела мира особое значение имеет соблюдение принятых на себя государствами обязательств. Это в равной степени относится и к уголовно-правовым актам, как к тем, которые касаются наиболее тяжких международных преступлений, так и к тем, которые касаются преступлений международного характера. В условиях мирного времени — особенно к последним, так как они затрагивают многие области межгосударственных отношений, нарушение международных соглашений об ответственности за подобные деяния может вызвать конфликты между государствами или создать атмосферу недоверия в международных отношениях. Поэтому осуждение международным сообществом тех государств, которые нарушают международную законность, имеет весьма большое значение, служит не только стимулом к закреплению в национальном законодательстве обязанности уважать и соблюдать выработанные международные соглашения, но и средством принуждения к практическому их выполнению, средством преодоления противоречий между

словом и делом, между формальным провозглашением и практическим претворением в жизнь принципа законности.

3. В национальном уголовном праве, в частности в праве СССР и других социалистических стран, принцип законности весьма ярко проявляется в двух моментах: в точной квалификации совершенного преступного деяния и в назначении справедливого наказания виновному⁴. Точная квалификация преступного деяния гарантирует, что лицо будет привлечено к ответственности именно за то, что оно совершило, по той норме закона, которую оно нарушило. Это имеет значение не только с точки зрения соблюдения законности как таковой, но и с моральной точки зрения, ибо способствует осознанию виновным и гражданами не только незаконности, но и аморальности, несовместимости такого деяния с правилами социалистического общежития.

Безусловно, точная квалификация — предпосылка законного и справедливого наказания. Но справедливость наказания достигается не только тем, что оно назначается на основе и в рамках закона. Советский закон обязывает суд при назначении наказания учитывать общественную опасность совершенного деяния, обстоятельства, отягчающие и смягчающие ответственность, и личность виновного. Совокупностью относительно-определенных санкций закона и указанных обстоятельств достигается справедливость и целесообразность наказания, следовательно, его законность.

Имеют ли значение эти положения в качестве принципа, обеспечивающего соблюдение законности при совершении преступлений международного характера? По нашему мнению, безусловно. Возьмем, к примеру, состав терроризма. Мы подчеркивали сложность этого состава. Но очевидно, что квалифицировать как терроризм действия, не являющиеся таковыми, незаконно. В результате законность будет нарушена. Справедливого наказания не последует. Осужденные не поймут ни закон, ни суд. Не поймет этого и международное общественное мнение. Последнее, кстати, — мощный фактор побуждения к соблюдению международной законности, один из рычагов механизма принуждения (и убеждения) к соблюдению законности в случаях совершения международных преступлений и преступлений международного характера.

Международное общественное мнение складывается из мнения государств — участников международных организаций, всех членов международного сообщества и из мнения общественных организаций при ООН, ЮНЕСКО и других органов и учреждений, научных обществ, ассоциаций и т. п., наконец, из мнения народов, общественности в прямом смысле этого слова. Причем позиция последней в современных условиях приобретает все большее значение, в том числе и как средство обеспечения международной законности⁵.

В случае совершения преступлений международного характера, как и в национальном праве, необходимо учитывать все особенности преступления, смягчающие и отягчающие обстоятельства, личность виновного. Все это необходимо, чтобы суд мог назначить справедливое наказание. Только тогда будет соблюдена законность.

Возьмем, к примеру, состав такого преступления, как наемничество. Для «работы за морем» человек может быть завербован с помощью обмана, сокрытия от него характера его «работы». Позднее он узнает об истинной цели и, может быть, будет вести себя иначе, чем профессиональные убийцы, знавшие, на что идут и что делают. Конечно, ответственность таких людей должна быть иной.

И наоборот, суд нарушит закон, назначая наказание и не учитывая при этом заранее сформировавшегося убеждения о дозволенности убивать других за деньги. Отсюда — характер последующего поведения виновного и тому подобные обстоятельства, отягчающие ответственность. Так проявятся принципы гуманности и законности.

Иными словами, индивидуализация наказания при совершении преступлений международного характера — необходимое условие соблюдения международной законности. При этом следует иметь в виду, что в буржуазном уголовном праве нередки случаи, когда индивидуализация наказания трактуется как голое судебское усмотрение. При таком подходе законность подменяется усмотрением судьи, причем в качестве теоретического обоснования выдвигается принцип разделения властей, якобы ставящий судебную власть в независимое от государства положение. Давно уже многими теоретиками, в том числе буржуазными, доказана фиктивность по-

добной независимости. Однако, поскольку теория существует, с ней нельзя не считаться, тем более что на практике она служит интересам власть имущих, хотя преподносится как проявление демократизма и независимости суда.

Сказанное позволяет утверждать, что в международном уголовном праве необходимо вести борьбу за твердое соблюдение законности, против неограниченного судейского усмотрения, ибо в действительности индивидуализация наказания возможна только тогда, когда она осуществляется на основе и в рамках закона, международного или принятого на его основе и в соответствии с ним закона национального.

Это, конечно, связано, с одной стороны, с необходимостью соблюдать уже существующие нормы уголовного права, с четко обозначенными санкциями и учетом общих принципов, без которых нет самого уголовного права (положений Общей части уголовного законодательства), и с дальнейшим совершенствованием системы международного уголовного законодательства, созданием норм, удовлетворяющих основным требованиям уголовно-правовой нормы, как правило, имеющей диспозицию и по возможности санкцию (хотя бы в родовом виде) либо четкую отсылку к национальному законодательству, сформулированному на основе достигнутых между государствами соглашений либо конвенций, — с другой.

При этих условиях соблюдение международной законности при применении норм международного уголовного права станет реальностью. Основы для решения этой задачи имеются.

4. Проблема законности, рассматриваемая нами применительно к установлению, действию и исполнению законов, карающих за преступления международного характера (как и международных преступлений, что очевидно само собой), хотя и специфична, однако вытекает из общих принципов действия любых законов, регулирующих взаимоотношения государств и их граждан как членов либо субъектов международного сообщества.

Мы рассмотрели эту проблему исходя из того, что законность в борьбе с преступлениями, затрагивающими межгосударственные интересы, и гарантии ее соблюдения взаимосвязаны между собой.

Строго говоря, может быть, более последовательно было бы сначала дать определение международной законности, а уже потом рассмотреть проблемы борьбы за соблюдение ее и гарантии, обеспечивающие законность. Однако нам представляется, что и избранный метод изложения позволяет осветить проблемы и принципы, из которых необходимо исходить в борьбе с преступлениями международного характера, используя как международно-правовые акты, так и национальное законодательство.

Обобщая изложенное, можно сказать следующее.

Во-первых, международная законность применительно и к проблеме борьбы с преступлениями международного характера есть прежде всего соблюдение всеми членами международного сообщества Устава ООН, а также резолюций и решений этой организации, направленных на обеспечение дела мира, международной безопасности и интересов всех государств и народов.

Во-вторых, международная законность есть соблюдение специальных международных законов уголовно-правового характера, к числу которых в первую очередь должны быть отнесены Уставы Нюрнбергского и Токийского трибуналов, а также иные специальные акты о борьбе с преступными посягательствами на основы мирного сосуществования государств с различным социальным строем.

В-третьих, международная законность есть обязанность строгого выполнения всеми государствами тех конвенций и соглашений, которые направлены против конкретных преступных деяний, затрагивающих интересы государств — членов международного сообщества.

В-четвертых, международная законность предполагает выполнение общепринятых норм и принципов международного права, на основе которых строятся взаимоотношения между государствами в условиях разрядки и мирного сосуществования. При этом применительно к борьбе с преступлениями международного характера существенное значение приобретает последовательное претворение в жизнь принципа неотвратимости наказания за преступления, этого хотя и не международно-правового, а уголовно-правового принципа, однако признанного всеми правовыми системами. Особое значение имеет претворение его в жизнь в связи с теми преступлениями, о которых есть договоренность между

государствами, закреплённая либо в специальных решениях ООН, либо в конвенциях и соглашениях иного вида.

В-пятых, международная законность должна опираться на национальное законодательство, прежде всего конституционное и уголовное. Последнее, в свою очередь, должно учитывать те международно-правовые акты, на подписание которых согласилось государство как член международного сообщества.

В-шестых, международная законность есть недопустимость применения либо использования одним государством против другого методов, являющихся преступными по своим объективным свойствам, а также каких-либо преступных элементов. При этом не имеет значения, признаны ли такие конкретные методы и средства преступными международными актами (например, агрессия) или они являются общеуголовными преступлениями (например, использование наемных убийц для расправы с гражданами другой страны или нанесения ущерба имуществу).

В-седьмых, международная законность предполагает оказание государствам помощи друг другу в борьбе с международными преступлениями и преступлениями международного характера. Более того, осуществление законности тогда эффективно, когда государства не только помогают друг другу, но и ведут борьбу с подобного рода преступлениями совместно.

Ниже мы рассмотрим специальные вопросы уголовного права применительно к преступлениям международного характера, ибо они являются важнейшей гарантией законности в борьбе с этими преступлениями.

Глава VIII

ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО ПРАВА И ПРЕСТУПЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ХАРАКТЕРА

Соучастие в преступлениях международного характера

В советском и буржуазном уголовном праве вопросы соучастия решаются по-разному. Различны и теории соучастия. Очевидно, что в международном уголов-

ном праве необходимо применять те общие положения, которые отвечали бы интересам борьбы с международными преступлениями и преступлениями международного характера. Нам представляется, что основа для такого подхода к проблеме соучастия имеется. Этой основой служат Устав Международного военного трибунала и его приговор. Однако положения этих актов могут распространяться не на все преступления международного характера, ибо для международных преступлений характерно главным образом соучастие *sui generis*¹, а при совершении преступлений международного характера могут быть и иные, более простые формы соучастия.

В советской уголовно-правовой теории различается: 1) простое соучастие, при котором связь между соучастниками примитивна, сводится к взаимной осведомленности соучастников о преступлении; 2) соучастие по предварительному сговору, где связь между соучастниками более сложна, а сговор предполагает предварительное распределение ролей в преступлении, разработку плана совершения преступления и т. п.; 3) соучастие особого рода (*sui generis*), связанное с длительной деятельностью, участием в преступной организации, со сложными формами связи между соучастниками, глубокой конспирацией, при которой одни соучастники могут не знать о том, что делают другие, и т. п.

Соучастие в международных преступлениях имеет специфические формы. А. Н. Трайнин пишет: «Преступление против человечества складывается не из эпизодического действия (удар ножом, поджог и т. п.), а из системы действий, из определенного рода «деятельности» (подготовка агрессии, политика террора, преследование мирных граждан и т. п.). Такого рода «деятельность» по природе своей и по своим масштабам требует согласованной работы значительного числа лиц. Нужна сложная, разветвленная и в то же время сплоченная деятельность многочисленных звеньев и лиц»².

Теоретические положения о соучастии, разработанные Уставом Международного военного трибунала, неоднократно анализировались. Будем исходить из них как из основы.

Отметим, что сложный вид соучастия присущ многим преступлениям международного характера и выводы, сделанные в Нюрнбергском приговоре, могут быть

распространены и на преступления международного характера.

Выше мы говорили о некоторых деяниях, не признанных официально международными преступлениями, но по существу являющихся таковыми, — это наемничество и терроризм. Для них характерны, в частности, сложные формы соучастия и сложные связи между соучастниками.

Наемничество предполагает организованный характер формирования отрядов наемников. Это видно на примере создания вербовочных пунктов на территориях разных государств. Организаторов наемничества следует искать среди должностных лиц администрации тех стран, где функционируют вербовочные пункты. Конкретные вербовщики могут не знать всех сложных связей, могут не знать, кто стоит во главе вербовщиков. Однако каждый конкретный вербовщик сознает, что он вербует наемников для посылки в другие страны в целях участия в формированиях, создаваемых для убийства людей. Этого достаточно для полной его ответственности за деятельность всей организации вербовщиков. Таковы формы соучастия при наемничестве.

При терроризме могут быть и простые формы соучастия, ибо не все террористические группы организованы и многочисленны. Они могут быть объединениями, подпадающими под соучастие по предварительному сговору, а не только под соучастие *sui generis*.

Выше было высказано мнение, что рабство и работорговлю также следовало бы считать не преступлением международного характера, а международным преступлением. При этих деяниях возможны сложные формы соучастия: чтобы заниматься этим преступным промыслом, необходимы хорошо законспирированная организация, денежные фонды, средства транспортировки «живого товара», связи с покупателями и т. п.

Как самостоятельный состав преступления предусматривается соучастие в работорговле, что весьма существенно, особенно для буржуазных государств, ибо исключает возможность оценки соучастия в работорговле как соучастия в обычном уголовном преступлении. Следовательно, наказание за соучастие может и должно быть назначено как за оконченное преступление. Для советской теории и практики это положение значения не имеет, так как мы не знаем формально-юридического

(по ступеням) подхода к наказуемости соучастников, но для многих капиталистических государств, где существует обязательная «дозировка» наказания разных видов соучастников, такая норма международного закона чрезвычайно важна.

Из других преступлений, не относящихся к международным, но близких к ним, следует сказать о пиратстве. Нам думается, что в пиратстве можно отметить не только элементы соучастия *suī generis*, но и более простые формы. Если при разоблачении пиратских групп выявляется крупная организация, имеющая несколько (может быть, даже много) судов, на которые нанимаются специально люди для участия в пиратских акциях, то здесь, безусловно, сложная форма соучастия. Если же встает вопрос об ответственности «неорганизованного» участника-одиночки либо небольшого числа лиц, договорившихся «работать» вместе, налицо простая форма соучастия.

Очевидно, что организаторы и другие соучастники при сложных формах должны быть наказаны суровее, чем при простых формах соучастия, хотя следует иметь в виду, что согласно акцессорной теории главная фигура — исполнитель. И в ряде стран ее придерживаются, как и «ступенчатости» наказания соучастников. В то же время нельзя отвлекаться от тяжести последствий совершенного, ибо они могут оказаться менее тяжелыми при сложной форме и более серьезными при простой форме соучастия (чаще, конечно, наоборот). Кроме того, должны учитываться и все другие обстоятельства, которые имеют значение при рассмотрении уголовных дел и назначении наказания.

При фальшивомонетничестве соучастие может быть также сложным — *suī generis* — и менее сложным, с предварительным сговором. Сложная форма имеет место в тех случаях, когда мы сталкивались с подделкой денег и ценных бумаг типа приведенного нами выше случая с подделкой денег Республики Заир. Кроме того, подделка ценных бумаг часто выступает как способ деятельности международных гангстерских организаций, связанных с монополиями. Размах, влияние организованной преступности на политику и правительства капиталистических государств заставляют поставить вопрос о том, что, вероятно, есть основания считать преступными организациями монополии или более мелкие капита-

листоческие объединения, создающие прибыли преступным путем, в том числе с помощью подделки ценных бумаг. Мы останавливаемся на этом потому, что обычно организованная преступность связана не только с подделкой денег либо ценных бумаг, но и с другими преступлениями: контрабандой оружия, финансированием экстремистов и т. п.

Формы организации, связи, распределение ролей и т. п. здесь очень сложны, что чрезвычайно важно для понимания природы соучастия. Исполнитель в подобных случаях не столь опасная фигура и не он определяет вид ответственности, как это следует из акцессорной теории соучастия. Гораздо опаснее те, кто стоит за спиной исполнителя. Особое значение приобретают фигуры организаторов, каковыми могут быть члены какого-нибудь консорциума, совета фирмы и т. п. И сначала нужно говорить о преступности организации, а потом выявлять степень вины и другие обстоятельства, относящиеся к участникам преступной организации, спускаясь по этой, образно говоря, лестнице вниз.

Мы понимаем, что сейчас еще обстановка не созрела для того, чтобы ставить вопрос о расширении круга организаций, признаваемых преступными, но, по нашему мнению, такая проблема, бесспорно, существует. Это подтверждается и рассмотрением таких преступлений международного характера, как распространение наркомании и незаконная торговля наркотиками; они характеризуются сложными формами соучастия (кроме «муравьиной торговли», где возможно простое соучастие и торговля наркотиками в одиночку). О соучастии *suī generis* можно говорить и тогда, когда выявляются связи с монополиями, и тогда, когда налицо разветвленная преступная организация, не связанная с монополиями.

Практика борьбы с наркоманией в социалистическом обществе показывает, что соучастие может быть в форме предварительного сговора либо в форме простого соучастия (не говоря уже о торговле наркотиками в одиночку).

Для такого преступления международного характера, как торговля женщинами и детьми, в том числе в целях занятия проституцией, характерна сложная форма соучастия, ибо вопросы «четкой» организации этого промысла, знание «рынков сбыта» имеют важнейшее

значение. Следует различать организаторов промысла, которые часто остаются в тени, и тех, кто выступает в роли агентов, скупщиков либо торговцев женщинами, т. е. непосредственных исполнителей. Соучастниками преступления являются и покупатели (содержатели замаскированных публичных домов), в распоряжение которых поступают женщины, становящиеся проститутками. Как соучастников следует рассматривать и тех, кто занимается подпольным рекламированием заведений, в которых находятся проданные для проституции женщины, ибо им известны источники поступления женщин, если не в деталях, то в общем виде.

Конвенция о борьбе с торговлей людьми считает самостоятельным преступлением умышленное соучастие в такой продаже. Признание соучастия в таком деянии самостоятельным преступлением представляется вполне правильным. Однако формулировка «умышленное соучастие» может возродить дискуссию о понятии соучастия (всегда ли соучастие умышленно или возможно неосторожное соучастие). Как известно, советская теория уголовного права признает лишь умышленное соучастие. Важно, чтобы и в международном уголовном праве понятие это толковалось однозначно.

Немало сложностей может возникнуть при определении форм соучастия в таком преступлении, как нелегальная эмиграция. Очевидно, что в тех случаях, когда нелегальная эмиграция является «тихой оккупацией», организаторов следует искать на очень «высоком уровне» и здесь будет соучастие *sui generis*. Более того, нелегальную эмиграцию можно, по нашему мнению, в таких случаях рассматривать как форму агрессии, т. е. как преступление против мира и человечества.

Но нелегальная эмиграция возможна и в иных формах, что определяет и изменение видов соучастия.

Весьма сложен вопрос о тех, кто нелегально эмигрировал, особенно если это масса людей. Очень важно отделить тех, кто «эмигрировал» с тем, чтобы быть «тихим оккупантом», и тех, кто обманом и посулами разного рода завлечен в число нелегальных эмигрантов. Для последних, если и встанет вопрос об ответственности, то только за незаконный переход границы (в тех странах, где предусмотрена ответственность за это деяние). Причем вопрос о привлечении к уголовной ответственности не может решаться формально.

Если он затрагивает большие массы людей, то здесь есть признаки *незаконной*, но не *нелегальной* эмиграции, ибо переходящие границу обманутые люди могут думать, что они поступают правильно, законно, легально (с точки зрения законности перехода).

Лица, которые эмигрировали с целью оккупации, должны нести ответственность за это преступление; соучастниками могут быть правительственные круги, организующие нелегальную эмиграцию.

Мы указывали, что загрязнение окружающей человека среды может выступать в виде различных составов преступлений. Более того, это могут быть международные преступления — против мира и человечества либо преступления международного характера. Формы соучастия могут быть сложными и простыми. Из всех вопросов, которые могут возникнуть при рассмотрении соучастия в этом преступлении, хотелось бы обратить внимание на сложность определения исполнителя. Кто им является — тот, кто непосредственно загрязнил природу (в любом виде и любой ее вид), или тот, кто, зная, допустим, о неисправности агрегата, загрязняющего среду, не принимает мер к прекращению его работы или исправлению? Представляется, что и тот и другой выступают как исполнители.

Может ли при загрязнении окружающей среды быть организатор? При международных преступлениях, связанных с воздействием на окружающую среду, этот вопрос не возникает, ибо здесь очевидно, для чего наносится вред окружающей среде. Поэтому есть и организатор (либо организаторы) преступления. Но в других случаях, чтобы решить это, следует исходить из форм вины. Нельзя забывать об умышленности соучастия. Как правило, загрязнение окружающей среды — неосторожное преступление, совершаемое как по небрежности, так и по самонадеянности (особенно характерно это для социалистических стран). Возможно и загрязнение с косвенным умыслом (предвидел, но безразлично относился к последствиям). По нашему мнению, такова наиболее часто встречающаяся форма вины в деятельности капиталистических монополий и их руководителей (она, конечно, не исключена и в социалистических странах, хотя может встретиться и не часто). Однако те, кто непосредственно загрязняет среду, могут действовать как умышленно (даже с прямым

умыслом), так и по неосторожности (в обеих ее формах). Что же касается прямого умысла, то о таком преступлении в условиях социализма вряд ли можно вести речь, но в капиталистическом обществе руководители монополий могут пойти (и идут) на умышленное (с прямым умыслом) нанесение ущерба окружающей среде ради получения прибыли, не заботясь о том, что будет потом. Формы соучастия в таком преступлении могут быть самыми разнообразными. В целом вся эта проблема лишь обозначена нами и требует глубокого изучения.

Соучастие в других преступлениях международного характера, предусмотренных конвенциями и национальным законодательством, следует рассматривать по правилам, действующим в национальном законодательстве.

Несколько особняком, может быть, стоит распространение порнографии. Ибо порнография в капиталистическом мире поставлена «на поток». Есть киностудии, организованно поставляющие свою грязную продукцию на рынок. Есть редакции журналов с полным штатом сотрудников, делающих то же самое. Есть капиталисты, организующие эту, с позволения сказать, деятельность и получающие прибыли. В этом преступлении международного характера возможны любые виды соучастия.

Мы кратко рассмотрели вопрос о соучастии в преступлениях международного характера, выделив наиболее характерные черты его и назвав основные, на наш взгляд, проблемы, исходя из того, что эти преступления сложны по своему характеру, по формам и способам совершения, числу участников — главных и второстепенных — и т. д.

Кроме того, мы полагаем, что наши предложения могут служить основой для единообразного подхода к проблеме соучастия в преступлениях международного характера, могут облегчить решение вопроса о наказании соучастников.

Представляется, что в международном уголовном праве целесообразно отказаться от обязательного смягчения наказания соучастникам³, тем более что ряд законодательных актов международного характера, как мы видели, рассматривает соучастие как оконченное преступление, что имеет, безусловно, решающее значе-

ние для выбора меры наказания. Нам думается, что свойственная советской науке формула о большей опасности преступления, совершаемого в соучастии, определяющая ответственность соучастников в зависимости от характера участия и степени вины каждого, наиболее приемлема для международного уголовного права.

Советское уголовное право считает в соучастии наиболее опасной фигурой организатора, а не непосредственного исполнителя, больше того, подстрекатель и пособник в некоторых случаях тоже могут быть более опасны, чем исполнитель. Для преступлений международного характера эта позиция представляется вполне приемлемой, ибо она отражает суть соучастия в опасных для международного общения преступлениях: исполнитель без других соучастников практически не может действовать; он (или они) выполняет волю тех, кто организует преступление. Кроме того, преступления международного характера, как правило, состоят не из одного акта, а представляют систему, цепь деяний, часто разнохарактерных, хотя в конечном счете и составляющих одно целое.

Тем не менее, подходя к проблеме реально, мы должны исходить из того, что суверенные государства, приняв в принципе какую-либо международно-правовую норму, инкорпорируя ее в национальное законодательство, будут исходить из традиционных для принятой ими системы правовых принципов. Важно лишь, чтобы вопрос об ответственности за преступления международного характера был реализован независимо от того, какие принципы уголовного права действуют в стране. Это касается не только проблемы соучастия, но и всех других проблем Общей части.

Однако все сказанное позволяет вновь подчеркнуть, что международное уголовное право должно содержать некоторые общие и согласованные положения.

Вина и стадии преступной деятельности

1. Принцип вины — один из краеугольных камней уголовно-правовой теории. Советский закон и теория рассматривают вину как психическое отношение человека к совершенному деянию и его результату, выра-

жающееся в том, умышленно или **неосторожно** человек его совершил. Без вины не может быть уголовной ответственности. Объективное вменение рассматривается как нарушение принципа законности.

Совершенно очевидно, что ответственность за преступления международного характера может наступить лишь в том случае, если преступное деяние совершено умышленно или неосторожно. Формулы прямого и косвенного умысла, небрежности, самонадеянности: «предвидел и хотел достичь именно этого результата» (прямой умысел); «предвидел, но безразлично относился к возможному результату» (косвенный умысел); «не предвидел, но мог и должен был предвидеть» (небрежность); «предвидел, но и легкомысленно надеялся предотвратить нежелательный преступный результат» (самонадеянность) — применимы и тогда, когда речь идет о преступлениях международного характера. Если человек не предвидел, не мог и не должен был предвидеть последствий своих действий, он, несмотря на наступившие вредные последствия (казус), освобождается от уголовной ответственности.

При рассмотрении проблемы вины в международном уголовном праве следует иметь в виду следующее. Поскольку разные виды соучастников отвечают по-разному и могут нести ответственность за разные преступления⁴, постольку определение индивидуальной вины каждого преступника так же обязательно, как и выявление всех других обстоятельств дела. Только установив психическое отношение к содеянному и его последствиям, можно определить вид преступления, форму соучастия, правильно квалифицировать совершенное, решить вопрос о мере наказания.

Международный уголовный закон, как правило, формулирует состав преступления международного характера в общей форме, оставляя на усмотрение каждого государства вопросы, которые должны решаться при создании национальных уголовных законов, в том числе и установление форм вины.

Исходя из характеристики данных преступлений и их опасности для международного общения, можно утверждать, что они совершаются, как правило, умышленно. Неосторожная вина возможна при преступных нарушениях окружающей человека среды, разрыве международного кабеля (где могут иметь место обе

формы вины) и при иных конвенционных преступлениях. В то же время наиболее опасные преступления, такие, как терроризм, угон самолетов, распространение наркотиков и незаконная торговля наркотиками, подделка денег и ценных бумаг, посягательство на национально-культурное наследие, торговля людьми, пиратство, порнография, могут быть совершены только умышленно, т. е. так же, как и международные преступления.

Для полной характеристики субъективной стороны преступлений международного характера существенное значение имеют цели и мотивы их совершения. Цель и мотивы преступления позволяют выявить те глубинные процессы, которые сопутствуют преступлению, приоткрывают завесу над тем, чем руководствовался преступник, совершая преступное деяние. От целей и мотивов — путь к уяснению конкретных причин преступления, важнейшей проблемы социального плана. Часто, исследуя личность конкретного преступника, раскрывшего перед правосудием цели и мотивы своего поведения, можно сделать более глубокие обобщения, выводящие сначала на микрогруппу, с которой наиболее тесно связан преступник, а от нее — к более серьезным выводам, касающимся закономерностей, приведших к совершению данных преступлений.

Выяснение целей и мотивов позволит суду определить наиболее справедливое наказание. Так, даже при терроризме разные преступники преследуют разные цели, разными мотивами руководствуются. Организаторы террористических групп создают их для долговременной деятельности, стремясь дезорганизовать общественную жизнь и т. д., их деяния должны оцениваться как особо опасные. Но в отдельные акты терроризма в качестве исполнителей могут быть вовлечены случайные люди, которым обещана определенная сумма денег. Никаких других целей, кроме получения материальной выгоды, а иногда просто заработка, они перед собой не ставят. При этом, как правило, такие лица малокультурны, не ориентируются в политической подоплеке совершаемого. Очевидно, что степень их вины меньше. Поэтому цели и мотивы должны исследоваться в совокупности с другими обстоятельствами, в частности с последствиями совершенного.

Мы привели этот пример, чтобы показать, насколько

важно выяснение целей и мотивов содеянного даже при столь опасных преступлениях.

Нельзя отвлекаться и от того, что реакционные силы часто втягивают в свои преступления отсталых, незрелых людей, используя их бедственное положение или невежество. В индустрию распространения наркомании, например, втянуто огромное количество людей, в частности крестьян, выращивающих наркотикосодержащие растения. Нельзя к ним ко всем подходить с одной меркой. Цели и мотивы их деяний не однозначны. Нельзя не учитывать разницу в целях и мотивах поведения членов организации, как нельзя переносить тяжесть ответственности на второстепенных лиц.

2. Советское уголовное право различает в качестве стадий преступной деятельности приготовление, покушение и оконченное преступление. В зарубежном уголовном законодательстве вопрос об ответственности в зависимости от стадий преступной деятельности решается в ряде случаев формально-юридически, с обязательным смягчением наказания за приготовление по сравнению с покушением и за покушение по сравнению с оконченным преступлением.

Судебная практика показывает, что приготовление — менее опасная стадия преступной деятельности⁵. Этого нельзя сказать о покушении. Известен элементарный пример: преступник сделал все для того, чтобы умертвить человека, а тот выжил. Налицо — покушение на убийство. Если руководствоваться формально-юридическим критерием, то наказание должно быть обязательно снижено. Советский уголовный закон разрешает суду принимать решение, исходя из конкретных обстоятельств. В приведенном примере наказание за покушение может быть таким же, как и за оконченное преступление.

Представляется, что при рассмотрении преступления международного характера не следует придерживаться формально-юридических критериев, следует исходить из совокупности всех обстоятельств. Действующие нормы международного уголовного права позволяют сделать вывод, что стадия неоконченного преступления может расцениваться как самостоятельное преступление, причем не только в стадии покушения, но и в стадии приготовления. Так, подготовка **в о й н ы** Уставом Международного военного трибуна-

да, а затем и Нюрнбергским приговором была признана преступлением, причем не стадией преступления (приготовительные действия — подготовка), а оконченным преступлением. Так же рассматривается и подготовка агрессии.

Из сказанного можно сделать вывод, что, поскольку относительно международных преступлений, как наиболее опасных, всеми признаны и получили силу закона определенные нормы, они должны быть распространены и на преступления международного характера, тем более что среди них есть деяния, близкие к международным преступлениям.

Более того, некоторые конвенции о наказуемости преступлений международного характера также приравнивают к оконченному преступлению более ранние стадии преступной деятельности. Так, Международная конвенция о борьбе с торговлей людьми и эксплуатацией проституции третьими лицами 1950 года считает преступлением не только саму торговлю и эксплуатацию, но и подготовку к ним. Причем текст Конвенции позволяет говорить о подготовке как приготовлении, т. е. как о стадии преступной деятельности.

Нам представляется, что в международном уголовном праве при оценке ответственности за различные стадии совершения преступления следует исходить из ряда положений.

Во-первых, из того, что международный уголовный закон может установить, что приготовление (и покушение) следует рассматривать так же, как оконченное преступление. Отсюда одинаковая ответственность, с учетом необходимости индивидуализации наказания.

Во-вторых, если в международном уголовном законе ответственность за стадии совершения преступления специально не оговорена, не следует решать эти вопросы формально-юридическим путем, необходимо учитывать, в частности, сложность преступлений международного характера.

В-третьих, если речь идет не о сложных преступлениях международного характера, а о тех, где деяние может быть совершено однократно, о преступлениях такого рода, как разрыв или повреждение морского кабеля, вопрос об ответственности за разные стадии совершения преступления может решаться по правилам, предусмотренным национальным законодательством.

Наказание за преступления международного характера

1. Проблема наказания за преступления международного характера представляет немалую сложность. Казалось бы, если деяние признано преступным, значит, за него должно быть назначено наказание. Само по себе это положение бесспорно. Но какое наказание? Вот первый вопрос. Международные соглашения о признании какого-либо деяния международным уголовно наказуемым деликтом, как правило, не предусматривают не только меры наказания, но и вида его. Все эти вопросы решаются национальным законодательством. Но системы права, отношение к различным наказаниям — разные. Буржуазные правовые системы признают наряду с наказанием меры социальной защиты. Социалистическое право отвергает их. Отсюда второй вопрос: как совместить или ликвидировать это различие?

Если рассмотреть такую применяемую во всех странах меру наказания, как лишение свободы, то сроки его — максимальные и минимальные — различны. Советское законодательство ограничило срок лишения свободы 15-ю годами за тяжкие, специально в законе перечисленные преступления, за все прочие — 10-ю годами лишения свободы. В американском и французском праве за наиболее тяжкие преступления может быть назначено пожизненное лишение свободы.

Советское уголовное законодательство знает такой специфический институт, как исправительные работы на срок до 1 года с вычетом из заработной платы до 20%. Буржуазные правовые системы такой меры наказания не знают (исключением, пожалуй, является Канада, где есть сходная мера наказания).

За одно и то же преступление предусмотрены различные сроки лишения свободы.

Есть и иные различия. Из них, в частности, вытекает третий вопрос: как поступать в случаях подобных коллизий, ибо то, что в разных государствах за одно и то же преступление предусмотрены различные сроки лишения свободы, для лица, совершившего преступление, отнюдь не безразлично. Зная это, будучи разоблаченным, оно может «выбрать» страну, где получит меньшее наказание.

Возникает еще один вопрос: нужна ли и может ли быть достигнута унификация санкций за совершение преступлений международного характера?

Таков далеко не полный перечень вопросов, показывающих сложность и важность проблемы наказания за преступления международного характера.

2. Прежде всего коснемся международных соглашений, в которых есть какие-либо упоминания о видах либо мерах наказания.

Основой, естественно, является Устав Международного военного трибунала, созданного для суда над нацистскими военными преступниками. В Уставе предусмотрена единственная основная мера наказания — смертная казнь и дополнительная, сформулированная описательно, употребляя термины советского закона, — конфискация имущества, возмещение нанесенного имущественного ущерба. Других мер наказания Устав не знает.

В Международной конвенции 1910 года о пресечении торговли женщинами не названы конкретные меры наказания; конвенция рекомендует предусмотреть в национальном законодательстве в качестве меры наказания лишение свободы.

Сходное положение содержится в Конвенции об охране морского кабеля: за совершение этого преступления рекомендуется предусмотреть арест и штраф.

В большинстве соглашений и резолюций ООН указывается только, какие деяния относятся к категории преступных или являются преступлениями либо совершение каких деяний влечет уголовную ответственность; в некоторых соглашениях нет указания на наказуемость преступных действий (например, в Конвенции о запрещении торговли женщинами в целях проституции).

Таким образом, прежде всего, по нашему мнению, следовало бы выработать унифицированную форму международных актов, в частности, признавая какие-либо действия преступными, указывать, какие виды наказания они должны влечь,

В то же время мы полагаем, что акт признания ООН какого-либо деяния преступным не должен сопровождаться указанием конкретных санкций, ибо вслед за этой международно-правовой нормой последует

конвенция, в которой будут даны конкретная Юридическая характеристика преступного деяния (или преступных деяний) и рекомендация о виде или мере наказания.

Скажем несколько слов в обоснование этого, в общем-то дискуссионного предложения. Очевидно, что рекомендация конвенцией конкретной меры наказания не обязательна для суверенного государства. Однако присоединение к конвенции отражает отношение государства к названным в ней деяниям как к преступным, а значит, влекущим наказание. Это может быть основанием того, чтобы принять во внимание такие рекомендации. Кроме того, подобная рекомендация будет в какой-то степени способствовать единообразному подходу к наказуемости преступлений международного характера: за одно и то же преступление не будут назначаться разные виды наказания. Представляется, что это не будет ущемлять государственный суверенитет.

Большей унификации мер наказания в международном уголовном праве, вероятно, нельзя добиться, да и вряд ли это необходимо. Имеющийся опыт наказания преступников за международные преступления показывает, что различие не в видах, а в мерах наказания неизбежно. Мы уже говорили, что предел такого наказания, как лишение свободы, в разных правовых системах различен. Когда принимается норма международного уголовного права, конкретизирующаяся в национальном законодательстве, последнее воспринимает ее в общем, устанавливая меры наказания в соответствии с действующим правом (размер наказания, порядок его отбывания). Там, где есть пожизненное заключение, оно и будет предусмотрено в законе за тяжкое международное преступление или преступление международного характера; там, где высшим пределом лишения свободы является, допустим, 25 лет, именно этот срок и будет предельным и т. д. Аналогично решается вопрос и о низшем пределе наказания.

В свое время было достигнуто соглашение, значительно сблизившее карательную практику в отношении преступлений против человечества. Речь идет о неприменении сроков давности к нацистским преступникам: к тем, кто совершил особо тяжкие преступления, могут применяться все меры наказания, включая

смертную казнь, независимо от срока давности. Известно, что до принятия специального закона в ряде стран (в частности, в СССР) смертная казнь по истечении срока давности применяться не могла (она заменялась лишением свободы). В других странах истечение сроков давности вообще исключало ответственность независимо от тяжести преступления. Достигнутое соглашение привело к единообразию законодательного решения этого вопроса.

Аналогичные соглашения возможны и в иных случаях, в том числе и по преступлениям международного характера.

Таким образом, в конвенциях либо соглашениях вопрос о наказании может быть решен в принципе, установление конкретных сроков наказания останется прерогативой государств.

В случае создания судов *ad hoc* вопрос о мере наказания может быть решен таким же путем, как на Нюрнбергском процессе: две меры наказания были указаны в Уставе, остальное предоставлялось на усмотрение Трибунала, который руководствовался мерами наказания, установленными в законах стран, учредивших суд. Таким образом, меры наказания были не произвольны, а назначались на основе действующего уголовного законодательства.

Следовательно, общая заинтересованность в борьбе с преступлениями международного характера может служить основой не только для описания преступного деяния и определения в принципе меры наказания, но и для назначения наказания национальными судами.

Следует сказать, что, когда решен вопрос о предании преступников суду, сложностей уже меньше, чем тогда, когда вопрос о предании суду еще находится в стадии разрешения, ибо в таких случаях закон может молчать, а действовать будут интересы монополистических кругов, потворствующих преступникам или заинтересованных в преступлении. Но это вопрос не юридический.

Для социалистического права такой дилеммы не существует, ибо в социалистических странах нет сил, заинтересованных в сокрытии преступлений, живущих на них и, тем более, в покровительстве преступникам.

3. Проблема наказания за преступления международного характера включает вопрос о целях и задачах наказания.

Советское уголовное право считает, что наказание преследует цели общего и специального предупреждения. Конечная же цель наказания — исправление и перевоспитание лиц, совершивших преступление⁶.

Могут ли эти положения быть перенесены на международное уголовное право в качестве задач наказания при совершении преступлений международного характера? Безусловно. Существование уголовного закона, установившего наказание за конкретное преступление, конечно, имеет общепредупредительное значение, вопрос об общепредупредительной силе наказания — это одновременно вопрос об эффективности уголовного закона. Если угроза наказанием останавливает людей от совершения преступлений, это значит, что норма закона «работает», эффективна, приносит пользу обществу, а норма международного уголовного закона, кроме того, способствует укреплению международного общения государств.

Следует отметить, что эффективность общего предупреждения уголовно-правовой нормы зависит и от того, насколько широко известно о наличии таковой. Поэтому необходимо, чтобы судебные процессы над лицами, совершившими преступления международного характера, назначенные им наказания стали достоянием гласности. Так, издание Устава Международного Трибунала и последующее наказание нацистских преступников, широкое освещение процесса, опубликование приговора имели огромное общепредупредительное значение. Эти документы важны и сейчас как выражение общепредупредительной силы наказания.

Нам думается, что разоблачение взяточников из фирмы «Локхид», суд над ними, разоблачение других преступлений, безусловно, имеют общепредупредительное значение.

При этом необходимо отметить, что для исполнителей преступлений международного характера общее предупреждение более весомо, чем для организаторов, часто руководителей капиталистического бизнеса, уверенных в своей безнаказанности.

Специальное предупреждение, будучи обращено к конкретным лицам, уже разоблаченным, также весь-

ма важно. Оно лишает преступников уверенности в безнаказанности, к тому же мера наказания не дает им возможности какое-то время совершать новые преступления.

Международное уголовное право, как и уголовное право отдельных государств, должно считать конечной целью наказания исправление и перевоспитание преступников.

Наказание, назначенное судом за осуждаемый законом и моралью поступок, — составная часть воспитания человека. Пусть специфическая, исключительная, но в конечном счете воспитательная мера.

Однако нельзя забывать, что наказание — средство не только воспитания, но и устрашения. Суровые меры наказания при совершении преступлений международного характера должны применяться к организаторам, вдохновителям преступного бизнеса. Когда нацистским преступникам и их пособникам были назначены суровые меры наказания, это было справедливым возмездием, карой, которую с чувством удовлетворения встретили народы мира. Так проявилось общее и специальное предупреждение.

Представляется необходимым подчеркнуть, что при совершении преступлений международного характера и наказания за них особое значение приобретает международное общественное мнение, которое осуждает и преступления, и лиц, их совершивших, особенно тех, кто наживается на преступности, наносит ущерб международному сотрудничеству, делу мира, основам мирного сосуществования государств и народов.

4. Исследуя проблему наказания за преступления международного характера, нельзя не остановиться на порядке назначения наказания. В советском уголовном праве (ст. 37 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик) установлено, что наказание назначается виновному: а) на основе принципов Общей части уголовного законодательства, б) в рамках санкции статьи Особенной части с учетом как смягчающих, так и отягчающих обстоятельств и личности виновного.

Это означает, что при назначении наказания следует, руководствуясь общими теоретическими положениями, которые выработаны наукой и получили отражение в Общей части уголовного законодательства, **учиты-**

вать форму и степень вины, **стадию** преступной деятельности, вид соучастия в преступлении, цели и задачи наказания и другие положения. Кроме того, может быть избрана только такая мера наказания и только в тех пределах, которые предусмотрены в законе, на основании которого лицо предано суду. Причем суд не вправе назначить наказание выше предела санкции, но может назначить наказание ниже низшего предела санкции.

В других правовых системах назначение наказания основано на сходных принципах (мы их не рассматриваем, хотя очевидно, что это весьма существенно, мы говорим лишь о юридической основе, которая может быть применена в международном уголовном праве, как праве, образно говоря, в значительной степени компромиссном).

Из всего комплекса обстоятельств, которые учитываются при назначении наказания, мы остановимся на смягчающих и отягчающих обстоятельствах, на значении вредных последствий.

Обязанность учитывать смягчающие обстоятельства, которая существует во всех правовых системах (в виде примерного перечня в законе или в описании конкретного состава преступления), служит выражением гуманных принципов в праве. Однако учет их при совершении преступлений международного характера имеет свою специфику.

Рассмотрим для примера такое смягчающее обстоятельство, как совершение преступления впервые. Мы полагаем, что и во внутреннем уголовном законодательстве, в частности в советском, его следует учитывать осторожно⁷. С нашей точки зрения, попытки придать такому обстоятельству, как совершение преступления впервые, самодовлеющий, абсолютный характер неверны и неприемлемы не только в национальном законодательстве, но и в международном уголовном праве.

Значение этого обстоятельства пытались абсолютизировать сразу после окончания второй мировой войны те лица, которые стремились обелить, выгородить нацистских военных преступников. Это проявилось, в частности, в позиции англичанина сэра Сесилия Херста, бывшего в конце **войны** председателем Комиссии Объединенных Наций по расследованию **военных преступ-**

лений. Он считал, что прежде, чем решить вопрос о выдаче преступника тому государству, на территории которого он или под его руководством совершались чудовищные преступления, необходимо выяснить, «в первый ли раз совершено преступление».

Такое требование не могло быть признано обоснованным. Во всех странах смягчающие обстоятельства учитываются судом при выборе меры наказания, Херст же предлагал сначала выяснить, нет ли этого обстоятельства, а потом судить преступника. Да и по существу едва ли можно согласиться с тем, что совершение преступления, тем более международного, впервые всегда должно рассматриваться как смягчающее обстоятельство. Не разделили этой точки зрения ни Нюрнбергский, ни Токийский трибуналы. Тяжкое преступление, совершенное впервые — убийство сотен людей в душегубках, продажа большой партии наркотиков, — не может считаться, хотя бы из соображений гуманности, менее опасным.

Очевидно, и в преступлениях международного характера, например при распространении наркотиков, не может расцениваться как смягчающее то обстоятельство, что лицо «впервые» продало такой наркотик, как героин, на десятки тысяч долларов и этим наркотиком были отравлены десятки и сотни людей. Или если террорист «впервые» перестрелял несколько человек или взорвал дом, в котором проживали ни в чем не повинные люди, вряд ли это можно расценивать как смягчающее обстоятельство. Ведь и чудовищная война, развязанная нацизмом, как мы уже говорили, тоже была «совершена впервые».

Аналогично можно и нужно подходить к оценке совершения преступления впервые и при многих других преступлениях международного характера. Рассматриваться как смягчающее оно может только с учетом всех других обстоятельств.

На оценку отягчающих и смягчающих обстоятельств существенное влияние должна оказывать степень опасности преступления. Таково принципиальное положение уголовного права, которое, по нашему мнению, должно действовать и при рассмотрении преступлений международного характера.

Как известно, уголовный кодекс любой страны — это не беспристрастный перечень преступлений: он, как пра-

вило, построен по принципу от наиболее тяжких преступлений (главным образом по объекту посягательства) к менее тяжким и, наконец, к преступлениям, граничащим с административно-наказуемыми деяниями (в формулировке советского законодателя: малозначительные и не представляющие значительной общественной опасности преступления). Меры наказания также находятся в зависимости от того, к какой категории преступлений относится деяние. Как правило, выдерживается принцип: за более тяжкие преступления — более суровые наказания, за менее тяжкие — менее суровые. Суд, назначая наказание, учитывает все обстоятельства, в том числе смягчающие и отягчающие, принимая за основу тяжесть, опасность совершенного деяния.

Преступления международного характера неоднородны: одни из них более, другие менее опасны. Все обстоятельства должны быть оценены в зависимости от тяжести преступления, в частности в зависимости от степени участия лада в преступлении (что иманию оно сделало). Одно дело — участие в международных бандах террористов, распространителей наркотиков или контрабандистов либо торговцев людьми, другое — столкновение судов на море.

Если в этом свете посмотреть не только на смягчающие, но и на отягчающие обстоятельства, то следует сказать, что перечень обстоятельств, имеющийся в национальном законодательстве, не всегда достаточен для оценки преступления, преступника, а значит, и для правильного назначения наказания. Так, безусловно отягчающим обстоятельством является совершение любого преступного деяния на борту самолета, терпящего бедствие в связи с его угоном, как преступлением международного характера. Такое отягчающее обстоятельство не предусмотрено ни в одном законодательстве. Однако оно существенно для данной категории преступлений.

Отягчающим обстоятельством при совершении преступлений, связанных с наркотиками, следует, по нашему мнению, считать втягивание любым способом большого числа людей как в само преступление, так и в потребление наркотиков. Подобные указания в национальных законах либо отсутствуют, либо сформулированы иначе, но они характерны для преступлений меж-

дународного характера и должны учитываться при назначении наказания.

5. Законодательство многих стран считает отягчающим обстоятельством наступление тяжких последствий. При оценке преступлений международного характера нельзя ограничиваться обычно понимаемой тяжестью последствий (например, убийство нескольких человек, большая сумма ущерба и т. п.), она может быть специфична и, конечно, весьма существенно влияет на меру наказания.

Одним из таких специфических, по нашему мнению, последствий может быть осложнение отношений между государствами. Мы выше привели пример, как осложнились отношения между Грецией и Турцией в связи со спором о континентальном шельфе. Но это был спор о том, кому принадлежит шельф. Если же на шельфе было бы совершено преступление, серьезно затронувшее интересы государства (мы отвлекаемся сейчас от спора между Грецией и Турцией), то последствия этого могли стать весьма тяжкими, вплоть до разрыва отношений, военного столкновения и т. п. В конечном счете ущерб был бы нанесен не только тем государствам, которые втянуты в осложнения в результате совершения преступления международного характера, но и в целом делу мира и мирного сосуществования государств с различным социально-политическим строем.

Безусловно, подобные последствия не могут быть безразличны при назначении наказания.

Мы полагаем, что суд, рассматривая преступления международного характера, независимо от того, предусмотрены ли подобные последствия национальным уголовным законом или носят специфический характер, должен их учитывать при назначении наказания. В общей форме такая возможность должна получить отражение в национальном законодательстве.

6. Одним из важнейших положений, определяющих эффективность уголовного наказания, является его неотвратимость⁸. Отмечая, что это важнейшее свойство, составляющее суть предупредительной силы наказания, известно еще со времени Беккариа, В. И. Ленин высказал важную мысль, которая легла в основу советской уголовно-правовой теории и является, безусловно, ярким выражением гуманизма и демократизма

социалистического права: действительность наказания определяется не его жестокостью, а его неотвратимостью⁹.

Очевидно, что в современных условиях любое проявление жестокости при назначении наказания за преступления международного характера неприемлемо. Однако принцип неотвратимости наказания имеет существенное значение. Он будет осуществлен в том случае, когда за каждое преступление международного характера виновные будут привлечены к ответственности и осуждены.

Чрезвычайно важно, чтобы международные уголовные законы точно соблюдались и тогда, когда речь идет о квалификации преступлений международного характера, и тогда, когда речь идет о наказании **лиц**, их совершивших.

Причем весьма существенное значение имеет то, как исполняется наказание, какое наказание реально отбывает осужденный. Так, в качестве наказания может быть назначено, допустим, десять лет лишения свободы, а реально преступник отбывает половину срока. Это возможно как потому, что законы страны, где осужден и отбывает наказание преступник, допускают досрочное освобождение, так и потому, что могут найтись силы, которые и «по закону», и вопреки ему будут стремиться к освобождению преступника. Последнее, конечно, недопустимо. Против такого отношения к законности (вступивший в силу приговор суда наделяется силой закона всеми правовыми системами) необходимо решительно бороться.

Эффективности наказания за преступления международного характера могло бы способствовать и принятие принципа, согласно которому преступник за совершение более тяжкого преступления отбывает больший срок даже тогда, когда после отбытия части наказания может быть поставлен перед судом вопрос о досрочном освобождении от наказания. Мы полагаем, что с учетом опасности преступлений международного характера за наиболее тяжкие из них преступник должен отбывать полный срок наказания, а за иные преступления (по предлагаемой нами классификации) может быть применено досрочное освобождение от наказания на основе норм, существующих в национальном уголовном законодательстве. Кроме того, очень важно, чтобы во-

прос о досрочном освобождении преступника от наказания решал суд, а не тюремная администрация (как в ряде стран Запада).

**Субъект преступлений международного характера
и личность «международного преступника»
(некоторые вопросы)**

1. Для привлечения к уголовной ответственности, как известно, лицо должно достигнуть определенного возраста и быть вменяемым, т. е. обладать способностью сознавать свои поступки и отвечать за них. Это в полной мере относится и к лицам, совершившим преступления международного характера.

Однако при решении вопроса о возрасте уголовной ответственности может возникнуть коллизия между законодательством разных стран, ибо возраст, с которого возможно привлечение к уголовной ответственности, в разных странах определяется по-разному. Представляется очевидным, что в международном уголовном праве необходимо достигнуть единообразия и по этому вопросу.

При этом следует иметь в виду, что преступления международного характера различны по своему содержанию. Одни преступления могут быть совершены людьми молодого возраста, другие преступления очень молодые люди совершить не могут. В последнем случае речь следует вести не только и не столько о возрасте, сколько о возможности человека быть на том посту, на той должности, которая только и позволяет совершить преступление. Здесь, как и в национальном уголовном праве, речь должна идти о специальном субъекте преступления.

Мир в настоящее время столкнулся с проблемой акселерации, под (которой понимают ускоренное развитие человека — физическое и умственное. Однако далеко не всегда акселерации физической сопутствует акселерация социальная. Последняя, понимаемая как осознание своего места в обществе, своих прав и обязанностей, должного и недолжного, далеко не всегда соответствует уровню знаний, подчас довольно высокому, особенно по конкретным проблемам. Социальное сознание человека нередко отстает и от умственного,

и от физического развития. Игнорировать это нельзя. Вероятно, проблема акселерации осложняет и вопрос о возрасте, с которого возможна уголовная ответственность. С одной стороны, вроде бы возраст можно и нужно снизить, ибо человек достаточно развит умственно и физически. С другой — сложность современной жизни показывает, что молодой человек, как правило, недостаточно ориентируется в общественной жизни, особенно в сложных международных и политических вопросах.

При этом нельзя не отметить, что почти повсеместно преступность «молодеет», преступниками становятся люди более молодые, чем, допустим, 10 лет назад (этот процесс особенно характерен для капиталистических стран, в социалистических странах, где вообще преступность значительно ниже, он менее ярок).

Если с этой точки зрения взглянуть на преступления международного характера, то можно высказать следующие общие соображения. Такие преступления, как терроризм, наемничество, пиратство, угон самолетов, торговля наркотиками, контрабанда, нелегальная эмиграция, посягательства на национально-культурное наследие народов, порнография, разрыв или повреждение морского кабеля, могут совершать люди достаточно молодого возраста.

Вспомним конец второй мировой войны, когда нацисты ставили под ружье мальчишек 12—13 лет и заставляли их убивать советских солдат. Это, конечно, исключение. Но наемниками вполне могут быть в современных условиях пятнадцатилетние. Участниками террористических групп — тоже (встречаются же убийцы такого возраста). Воровать культурные ценности, полностью понимая, что они делают, тоже могут лица, не достигшие совершеннолетия.

Конечно, пятнадцатилетних капитанов судов, способных отвечать за столкновение судов на море, быть не может (разве что у Жюль Верна). Вряд ли можно всерьез говорить и об ответственности с такого же молодого возраста за запряжание окружающей человека среды — преступления сложного и по методу, и по последствиям.

В общей форме, учитывая особенности преступлений международного характера, разный подход к возрасту уголовной ответственности в **разных** законода-

тельстввах, можно было бы предположить, что ответственность за эти преступления должна наступать с 16 лет, а за те деяния, которые зависят от должностного положения виновного, — с 18 лет (или совершеннолетия). При совершении сложных преступлений международного характера молодой возраст виновного можно было бы считать в соответствующих случаях смягчающим обстоятельством, как и политическую незрелость.

Что касается вменяемости, то, конечно, как и при обычных уголовных преступлениях, в случае сомнений в психической полноценности необходимо заключение врачей-специалистов (психиатров) о психическом состоянии лиц, совершивших преступление международного характера, об их вменяемости. Вменяемо или (невменяемо) лицо, должен решить суд с учетом заключения экспертов-психиатров.

Как и при общеуголовных преступлениях, при совершении преступлений международного характера может встать вопрос о специальных субъектах преступления. Таковыми являются террористы, наемники, должностные лица при загрязнении окружающей среды, столкновении судов на море, незаконном радиовещании, подделке денег и ценных бумаг, торговле людьми. Мы полагаем, что специальные субъекты, которые в силу своего должностного положения, как правило, обладают большими возможностями для совершения преступлений либо получают большие выгоды от их совершения (исключая такой состав, как столкновение судов), должны нести более суровую ответственность.

2. Рассмотрим применительно к преступлениям международного характера понятия «субъект преступления» и «личность преступника». Очевидно, что это — понятия не тождественные. Криминологическое понятие «личность преступника» по своему содержанию глубже, чем понятие «субъект преступления».

Когда речь идет о личности преступника, ее характеристика дается многогранно: социально, криминологически, психологически, юридически, с точки зрения определенных физиологических, демографических качеств. Такой подход позволяет подойти к проблеме причин совершения преступления, получить более или менее полную социально-психологическую характеристику личности человека, совершившего преступление.

Подход к изучению личности преступника, как и классификация преступников, зависит от исходных теоретических позиций. В криминологии есть течения, изучающие личность преступника с позиций биологических. Это направление, как правило, антигуманистично; попытки рассматривать человеческую личность только как биологическую особь неизбежно приводили и приводят к ненаучным и реакционным выводам о прирожденности преступности, вечности преступности и т. д.

В политическом плане биологические теории позволяли (и позволяют) признавать прирожденными преступниками (или предрасположенными к преступлениям) противников капиталистических порядков: Ломброзо, например, признал преступными личностями руководителей французской буржуазной революции, а нацисты кастрировали своих политических противников, признавая их врожденными преступниками.

Биологические теории легли и в основу так называемой теории опасного состояния, согласно которой человек, предрасположенный к совершению преступления, может быть заключен под стражу, даже если он не совершил конкретного преступления, но административные органы (даже не суд) посчитают его социально опасным. Причем в буржуазных государствах этому беззаконию пытались придать «легальный» характер, введя в некоторые уголовные кодексы норму, в силу которой опасное состояние определенных категорий лиц презюмируется. К лицам, признанным находящимися в опасном состоянии, применяются меры социальной защиты.

В современной криминологии сторонников биологических теорий становится все меньше.

Лишь теоретики крайне правых направлений еще цепляются за них.

Теория опасного состояния имеет социологическую модификацию, которая также благословляет произвол по отношению к человеческой личности, ссылаясь на ее опасность для общества (хотя конкретного преступления и не совершено). Очевидно, что социалистическое право не приемлет этих теорий.

Нам представляется, что в международном уголовном праве не должно быть места теории опасного состояния.

В то же время как для практики борьбы с преступностью, так и для развития науки необходимо изучать личность преступника, в том числе лиц, совершивших преступления международного характера.

Социалистическая наука изучает личность, руководствуясь известным положением марксизма-ленинизма о человеке как частице общественных отношений, носителе определенных социальных черт и качеств, обладающем физиологической индивидуальной основой для восприятия социальной программы.

Безусловный интерес представляют социально-психологические типы лиц, совершающих преступления международного характера. Очевидно, что в зависимости от вида преступлений можно выделить и некоторые общие черты преступника. Так, криминология выделяет тип людей, совершающих насильственные преступления.

Среди преступлений международного характера можно выделить группу подобных преступлений. Очевидно, можно установить и определенное сходство социально-психологических черт преступников, их совершающих.

К примеру, есть, вероятно, сходство в социально-психологических характеристиках между террористами, наемниками, угонщиками самолетов, лицами, занимающимися пиратством. Способ действий их всегда сопряжен с насилием над другими людьми; действия их бывают крайне жестокими, циничными. Из этого можно заключить о безразличном отношении к чужой жизни, моральным и иным ценностям. Выше мы приводили наблюдение одного из буржуазных криминологов, который полагал, что террористам свойственно стремление к рекламе, шуму. Это, вероятно, так, но, по нашему мнению, не это их отличительная черта. Террористы неоднородны, мы уже писали об этом выше. Но то же самое можно со значительной долей вероятности сказать и о тех, кто занимается пиратством. Указанные виды преступлений часто не просто уголовные преступления, а преступники не просто, допустим, убийцы. Они — и это очень существенно — носители каких-то взглядов, какой-то идеологии. Как правило, идеологии крайне правых и левацких направлений, твердо усвоивших, что они должны ненавидеть «демократов» и коммунистов. За что — они часто и сами не

знают, так как являются орудием в руках заправил империалистической, фашистской или иной реакции, либо жертвами демагогических концепций о «свободе личности» и «правах человека».

Очевидно, что изучение личности лиц, совершающих преступления международного характера, — вопрос будущего.

Криминология знает и такой вид преступности, как корыстные преступления. Соответственно и преступников этого рода. Личности их в какой-то мере изучены. Социально-психологические типы определены, во всяком случае в социалистической криминологии. Накладывая схему этих преступлений на преступления международного характера, можно сказать, что среди последних есть преступления, в основе которых лежит корысть и прямая страсть к наживе, получению прибыли от занятий преступной деятельностью. Это — распространение и торговля наркотиками, подделка денег и ценных бумаг, посягательство на национально-культурное наследие народов, торговля людьми. Сюда же могут быть отнесены и пиратство, хотя оно близко и к насильственным преступлениям, и порнография, хотя последняя является также преступлением против моральных ценностей, цель которого — моральное разложение людей, стремление увести их от политики¹⁰.

Хотя общим для всех преступлений этого вида является жажда наживы, обогащения, социально-психологические типы преступников этого рода далеко не однозначны. В первую, наиболее опасную группу следует выделить тех, кто именуется «белыми воротничками». Это — «уважаемые» люди в капиталистическом обществе. Мы не будем давать им характеристику, ибо найдем ее у Сатерленда, Кресси, Шибутани, Кларка, Шура и многих других буржуазных авторов и исследователей. Мы лишь скажем, что без них нет и не может быть буржуазного общества, общества, где цель производства — прибыль любой ценой. И конечно, эти преступники по своей социально-психологической характеристике значительно отличаются от более «мелких» преступников этого рода.

Обращает на себя внимание деятельность капиталистических монополий и их руководителей как личностей, которые ради прибыли идут на совершение преступлений.

Корпорации и их руководители в последнее время добиваются того, чтобы они наряду с правительствами **были** признаны субъектами международного права. Но, может быть, куда больше оснований в тех случаях, когда установлено, что прибыли добываются ими явно незаконным, преступным путем, ставить вопрос о признании их преступными организациями? А тех конкретных руководителей, которые организуют преступления, судить на основе применения уголовных законов как международных преступников? Пожалуй, в последнем больше логики и пользы человечеству, чем в первом. Тем более, что корпорации и монополии часто прибегают к незаконным, уголовно наказуемым методам накопления капитала. Достаточно напомнить, что только американские корпорации истратили на взятки иностранным государственным деятелям около 300 млн. долларов.

О преступной деятельности капиталистических монополий говорилось, например, в докладах японских и алжирских юристов на X конгрессе Международной Ассоциации юристов-демократов в Алжире в 1975 году. Очевидно, что проблема эта становится все более актуальной.

Говоря о типологии преступников, совершающих преступления международного характера, мы можем выделить в самостоятельную группу тех, кто причастен к загрязнению окружающей человека среды. Среди них есть те, кто, будучи военными, заведомо приносят непоправимый ущерб окружающей среде, как это было во время войны во Вьетнаме. Есть руководители военно-промышленных комплексов и капиталистических монополий. Их деяния — часто следствие стремления получить прибыли, они при этом игнорируют возможность нанесения непоправимого ущерба природе и людям. Есть среди этих преступников и люди второстепенные — непосредственные исполнители, лишь выполняющие свои служебные функции, не задумываясь над тем, какой вред они наносят. Есть, наконец, и те, кто не знает, что наносит вред. Конечно, их характеристики различны; различен должен быть и подход к ним как к преступникам.

Распространители порнографии тоже своеобразный социально-психологический тип преступников. Конечно, одной из сторон их личностной характеристики является

стремление к наживе. Но сказать об этой категории преступников только так — значит сказать очень мало. Особенно об организаторах этого преступного бизнеса. Организаторов отличает не только корысть, но и лицемерие, а часто и моральная распушенность. Они делают вид, что ничего особенного в распространении порнографии нет. Более того, они усиленно распространяют «идеи» о свободе личности, указывая, что составной частью этой свободы является свобода сексуальных отношений. Таким образом, организатор — это преступник-идеолог. Но он одновременно и сознательный развратитель людей, похититель моральных ценностей.

Особую категорию представляют нанятые организаторами изготовители порнографической продукции — особенно кинофильмов — режиссеры, продюсеры, ведущие «кинозвезды порнографии» (есть и такие, особенно в Швеции, Дании, США), наконец, весь подсобный персонал, «служащие». Сводить их роль только к роли людей, зарабатывающих на порнографическом бизнесе, вряд ли можно. Если актеры могут сниматься в порнофильмах, прельстившись повышенным заработком, то режиссер и, тем более, продюсер — это люди, близкие к организаторам: без них не может быть и самого бизнеса. Оценка личности разных участников этого преступления необходима не только для того, чтобы избрать им меру наказания, соответствующую в числе прочих обстоятельств особенностям их личности, но и для того, чтобы разобраться во всех особенностях самого преступления.

Кроме организаторов и тех, кто служит объектом изготовления порнографических «произведений», так сказать натуры, есть еще распространители порнографии: владельцы кинотеатров, магазинов, торгующих порнографическими предметами, киоскеры и тому подобные «официальные» лица, наконец, подпольные торговцы, распространяющие самую низкопробную продукцию, если вообще ее можно разделять на низкопробную и самую низкопробную. Конечно, эти личности <в социально-психологическом плане неодинаковы. Но всех >их объединяют некоторые общие черты: стремление к наживе, цинизм, в конечном счете презрение к человеку либо полное атрофирование каких-либо общечеловеческих моральных качеств.

Есть среди лиц, совершающих преступления международного характера, и своего рода преступники случайные. Вероятно, в этом плане можно говорить о таких преступлениях, как столкновение морских судов и разрыв или повреждение подводного кабеля, совершенные неосторожно. Это сложная проблема, ибо в криминологии неосторожные преступления и лица, их совершившие, еще только начинают изучаться.

Очевидно, что высказанные соображения могут рассматриваться лишь как схема. В науке уголовного права и криминологии еще не накопилось достаточно материала для более или менее четкой характеристики преступников, совершающих преступления международного характера, даже по такому распространенному преступлению, как торговля наркотиками. Вопрос о научном осмысливании проблемы личности преступников этого рода — своего рода программа криминологических исследований в этом, в общем-то новом для криминологии направлении.

Конечно, вследствие разницы подхода к изучению личности в социалистической науке и науке буржуазной разными будут выводы, политические оценки как самих преступлений, так и личности тех, кто совершает преступления международного характера. Но это не может служить препятствием к изучению проблемы, ибо значение ее для дела борьбы с преступлениями международного характера переоценить невозможно, как для справедливого наказания преступников, так и для предупреждения преступлений в интересах всех государств и международного сотрудничества¹¹.

При изучении личности преступников, совершающих преступления международного характера, важнейшим аспектом должно быть политическое лицо преступника, выяснение, носителем какой идеологии, каких взглядов он является (особенно по категориям наиболее опасных преступлений и организаторов их). Мы уже подчеркивали, что сама преступность и ее физические носители — следствие эксплуататорских общественных отношений, крайнее их выражение.

Международные преступления, как показала история, — дело наиболее реакционных кругов, противников прогресса и демократии. Преступления международного характера, как мы стремились показать, тоже наносят

вред прогрессу и международному сотрудничеству. Именно поэтому политическая характеристика личности преступников может помочь оценке глубины и сущности самих преступлений, разоблачить попытки недобросовестных ученых и идеологов реакционных сил извратить подлинно научное понимание этого рода преступлений, как и преступности в целом. Это позволит вскрыть и показать лицо тех реакционных империалистических, фашистских, шовинистических, военно-бюрократических сил, которые мешают международному сотрудничеству, втягивают людей в международные и иные преступления, наносящие ущерб делу мира в условиях разрядки международной напряженности и мирного сосуществования государств с различным общественным строем.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Мы рассмотрели основные вопросы избранной темы. Очевидно, что сказанным проблема не исчерпывается. Некоторые вопросы намеренно не рассматривались, ибо они, по нашему глубокому убеждению, носят самостоятельный характер, хотя, безусловно, имеют отношение и к теме настоящего исследования. К их числу относятся, например, экстрадиция — выдача преступников, положившая начало международному уголовному праву. Однако, полагая, что вопрос об экстрадиции относится к вопросам процессуальным, автор оставил его в данной работе без рассмотрения. Представляется, что наряду с материальным правом должно складываться и международное процессуальное право. Оно, конечно, как и материальное право, будет и ограниченным (с точки зрения международных процессуальных норм), и компромиссным. Впрочем, имеется положительный опыт и в этом отношении: Нюрнбергский и Токийский процессы. Заинтересованные государства пришли к соглашению и по основным вопросам материального права (хотя и не по всем), и по основным вопросам процессуального права.

Имеются и конкретно решенные вопросы, относящиеся к самой экстрадиции, признаваемые большинством государств.

Безусловно, проблемы международного уголовного права требуют дальнейшего осмысления. В них еще много спорных и неясных пока вопросов. Предложенная в настоящей работе система преступлений международного характера, безусловно, будет совершенствоваться. Однако ясно, что советские юристы, основывающие свои выводы на принципах марксизма-ленинизма, внесли и будут вносить дальше свой посильный вклад в развитие нового направления в правовой науке — международного уголовного права, одного из необходимых инструментов в борьбе за мир, международное сотрудничество между государствами в условиях разряд-

ки и мирного сосуществования государств с различным социальным строем.

Естественно и то, что международное уголовное право должно строиться на демократических, прогрессивных принципах, выработанных разными системами права. Главное — чтобы оно служило делу укрепления мира и международного сотрудничества между государствами, делу борьбы с преступлениями против мира и человечества, с преступлениями международного характера.

Наконец, следует сказать, что мир сейчас сталкивается с необходимостью решения глобальных проблем, проблем, касающихся всего человечества, независимо от характера социально-политического строя государств. Об этих проблемах говорил Л. И. Брежнев в докладе на XXV съезде КПСС, подчеркнув, что они «будут оказывать все более заметное влияние на жизнь каждого народа, на всю систему международных отношений». Создание мирной основы для развития международных отношений — одна из таких проблем. Составной ее частью является борьба с международными преступлениями и преступлениями международного характера, утверждение принципов права и законности в международных отношениях.

Очевидно, что борьба с преступлениями, наносящими ущерб делу мира, мирному сотрудничеству государств, — дело всех, кому дороги мир, демократия и социальный прогресс. Они в конечном счете касаются каждого человека.

Поиски позитивного решения возникающих в связи с этим проблем — долг всех юристов, ибо существует непреложный принцип: право, законность всегда и везде должны быть инструментами мира и защиты прав и свобод человека.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

¹ См.: Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи. Том шестой. М., Политиздат, 1978, с. 72—75.

² Здесь следует назвать таких известных ученых, как В. Н. Дурденевский, Е. А. Коровин, В. М. Корецкий, С. Б. Крылов, Г. И. Тункин, Ф. И. Кожевников, Д. Б. Левин, А. Н. Трайнин, И. П. Блищенко, М. И. Лазарев, Г. П. Задорожный, Н. А. Ушаков, В. И. Менжинский, Л. А. Моджорян, С. В. Молодцов, Г. И. Морозов, О. Н. Хлестов, С. А. Малинин, Р. Л. Бобров и другие, которые много сделали и делают для развития прогрессивных и гуманистических принципов международного права.

³ См., например: Трайнин А. Н. Защита мира и уголовный закон. М., «Наука», 1969. Необходимо указать в первую очередь труды А. Н. Трайнина, П. С. Ромашкина, С. А. Голунского, А. И. Полторака, В. М. Чхиквадзе и ряда других ученых; книги, статьи и речи Главного обвинителя от СССР на Нюрнбергском процессе Р. А. Руденко, обвинителей от СССР Л. Н. Смирнова, Г. А. Александрова, М. Ю. Рагинского и других, давших детальный юридический анализ международных преступлений, сформулировавших принципы ответственности за них.

⁴ Среди советских юристов одной из первых обратилась к рассмотрению этой группы преступлений Л. Н. Галенская в книге «Международная борьба с преступностью» (М., «Международные отношения», 1972).

Глава I

¹ См.: Трайнин А. Н. Защита мира и уголовный закон. М., «Наука», 1969; Блум М. И. Действие уголовного закона в пространстве и международно-правовая борьба с преступлениями. — Вопросы борьбы с преступностью. Ученые записки Латвийского университета, т. 212, 1974, с. 254; Галенская Л. Н. О понятии международного уголовного права. — Советский ежегодник международного права, 1969. М., «Наука», 1970; Ромашкин П. С. К вопросу о понятии и источниках международного уголовного права. — Сов. государство и право, 1948, № 3; Тункин Г. И. Вопросы теории международного права. М., Госюриздат, 1962, с. 266—290; Шаргородский М. Д. Некоторые вопросы международного уголовного права. — Сов. государство и право, 1947, № 3; Карпец И. И., Левин Д. Б. Реваншизм и попустительство военным преступникам. — Международная жизнь, 1964, № 8.

² Журнал уголовного и гражданского права, 1889, № 1,

³ Мартене Ф. Современное международное право цивилизованных народов. — Спб., 1905.

⁴ Гефтер А. В. Европейское международное право. Спб., 1880, с. 201.

⁵ Блюнчли И. Современное международное право цивилизованных государств, изложенное в виде кодекса. М., 1878, с. 283.

⁶ См.: Тункин Г. И. Вопросы теории международного права; Елнычев Г. И. К вопросу о коллективном характере вины и ответственности по международному публичному праву. — Вестник Московского университета, 1970, № 1; Он же. Вина в международном праве. — Сов. государство и право, 1972, № 3; Петровский Ю. К. О понятии вины и вменения в международном праве. — Вестник Ленинградского университета, вып. I, 1968, № 5, и др.

⁷ А. Н. Трайнин писал: «Так, резолюция IV конференции по унификации уголовного законодательства прямо относит к пиратству также мятеж экипажа, когда он направлен не только против командования корабля или воздушного судна, но также против имущества. На этом основании в 1935 году во время мартовского восстания греческое правительство объявило восставший флот пиратским и приказало потопить восставшие суда (Указ. соч., с. 34).

⁸ См.: Трайнин А. Н. Указ соч., с. 19—39.

⁹ Jeschek H. Lehrbuch des Strafrechts. Algem. Teil. Berlin, 1972, S. 96—97.

К числу западногерманских ученых, отрицающих принципы Нюрнбергского трибунала и практически сочувствующих прошлому, относятся также Книрам, Дамм, Рудольф и ряд других. Среди американских юристов, ставящих принципы Нюрнберга под сомнение, можно назвать Кунца, Гросса, Финча, Радина и др.

¹⁰ Вопреки признанию их Организацией Объединенных Наций. К их числу относится, например, Г. Шварценбергер (см. Schwarzenberger G. The Problem of an International Criminal law. — International Criminal Law (Symposium). London, 1965.

¹¹ Bousat P. et Pinatel I. Traite de droit penal et de criminologie, t. II. Paris, 1963, p. 1294.

¹² Merle R., Vitu A. Traite de droit criminel. Paris, 1967, p. 245.

Советские ученые, занимавшиеся вопросами международного уголовного права, тоже говорили о том, что большинство вопросов международного уголовного права находится в процессе разработки (см., например: Шаргородский М. Д. Некоторые вопросы международного уголовного права. — Сов. государство и право, 1947, № 3). Однако исходные позиции советских ученых диаметрально противоположны «боязливой» позиции буржуазных ученых. Советские ученые подчеркивают в первую очередь значение международного уголовного права для защиты мира и борьбы против агрессии. Утверждения о неразработанности теоретических проблем этой отрасли права лишь констатируют существующее положение. Кроме того, вопрос о месте международного уголовного права и сейчас не решен до конца: он продолжает быть предметом дискуссий.

¹³ Ромашкин П. С. К вопросу о понятии и источниках международного уголовного права. — Сов. государство и право, 1948, № 3, с. 26.

¹⁴ Левин Д. Б. О понятии и системе современного международного права. — Сов. государство и право, 1947, № 5.

¹⁵ Конечно, разработка принципов и самих Уставов Нюрнбергского и Токийского трибуналов — дело коллективного творчества и коллективных усилий прогрессивных ученых и юристов-практиков СССР, США, Великобритании, Франции, как и ученых других государств, боровшихся против нацизма. Но советские ученые были более последовательны в проведении этих принципов в жизнь.

¹⁶ Meili. Lehrbuch des Internationalen Strafrechts und Strafprozessrechts, 1910, S. 5.

¹⁷ Ромашкин П. С. Указ. соч., с. 24.

¹⁸ Bustamante. Droit international public, t. IV. Paris, p. 12—14.

Среди советских ученых (кроме указанных выше) об ответственности государств по международному праву писали: Усенко Е. Т. Ответственность за нарушение международно-правовых норм. — Сов. государство и право, 1967, № 4; Курис П. М. Международные правонарушения и ответственность государства. Вильнюс, 1973; Мазов В. А. Ответственность за агрессию в международном праве. — Международная жизнь, 1972, № 5; Моджорян Л. А. Ответственность в современном международном праве. — Советский ежегодник международного права. 1969. М., «Наука», 1970, и др.

¹⁹ Именно поэтому даже буржуазные ученые возражали против идеи «мирового государства» и различных «наднациональных» органов типа судов, ибо создание такого «государства» означало бы ликвидацию международного права и замену его внутренним правом «мирового государства» (см.: Тункин Г. И. Вопросы теории международного права, с. 190).

²⁰ Pella V. La guerre-crime et les criminels de guerre. Geneve, 1946, p. 153—154.

²¹ Drost P. The Crime of State, v. I. Leyden, 1959, p. 293.

²² См.: Трайнин А. Н. Указ. соч., с. 41—42.

²³ См.: Шаргородский М. Д. Некоторые вопросы международного уголовного права. — Сов. государство и право, 1947, № 3.

²⁴ См.: Блум М. И. Действие уголовного закона в пространстве и международно-правовая борьба с преступлениями. — Вопросы борьбы с преступностью. Ученые записки Латвийского университета, т. 212, с. 27.

²⁵ Галенская Л. Н. О понятии международного уголовного права. — Советский ежегодник международного права. 1969. М., «Наука», 1970.

²⁶ См.: Галенская Л. Н., Петровский Ю. В. Ответственность юридических лиц за совершение международных преступлений. — Советский ежегодник международного права. 1971. М., «Наука», 1973.

²⁷ П. С. Ромашкин, ссылаясь на В. Н. Дурденевского, считает также источником международного уголовного права Кодекс международного частного права, названный по имени его создателя проф. Бустаманте и действующий (точнее, вероятно, действовавший) главным образом в ряде государств Центральной и Южной Америки.

²⁸ Полянский Н. Суд в Нюрнберге. — Сов. государство и право, 1946, № 1, с. 47.

²⁹ Появляются суждения и соображения о возможности существования новых отраслей права: международного административного, сельскохозяйственного (аграрного) права и т. д. В какую систему права должны вписаться эти отрасли, впрочем, еще даже не сформировавшиеся в более или менее цельную систему норм? Может быть, эти будущие отрасли — часть международного публичного права (или частного)? Но тогда вновь встают вопросы: до какого предела будет «раздвигаться» международное публичное право, не будет ли оно растворяться во все более частных проблемах и вопросах; наконец, не окажется ли, что в международном публичном праве будут сосредоточены совершенно разные по характеру правовые нормы? Все это вопросы, на которые пока еще нет удовлетворительного ответа.

³⁰ См.: Лунц Л. А. Международное частное право. М., «Юридическая литература», 1970.

³¹ A Treatise on International Criminal Law. Compiled and Edited by M. Cherif Bassiouni and P. Nande. — Springfield, Illinois, USA, 1973.

Г л а в а II

¹ Мы были свидетелями того, как унификационное движение выдвигало в качестве международных преступлений второстепенные деяния, кстати, часто по своему характеру не являющиеся «международными», оставляя в стороне действительно международные преступления или говоря о них вскользь (см.: Трайнин А. Н. Указ соч., с. 17—39).

² См.: Левин Д. Б. Ответственность государств в современном международном праве. М., «Международные отношения», 1966.

³ См.: Ромашкин П. С. Указ соч., с. 26.

⁴ Лазарев М. И. Империалистические военные базы на чужих территориях и международное право. М., Изд-во ИМО, 1963, с. 178.

⁵ Моджорян Л. А. Субъекты международно-правовой ответственности. — Сов. государство и право, 1969, № 12, с. 122.

⁶ Трайнин А. Н. Указ соч., с. 271—423. В проекте Кодекса против мира и безопасности человечества, составленном Комиссией международного права ООН в 1954 году, эти преступления названы международно-правовыми преступлениями, что, на наш взгляд, неудачно и с точки зрения существа, и с точки зрения точности юридического определения (по нашему мнению, термин «правовые преступления» или «преступления против права» ни грамматически, ни юридически не может быть признан правильным). Нельзя не отметить и то, что этот проект неудовлетворителен и в главном — в определении понятия тягчайших преступлений против мира и безопасности народов. Мы не будем здесь подвергать анализу его положения, ибо такой анализ выходит за рамки настоящего исследования. Заметим лишь, что он заметно отходит от согласованных ранее нюрнбергских принципов. Более подробно об этом пишет П. С. Ромашкин в работе «Преступления против мира и человечества» (М. «Наука», 1967, с. 287—296).

⁷ См.: Галенская Л. Н., Петровский Ю. В. Ответственность физических лиц за совершение международных преступле-

ний. — Советский ежегодник международного права. 1971. М., «Наука», 1973, с. 118.

⁸ Следует отметить, что впервые об индивидуальной уголовной ответственности за военные преступления было указано в Версальском договоре, где говорилось о необходимости привлечения к уголовной ответственности Вильгельма II. Однако никакого развития эти положения не получили, как не было и суда над главными преступниками первой мировой войны.

⁹ А. Н. Трайнин писал, что в геноциде следует различать три формы: физический, когда происходит непосредственно физическое уничтожение людей; биологический, когда речь идет о борьбе с возможностью появления на свет человека (гитлеровцы осуществляли это с помощью кастрации и стерилизации) и национально-культурный, когда речь идет об уничтожении национальной культуры, ее достижений и богатств (указ. соч., с. 408). В 1948 году ООН признала геноцид международным преступлением.

¹⁰ См.: Фам Ван Бать, Фам Тхань Винь, Нгуен Ван Хыонг. Война во Вьетнаме и международно-правовая ответственность американских агрессоров. — Сов. государство и право, 1972, № 1.

¹¹ Отграничение массового загрязнения окружающей среды как международного преступления от других видов преступных деяний этого рода мы дадим ниже.

¹² См.: Новое время, 1977, № 24, с. 30—31.

¹³ Ги цу М. А. Проблема международной ответственности государств в области охраны морской среды. — Сов. государство и право, 1978, № 9.

¹⁴ В октябре 1975 года Советский Союз ратифицировал эту конвенцию, а ХХХ сессия Генеральной Ассамблеи ООН призвала все страны мира также ратифицировать ее. В порядок дня должен, вероятно, встать вопрос о признании не только апартеида, но и любых видов расовой дискриминации международным преступлением. Советские ученые именно так ставят этот вопрос (см., например: В а д и н В. Ф. Распространение расистской идеологии — международное преступление. — Советский ежегодник международного права. 1967. М., «Наука», 1969).

¹⁵ Цит. по статье А. Полторака «Расплата». — Лит. газ., 7 июля 1976 г., № 27, с. 9.

В другой своей статье «Наемничество под судом» (Международная жизнь, 1976, № 9) А. И. Полторака приводил и другие законодательные акты о наказуемости наемничества, принятые, в частности, Организацией африканского единства в 1967, 1970 и 1971 годах.

¹⁶ Appleman I. Military tribunals and international crimes. Indianapolis, 1954, p. 27.

¹⁷ Нюрнбергский процесс, т. II. М., Госюриздат, 1958, с. 959.

¹⁸ См. резолюцию 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 г.

¹⁹ После второй мировой войны в мире произошло свыше 100 вооруженных конфликтов, в которых принимали участие наемники. См.: Грибанов М. Успех принципов гуманизма. — Новое время, 1978, № 4, с. 4.

²⁰ Мы не говорим здесь о политике попустительства нацистским преступникам, о попытках, используя национальное законодательство, дискредитировать значение нюрнбергских принципов и других

недостойных попытках вызвать международных преступников, поставить под сомнение принципы международного уголовного права как средство защиты мира и безопасности народов.

²¹ Имеются работы, в которых авторы стремятся классифицировать международные преступления на просто международные преступления и на особо опасные международные преступления. В. А. Василенко, например, пишет, что особо опасные международные преступления — это «такие посягательства на важнейшие субъективные права отдельных государств и наций, которые объективно являются посягательством на сами устои международного правопорядка, наиболее существенные права и интересы всего международного сообщества государств» (В а с и л е н к о В. А. Ответственность за международные правонарушения. Киев, 1976, с. 187).

²² Нюрнбергский процесс, т. I, с. 505.

²³ См.: Галенская Л. Н. Указ. соч.; Блум М. И. Указ. соч.; Гавердовский А. С. Проблема предупреждения преступности в современном международном праве. — Материалы теоретической конференции. Киев, 1973; Малеев Ю. Н. Международно-правовые аспекты борьбы с незаконным захватом воздушных судов. Автореф. канд. диссертации. М., 1973, и ряд других работ.

²⁴ Блум М. И. Указ. соч., с. 263.

²⁵ См.: Галенская Л. Н. Указ. соч.

После выхода в свет книги Л. Н. Галенской был заключен ряд новых соглашений, например об ответственности за незаконные работы на континентальном шельфе, получивших отражение в национальном уголовном законодательстве, в частности в советском.

²⁶ Ниже мы подробно проанализируем криминологическую и правовую сущность каждого из этих преступлений, дадим им и политическую характеристику. Здесь лишь скажем, что, по нашему мнению, это деяния, близкие к международным преступлениям, о которых мы писали выше. Более того, мы стараемся обосновать тезис о том, что в современных условиях мирного сосуществования есть основания некоторые из них считать новой модификацией международных преступлений.

²⁷ «Kriminalistik», 1975, №7.

²⁸ В. G. S. Zeitschrift Budesgrenzschutzes, 1975, №3, S. 21.

²⁹ «Kriminalistik», 1974, №2, S. 68—73.

³⁰ Willrich M., Taylor T. Nuclear Theft: Risks and Safeguards. — Cambridge, Ballinger, 1974.

³¹ South China Morning Post, July 2, 1975, p. 8.

«Интерпол» издает журнал под названием «Интерпол». Советский Союз не сотрудничает с «Интерполом» ввиду того, что существует коренное различие в формах преступности, ее сущности. Уголовные преступники из капиталистических государств не скрываются на территории СССР. Однако мы полагаем, что по некоторым вопросам (о которых мы скажем ниже) такая связь могла бы существовать.

³² «Интерпол», 1976, № 294 (Франция).

³³ В первую очередь следует указать работы Б. С. Никифорова, А. С. Никифорова, А. М. Яковлева и ряда других ученых. Весьма полезные для уяснения характера современной организованной преступности в капиталистическом мире, и в частности в США, книги бывшего министра юстиции США Рамсея Кларка «Преступность в США» (М., «Прогресс», 1976) и Эдвина М. Шурра «Наше преступное общество» (М., «Прогресс», 1977).

³⁴ См.: Колосов Л. Мафия — концерн преступников. М. Политиздат, 1976, с. 6—7.

³⁵ См.: Израиль: преступления за сионистским занавесом. — За рубежом, 1975, № 52 (809), с. 16.

³⁶ Sutherland E. H. and Cressey D. K. Principles of Criminology. Philadelphia, 1960.

³⁷ См.: За рубежом, 1976, № 32 (841), с. 15.

³⁸ «Kriminalistik», 1975, №7, р. 292—296.

³⁹ См.: За рубежом, 1976, № 34 (843).

⁴⁰ Parsons T. Theories of Society. Vol. 1. New York, 1961, p. 225.

Глава III

¹ В качестве примера достаточно сослаться на высказывание такого буржуазного ученого, как Р. Гарофало. Он вообще известен своими крайне реакционными взглядами как криминолог, который в концентрированном виде выражал позиции биологизма, считая людей, совершающих преступления, биологически предрасположенными к этому, а причины преступности — корнящимися в биологической природе человека. Политическое же его лицо ученого фашистского толка видно на следующем примере. Говоря о необходимости создания международной юстиции и перечисляя некоторые преступления чисто уголовного порядка, которые, по его мнению, наносят вред многим государствам, он, подводя итог своим соображениям, подчеркнул: «Здесь же необходимо сказать о преступлениях, организованных коммунистами, против которых все цивилизованные нации обязаны ныне вести непрерывную борьбу: большевистская пропаганда и террористические акты посягают на социальные устои, составляющие основу нашей цивилизации» (*Revue internationale de droit penal*, 1926, №2—3).

² Трайнин А. Н. Указ. соч., с. 40.

³ См.: Трайнин А. Н. Указ. соч., с. 43.

⁴ См.: Трайнин А. Н. Указ. соч., с. 57.

⁵ Debrau R. Revolution in the Revolution. N. Y., 1967.

⁶ Gott R. Guerzila Movements in Latin America.

⁷ Fanon F. Les condnados de la tierra. Editions vinceremos. La Habana, 1965.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 380.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 384.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 309.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 101.

¹² Это, кстати, не мешало бы помнить современным буржуазным истолкователям понятий диктатуры пролетариата, рабочего класса, стремящимся «запугать» политически незрелые массы, а также тем, кто с непонятной легкостью отказывается от этих понятий.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 187.

¹⁴ Проблема современного терроризма посвящена вышедшая недавно книга под редакцией М. Ш. Бассиони *International Terrorism and Political Crimes*. Ed. by M. Cherif Bassiouni — Springfield, Illinois, USA, 1975. Авторы книги — ученые, сотрудничающие в Международной Ассоциации уголовного права. Фактический материал в ней интересен. Терроризм как явление авторы осуждают. Однако исходные их позиции заслуживают критики. В частности, они не говорят прямо о том, что уже подтверждено историей: что истоки

терроризма — в крайне реакционных, в частности в фашистских, теориях как крайностях империализма, а отсюда — и в практике.

Многие предложения авторов вследствие нечеткости теоретических позиций носят абстрактный и практически нереальный характер, например о создании Международного суда над терроризмом, хотя сама по себе идея создания судов ad hoc для преследования международных преступников, безусловно, плодотворна. Очевидно, прежде чем создавать Международный суд, необходимо дать четкое определение состава преступления. Есть в книге и ряд других спорных либо сомнительно решенных вопросов. Но самый факт написания такой книги примечателен и является реакцией в общем либерально настроенных ученых на усилившуюся в капиталистическом мире волну терроризма.

¹⁵ The Police Chiefs, May, 1974, p. 60, 61.

¹⁶ См.: Правда, 1976 г., 13 мая.

¹⁷ См.: Советская Россия, 1976 г., 11 октября.

¹⁸ См.: Правда, 1978 г., 3 марта.

¹⁹ Известия 1977 г., 18 декабря.

²⁰ См.: Правда, 1977 г., 8 июня.

²¹ Понятие «герилья» ведет свое начало от действий испанских партизан, боровшихся в 1804—1814 гг. против французских завоевателей за буржуазные преобразования, потом это движение перешло в Латинскую Америку. Теперь оно стало оправданием терроризма. Печальная метаморфоза.

²² Die Polizei, 1976, №12.

²³ Ленинское знамя, 1976 г., 11 июля.

²⁴ U. S. News and World Report, July 28, 1975, p. 67, 68; The New York Times, 19, 1974, p. 50.

²⁵ См.: Правда, 1976 г., 30 июля, с. 5 (Положить конец терроризму).

²⁶ См.: Правда, 1976 г., 9 августа, с. 3.

²⁷ См.: Комсомольская правда, 1976 г., 20 августа.

²⁸ International Management, Dec., 1976.

²⁹ См.: Лит. газ., 1976 г., 1 сентября.

³⁰ См.: Московская правда, 1976 г., 21 августа.

³¹ См.: Правда, 1978 г., 21 февраля.

³² См.: «О некоторых подходах к изучению борьбы маоистских группировок». — В сб.: Особенности современной политической борьбы в КНР. М., изд. Института международного рабочего движения АН СССР, 1975, с. 252.

³³ Цит. по статье Г. Герасимова «ЦРУ: хроника преступлений». — Лит. газета, 1975 г., 3 декабря.

³⁴ См.: За рубежом, 1976, № 31, с. 18.

³⁵ «Адская машинка» взрывается в полночь». — За рубежом, 1976, № 31 (840).

³⁶ Убийство О. Летельера, как и другие террористические акты против прогрессивных деятелей либо представителей социалистических стран, совершила при покровительстве ЦРУ группа сотрудничающего с кликой Пиночета Гуилермо Ново. Именно эти террористы пытались взорвать советское судно «Иван Шепетков» и взорвали кубинский самолет, в результате чего погибло 73 человека (см.: «Альфа», «Омега» и другие. — Лит. газ., 1976 г., 29 декабря).

³⁷ Это не значит, конечно, что ЦРУ и ФБР — антиподы. Более того, они дополняют друг друга. Просто эти факты не

удалось скрыть ни от сенатской комиссии, ни от общественного мнения.

³⁸ См.: Правда, 1976 г., 11 июля.

³⁹ За рубежом, 1976, № 36 (845), с. 17.

⁴⁰ За рубежом, 1976, № 39 (848).

⁴¹ Причем отмечается стремление легализовать его, вывести на поверхность политической арены и сделать центром притяжения международного терроризма, ибо изменение ситуации в Испании и Португалии подорвало прочность фундамента международных террористических и фашистских организаций, создававшихся на территории этих стран.

⁴² См.: Неделя, 1977, № 9, с. 10.

⁴³ Лит. газ., 1970 г., 24 июня.

⁴⁴ См.: Международные воздушные сообщения Союза ССР. Сборник документов, т. 3. М., 1970, с. 143—152.

⁴⁵ Interavia, 1975, №2, p. 176—180; №7, p. 803—807.

⁴⁶ Более подробный анализ текста Конвенции дает Л. Н. Галенская (указ. соч., с. 101).

⁴⁷ Г а л е н с к а я Л. Н. Указ. соч., с. 108.

⁴⁸ Существует также американо-кубинский меморандум о взаимопонимании, заключенный в 1973 году.

⁴⁹ Правда, 1976 г., 17 июля. Администрация президента Картера продолжает оказывать в США покровительство этим уголовным преступникам, что не может быть признано нормальным.

⁵⁰ Интересные факты приводит Л. Н. Галенская (указ. соч., с. 74—75).

Г л а в а IV

¹ Иной, но тоже сложный характер имеет это преступление в СССР и других социалистических странах, которые стоят в этом отношении как бы в стороне от того, что происходит в капиталистических странах, но при этом все же испытывают разлагающее влияние этого вида преступности (подробнее см. ниже).

² Правда, 1975 г., 30 марта.

³ Working Peoples Daily, 12 April, 1975, p. 2—4.

⁴ См.: «Проигранная игра маоистов». — Неделя, 1978, № 2, с. 10.

⁵ The Asia Magazine, 1975, 15, № P15, p. 3—9.

⁶ См.: Катания Э. Миллиардеры подпольного бизнеса. — За рубежом, 1973, № 14.

⁷ Героин — самый опасный и самый дорогой наркотик, килограмм которого стоит на черном рынке тысячи долларов.

⁸ Данные взяты из журнала Kriminalistik, 1975, №6, S. 273—274; 1976, №3, S. 141—142; 1974, №12.

⁹ Правда, 1976 г., 28 августа.

¹⁰ Honkong Standart, Dec., 1976.

¹¹ См.: «Kriminalistik», 1975, №3, S. 116—120.

¹² См.: Неделя, 1977, № 9, с. 11.

¹³ Данные о совещаниях и цифры приводятся по U. S. News and World Report, Juni, 1965, p. 14, 15; Readers Digest. September, 1975, p. 9, 10.

¹⁴ Исключением, по нашему мнению, должна быть наказуемость потребления наркотиков.

¹⁵ Следует подчеркнуть, что внутри Советского Союза героинной наркоманией нет.

¹⁶ См. бирманскую газету South China Morning Post, January, 21, 1975, p. 10.

¹⁷ Working Peoples Daily, 1, 2, April, 1975, p. 2.

¹⁸ См.: Сов. Россия, 1976 г., 7 июня.

¹⁹ Kriminalistik, 1974, №12; 1975, №3; 1975, №8.

²⁰ См.: Московская правда, 1976 г., 7 октября.

²¹ За рубежом, 1973, № 15.

²² См.: За рубежом, 1976, № 44 (853), с. 19.

²³ См.: Правда, 1978 г., 10 апреля.

²⁴ См.: Правда, 1977 г., 14 июля.

²⁵ South China Morning Post, January, 21, 1975, p. 10, 11.

²⁶ См.: Галенская Л. Н. Указ. соч., с. 55.

²⁷ U. S. News and World Report, Juny, 13, 1977.

²⁸ Об этих фактах сообщил швейцарский журнал Review International de criminologie et de technique», N 1, 1977.

²⁹ «Интерпол», 1976, № 294.

³⁰ При подписании Конвенции было сделано заявление о непризнании обязательной юрисдикции Постоянной палаты международного правосудия.

³¹ International Criminal Police Review, 1968, N¹ 223, p. 291.

³² Материалы XXV съезда КПСС. М., Политиздат, 1976, с. 56.

³³ См., например: Lamarque Jean. Droit de la Protection de la Nature et de L'Environnement. Paris, 1973.

³⁴ Нельзя в связи с этим не вспомнить слова руководителя партии США Г. Холла: «Что важнее: прибыли горстки богачей или необходимая для продолжения жизни на нашей планете — среда?» (Холл Г. Классовый аспект экономического кризиса. — Проблемы мира и социализма, 1972, № 8, с. 24).

³⁵ Environmental Pollution and Role Jurists. Japan, 1975, № 3. The All-Japan Committee of Members of the Legal profession against Pollution.

³⁶ Французский адвокат Десанс Лавуан считает, что в «черном списке» остающихся ненаказанными преступлений 99 процентов составляют «экологические преступления» (см.: Черный список экологических преступлений. — За рубежом, 1977, № 51 (912), с. М).

³⁷ Материалы XXV съезда КПСС, с. 53.

³⁸ Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1960, № 40, ст. 586.

³⁹ Сохранение природной среды — социальная проблема. — Правда, 1976 г., 4 мая.

⁴⁰ Шварц С. С. Проблемы экологии человека. — Вопросы философии, 1974, № 9, с. 107.

⁴¹ См.: Правда, 1976, 11 августа.

⁴² См.: Волков Г. «Экологический кризис» и социалистическое природопользование. — Коммунист, 1976, № 12, с. 36.

⁴³ См.: Правда, 1976 г., 30 сентября.

⁴⁴ См.: За рубежом, 1976, № 22 (831).

⁴⁵ См.: За рубежом, 1976, № 19 (828).

⁴⁶ См.: За рубежом, 1976, № 40 (849).

⁴⁷ См.: За рубежом, 1976, № 45 (854), с. 19.

⁴⁸ См.: Неделя, 1976, № 29, с. 15.

Глава V

¹ См.: Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XVII и XVIII. М., «Международные отношения», 1960, с. 274—279.

² См.: Сборник действующих договоров... Вып. XIX, с. 146—153.

³ См.: Доклад о рабстве. Нью-Йорк, изд. ООН, 1967, с. 430—431.

⁴ См.: За рубежом, 1976, № 44 (853), с. 19.

⁵ См.: Сборник действующих договоров... Вып. XIX, с. 219—232.

⁶ См.: Сборник действующих договоров... Вып. XVI. М., 1957, с. 280—289.

⁷ См.: Галенская Л. Н. Указ. соч., с. 81.

⁸ См.: Советская Россия, 1977 г., 7 января.

⁹ Mc Dougal M., Burke W. The Public Order of the Oceans. A Contemporary International Law of the Sea. New Haven and London, 1962, p. 806.

¹⁰ Среди советских ученых «государственное пиратство» допускает А. Л. Колодкин (Морской разбой и международное право. — Международная жизнь, 1967, № 10).

¹¹ СП СССР, 1938, № 16, ст. 108.

¹² Доклад Комиссии международного права о работе ее восьмой сессии. 23 апреля — 4 июля 1956 г., с. 33.

¹³ На этих позициях стоит, в частности, С. В. Молодцов (Международно-правовой режим открытого моря и континентального шельфа. М., Международные отношения, 1960).

¹⁴ Галенская Л. Н. Указ соч., с. 88.

¹⁵ См.: Сборник действующих договоров... Вып. IX. М., 1954, с. 100—105.

Глава VI

¹ СЗ СССР, 1926, отдел II, № 31, ст. ст. 188 и 189.

² Молодцов С. В., Международно-правовой режим открытого моря и континентального шельфа, с. 184—185.

³ См.: Галенская Л. Н. Указ. соч., с. 99.

⁴ См.: Международные воздушные сообщения Союза ССР. Сборник документов Т. 3. М., 1970, с. 143—152. Подробный анализ этой конвенции, как и принятых после нее, можно найти в книге Л. Н. Галенской. Мы рассмотрим только уголовно-правовой аспект названных актов.

Глава VII

¹ Нюрнбергский процесс, т. I, с. 460—461.

² См., например: Тункин Г. И. Вопросы теории международного права. М., Госюриздат, 1962; Левин Д. Б. О понятии и системе современного международного права. — Сов. государство и право, 1947, № 5, и др.

³ См.: За рубежом, 1976, № 35 (844), 1976, с. 19.

⁴ См.: Карпец И. И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы. М., «Юридическая литература», 1973;

Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М., «Юридическая литература», 1972.

⁵ См.: Общественность и проблемы войны и мира. Под ред. Г. И. Морозова. М., «Международные отношения», 1976.

Глава VIII

¹ См.: Трайнин А. Н. Защита мира и уголовный закон. М., «Наука», 1969, с. 316—320; Ромашкин П. С. Преступления против мира и человечества. М., «Наука», 1967, с. 175—225.

² Трайнин А. Н. Указ. соч., с. 316.

³ Исключая случаи, когда международно-правовой акт оставляет этот вопрос на усмотрение национального уголовного законодательства, а последнее в ряде стран предусматривает и такую систему ответственности соучастников.

⁴ Так было, в частности, при решении вопроса об ответственности гитлеровцев. Организаторы отвечали за подготовку и ведение агрессивной войны, а конкретные исполнители — за убийство, изнасилование, мародерство и т. д. Ссылка на то, что эти деяния совершались по приказу, была признана юридически несостоятельной.

⁵ Уголовно-правовая теория и законодательство ряда стран (например, Франции) не выделяют эту стадию преступной деятельности как самостоятельную.

⁶ Мы не касаемся здесь дискуссионных вопросов о целях и задачах наказания.

⁷ См.: Карпец И. И. Индивидуализация наказания. М., «Юридическая литература», 1973; Он же. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы.

⁸ Справедливо подчеркивается, что следует говорить шире: о неотвратимости ответственности, в понятие которой входит и уголовное наказание. Автор говорит здесь лишь о неотвратимости наказания, поскольку речь идет о наказании как инструменте международного уголовного права, а следовательно, о наказании за преступления международного характера, а не за правонарушения, влекущие иные виды ответственности (по буржуазному законодательству — меры безопасности).

⁹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 412.

¹⁰ Давая эти краткие социально-психологические характеристики, мы понимаем условность их, ибо одним из важнейших последствий преступлений международного характера является нанесение ущерба международному сотрудничеству и интересам государств.

¹¹ В приведенной выше статье А. С. Гавердовского автор говорит о необходимости предупреждать международные преступления. В этом он прав, хотя употребляемая им терминология нуждается в уточнении. Но вывод его о том, что необходимо не только предупредить, но и искоренить, ликвидировать эти преступления, по меньшей мере, поспешен. Автор без достаточных оснований переносит положения советской теории о постепенной ликвидации преступности в обществе, свободном от эксплуатации, на всю преступность в целом.

В условиях капитализма такая задача даже не может быть поставлена. В то же время преступления международного характера — это преступления, совершаемые в условиях мирного сосуществования двух систем, и корни преступности международного характера уходят в эксплуататорскую систему и ее общественные отношения. С такой преступностью нужно (и можно) бороться, но ликвидировать ее без ликвидации эксплуататорского строя, конечно, невозможно.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	
Введение	7
Часть I	
МЕЖДУНАРОДНОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВО, МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ХАРАКТЕРА	12
Глава I	
ПОНЯТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА	12
Глава II	
ПОНЯТИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО ХАРАКТЕРА	31
Международные преступления и преступления международного характера	31
Международная преступность — феномен капи- талистического общества	54
Часть II	
ВИДЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО ХАРАКТЕРА	64
Глава III	
ПРЕСТУПЛЕНИЯ, НАНОСЯЩИЕ УЩЕРБ МИРНОМУ СОТРУДНИ- ЧЕСТВУ И НОРМАЛЬНОМУ ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ МЕЖГОСУДАР- СТВЕННЫХ ОТНОШЕНИИ	64
Терроризм — особый вид преступлений международного характера	64
Угон самолетов	99
Незаконное радиовещание	106
Глава IV	
ПРЕСТУПЛЕНИЯ, НАНОСЯЩИЕ УЩЕРБ ЭКОНОМИЧЕСКОМУ И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМУ РАЗВИТИЮ ГОСУДАРСТВ И НА- РОДОВ	109
Распространение наркомании и незаконная торговля наркотиками	109

Контрабанда и нелегальная эмиграция	137
Подделка денег и ценных бумаг	
Преступления, посягающие на окружающую человека среду	141
Посягательства на национально-культурное наследие народов	153
Г л а в а V	
ПРЕСТУПЛЕНИЯ, НАНОСЯЩИЕ УЩЕРБ ЛИЧНОСТИ, ЛИЧНОМУ И ГОСУДАРСТВЕННОМУ ИМУЩЕСТВУ, МОРАЛЬНЫМ ЦЕННО- СТЯМ	166
Торговля людьми	166
Пиратство	178
Распространение порнографии	184
Г л а в а VI	
ИНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ХАРАКТЕРА	189
Разрыв или повреждение подводного кабеля	189
Столкновение морских судов и неоказание помощи на море	191
Преступления, совершаемые на борту воздушного судна	194
Часть III	
ПРЕСТУПЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ХАРАКТЕРА И УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ТЕОРИЯ	198
Г л а в а VII	
ПРОБЛЕМА ЗАКОННОСТИ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОД- НОГО ХАРАКТЕРА	198
Г л а в а VIII	
ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО ПРАВА И ПРЕСТУП- ЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ХАРАКТЕРА	212
Соучастие в преступлениях международного ха- рактера	212
Вина и стадии преступной деятельности	220
Наказание за преступления международного ха- рактера	225
Субъект преступлений международного харак- тера и личность «международного преступника» (некоторые вопросы)	236
Вместо заключения	246
Примечания	248

Карпец И. И.
К26 Преступления международного характера.—
М.: Юрид. лит., 1979.— 264 с.

В работе большое место занимает изложение проблемы становления международного уголовного права как новой отрасли права, которая является одним из инструментов борьбы за мир, за **законность** в отношениях между государствами, против международных преступлений и преступлений международного характера. В книге содержится классификация преступлений международного характера и анализ конкретных их составов, как предусмотренных различными международными конвенциями, так и выходящих за рамки уже имеющихся международных **соглашений**.

Издание рассчитано на ученых-юристов, преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов, а также может быть рекомендовано пропагандистам и лекторам-международникам.

11005-009
012(01)-79 -71-79. 1207000000

66.4
34М

Карпец Игорь Иванович

«ПРЕСТУПЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ХАРАКТЕРА»

Редактор М. М. Левина

Обложка художника Е. А. Андрусенко

Художественный редактор Э. П. Батаева

Технический редактор Л. К. Хлопова

Корректор Л. А. Базарницкая

ИБ № 661

Слано в набор 22.06.78.

Подписано в печать 20.11.78.

А-02314. Формат 84×108¹/₃₂.

Бумага типографская № 1.

Гарнитура литературная.

Печать высокая.

Объем: усл. печ. л. 13,86;

учет.-изд. л. 15,12. Тираж 10 000 экз.

Заказ № 5947. Цена 1 р. 30 к.

Издательство «Юридическая литература».

121069, Москва Г-69, ул. Качалова, д. 14.

Областная типография управления издательств,
полиграфии и книжной торговли Ивановского **облесполкома**,
г. Иваново-8, ул. Типографская, 6.